

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С.М. КИРОВА

В.А. ДМИТРИЕВ

**БОРЬБА РИМСКОЙ (ВИЗАНТИЙСКОЙ) ИМПЕРИИ
И САСАНИДСКОГО ИРАНА ЗА ПРЕОБЛАДАНИЕ
В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (III - VII ВВ.)**

Учебное пособие

ПСКОВ•ПГПУ•2008

ББК 63.3(О)44Я73
Д 534

Печатается по решению кафедры всеобщей истории и Редакционно-издательского совета ПГПУ имени С.М. Кирова

Д 534

Дмитриев В.А. Борьба Римской (Византийской) империи и сасанидского Ирана за преобладание в Передней Азии (III - VII вв.). - Псков: ПГПУ, 2008 - 148 с. ISBN 978-5-87854-429-0

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор И.В. Пьянков
кандидат педагогических наук, доцент С.В. Кускова

В настоящем учебном пособии освещается история военно-политического противостояния Римской (позднее - Византийской) империи и сасанидского Ирана за гегемонию в переднеазиатском регионе во второй трети III - середине VII вв. На основе широкого круга источников и научной литературы (как отечественной, так и зарубежной) автор показывает перипетии борьбы двух крупнейших держав эпохи поздней античности и рассматривает весь спектр форм их взаимоотношений - от союзнических до открыто враждебных. Издание снабжено приложениями, дополняющими и углубляющими материал, излагаемый в основной части пособия. Каждый параграф сопровождается контрольными вопросами и заданиями, призванными стимулировать познавательную деятельность студентов.

Пособие адресовано студентам исторических факультетов, аспирантам, специалистам, учителям истории, а также всем, интересующимся военно-политической историей зарубежных стран.

ISBN 978-5-87854-429-0

© В.А. Дмитриев, 2008
© Псковский государственный педагогический университет им. С.М. Кирова, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Сасанидский Иран и Римская империя	
в середине III - конце IV вв.	20
§ 1. Начало противостояния: от преобладания Ирана к гегемонии Рима (235 - 298 гг.)	20
§ 2. Переход инициативы в переднеазиатском регионе к Сасанидской державе (298 - 387 гг.)	33
Глава 2. Держава Сасанидов и Восточная Римская империя	
в конце IV - конце VI вв.	51
§ 1. "Весны и осени" в отношениях между Византией и Ираном (387 - 540 гг.)	51
§ 2. Хосров Великий и активизация персидской экспансии в Передней Азии (540 - 579 гг.)	67
Глава 3. Сасанидский Иран и Византийская империя	
в конце VI - первой трети VII вв.	101
§ 1. Неустойчивое равновесие (579 - 591 гг.)	101
§ 2. "До Ионии и Карики" и обратно (591 - 628 гг.)	124
Заключение	128
Источники и литература	130
Приложения	139

ВВЕДЕНИЕ

Сильный противник на западе в лице Римской империи достался Сасанидам в качестве своеобразного наследства вместе со всеми проблемами, накопившимися в Парфии за ее почти пятивековую историю. Во многом теми же, что и в парфянскую эпоху, были и причины кровопролитных войн, происходивших в Азии между римлянами и персами: и Римская империя, и держава Сасанидов представляли собой в этот период по сути дела военные державы, для которых внешняя экспансия была одним из способов существования. Кроме того, каждая из этих двух держав считала себя единственным полноправным хозяином в Передней Азии: Рим - после походов Траяна, захватившего все Двуречье и отодвинувшего восточную границу империи до берегов Тигра; Сасаниды же - в силу своей, как они считали, причастности к династии Ахеменидов и, следовательно, претензий на всю Переднюю Азию вплоть до берегов Эгейского и Черного морей.

Однако не менее, если не более, важной причиной всех войн римлян с персами (как до того - с парфянами) являлось стремление Рима захватить или хотя бы поставить под свой контроль торговые пути, шедшие из далекого Китая к границам империи; в свою очередь персы старались сделать все возможное, чтобы не допустить этого и сохранить, а по возможности - и расширить зону своего влияния в бассейне Тигра и Евфрата - регионе, где издревле сходились трансазиатские торговые пути, приносившие расположенным на них государствам огромные прибыли. Именно борьба за контроль над караванными путями, шедшими с Востока на Запад и находившимися с III века в руках сасанидского Ирана в силу его геополитического положения, в значительной мере породила нескончаемую череду войн и дипломатических конфликтов, наполнивших всю историю римско-персидских отношений.

Следует отметить еще одну причину ожесточенной борьбы между Римом и Персией, имевшую также экономический характер. Речь идет о нехватке в сасанидском Иране квалифицированных рабочих рук, без которых не могло быть и речи об экономическом, а, следовательно, и военно-политическом могуществе государства Са-

санидов. Прежде всего, это касается ремесленного производства (в частности, ткачества, строительства, кузнечного дела), где Рим по многим показателям традиционно занимал лидирующее положение в тогдашнем мире.

Таким образом, в основе римско-иранских противоречий лежали, прежде всего, причины социально-экономического и геополитического характера, делавшие Римскую империю и сасанидский Иран естественными соперниками в их борьбе за гегемонию в переднеазиатском регионе.

События, о которых пойдет речь в данной книге, охватывают период с первой половины III по первую половину VII вв., т.е. весь период существования Сасанидского государства. Это показывает, что на протяжении всей своей четырехсотлетней истории сасанидский Иран, подобно всем предшествующим империям Ближнего и Среднего Востока, настойчиво стремился к захвату Переднеазиатского региона.

В связи с указанными хронологическими рамками необходимо отметить, что под Римской империей в настоящем пособии (при рассмотрении событий V - VII вв.) понимается также и Византийская империя, являвшаяся во многих отношениях прямой преемницей и продолжательницей традиций Древнего Рима (не случайно и сами византийцы называли себя ромеями, т.е. римлянами).

***

Историография

Вопрос о военной истории сасанидского Ирана не нашел целостного рассмотрения не только в отечественной, но и зарубежной историографии. На фоне колоссального числа исследований, посвященных развитию военного дела в античном мире в целом и в Римской империи в частности, количество работ, касающихся армии сасанидского Ирана, выглядит особенно незначительным.

В отечественной исторической науке единственным комплексным исследованием, специально посвященным изучению военного дела персов эпохи Сасанидов, до сих пор остается работа видного российского востоковеда К.А. Иностранцева, опубликованная около

века назад¹. Основное внимание автор уделит военному трактату, содержащемуся в среднеперсидской книге "Аин-наме", материал которого он использовал с целью характеристики различных аспектов развития военного дела в сасанидском Иране. Для источниковедческой критики и создания более полной и достоверной картины К.А. Иностранцев привлекал сведения позднеантичных авторов (Аммиана Марцеллина, Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Псевдо-Маврикия и др.).

О монографических исследованиях в такой ситуации говорить, естественно, не приходится. Следует лишь отметить, что вопросы, связанные с интересующей нас проблематикой, затрагивались такими авторами, как Н.В. Пигулевская², В.Г. Луконин³, В.П. Никоноров⁴, а также в ряде обобщающих работ, из которых особо следует выделить "Очерк истории древнего Ирана" М.М. Дьяконова⁵.

Чуть лучше обстоит дело в зарубежной исторической науке. Здесь традиционно много внимания уделялось военному делу в античном мире, и работы по этой проблематике исчисляются сотнями. Армия же и военное искусство персов сасанидской эпохи остались практически вне поля зрения зарубежных специалистов. Единственным монографическим исследованием, где представлена комплексная характеристика состояния военного дела в сасанидском Иране, является относительно недавняя работа Д. Николла⁶, носящая, однако, в значительной мере популярный характер.

Из других зарубежных авторов определенное внимание сасанидскому военному делу уделяли такие исследователи, как Дж. Коулстон⁷, Э. Ли⁸, С. Лью⁹, М. Михалак¹⁰, Дж. Аллан¹¹, А. Шабази¹², Дж. Херрман¹³, Б. Оверлет¹⁴, М. Милчарек¹⁵, К. Масия¹⁶ и ряд других авторов. Кроме того, полезную для нас информацию содержит также ряд вышедших за рубежом обобщающих трудов¹⁷.

Источники

Источниковая база по истории военного дела в сасанидском Иране имеет свою специфику. Дело в том, что сочинения собственно персидских авторов, содержащие информацию по интересующей нас проблеме, до нашего времени практически не сохранились. По этой причине основными источниками при изучении развития воен-

ного дела у персов эпохи Сасанидов являются *произведения античных писателей-историков*.

Особенностью этой группы источников является то, что в них представлена точка зрения не самих персов, а их противников - греков и римлян. Со времени Геродота в классической литературе возникла установка, согласно которой именно от персов и других народов Азии исходит наиболее серьезная для цивилизованного (т.е. греко-римского) мира опасность. Последовавшие за греко-персидскими войнами события во взаимоотношениях между Востоком и Западом лишь укрепили это представление. Кроме того, в силу ярко выраженного этноцентризма, вообще свойственного традиционным обществам, все страны и народы, находившиеся восточнее Евфрата, воспринимались античной цивилизацией как *alter orbis*¹⁸, чужой и малопонятный, а потому таящий в себе угрозу, мир азиатских варварских народов. Необходимо также учитывать и одну из особенностей полисного мировосприятия, в значительной мере сохранившуюся в позднеантичный период, заключавшуюся в том, что для граждан полиса было характерно представление о своей общине как "единственном подлинном, достойном и благом мире, тесном и обжитом, привычном и понятном, которому противостоит вся остальная бесконечность земного круга - враждебная, причудливая и злая"¹⁹.

Вместе с тем нужно отметить, что греки²⁰, а затем по их примеру и римляне, всегда по-особому относились к персам, четко отличая их от остальной варварской массы. Наиболее ясно и понятно причину этого особого отношения объясняет Страбон: "Персы стали самыми знаменитыми из варваров, так как из прочих варварских народов, владевших Азией, ни один не властвовал над греками... Персы были первыми властителями греков" (Strabo. XV. 3. 23). В связи с этим статус персов в сознании греков и римлян всегда был выше статуса всех остальных варваров.

Таким образом, для восприятия античными авторами персов и их союзников свойственна противоречивость оценочных суждений, обусловленная вполне объективными причинами.

Кроме этого, при написании своих сочинений античные авторы в значительной степени основывались на сложившейся письменной традиции, следование которой требовало от них использования усто-

яввшихся оценок, трактовок, стереотипов. По этой причине важное место в трудах греческих и латинских писателей занимают так называемые топосы, или общие места, содержащие устоявшиеся в античном мировоззрении представления о том или ином описываемом варварском этносе, в том числе - о персах и других народах Востока. Материал топосов зачастую имеет весьма сложную структуру и может содержать в себе наслоения из различных по времени и месту происхождения данных, информацию, привнесенную самим автором сочинения, мифологические сюжеты.

В связи с этими обстоятельствами использование произведений греко-римских авторов сопряжено с необходимостью тщательного источниковедческого анализа и критического осмысления.

Важнейшим источником по истории военного дела в сасанидском Иране является сочинение *Аммиана Марцеллина* (ок. 330 - ок. 400), известное в науке под названием "Деяния" (*Res gestae*)²¹. Первоначально "Деяния" состояли из тридцати одной книги и охватывали период с 96 по 378 гг.²² Сохранились лишь последние восемнадцать книг, где описаны события с 353 по 378 гг.²³

О самом Аммиане известно очень немного. Ясно, что он был греком, уроженцем Антиохии Сирийской, выходцем из местной знати²⁴. В молодости (с начала 350-х гг.) он служил в римской армии. В этот период он принимал непосредственное участие в боевых действиях против персов на территории Месопотамии. В качестве протектора-доместика Аммиан Марцеллин провел на военной службе не менее 10 лет (с 353 по 363 гг.)²⁵, часто оказываясь в самой гуще событий, в том числе - и во время римско-персидских войн в Месопотамии. Наиболее важные военные события, в которых участвовал Аммиан - это оборона Амиды (359 г.) и персидская экспедиция императора Юлиана Отступника (363 г.). В целом можно сказать, что ни один из античных авторов не дает такого обилия подробной, достоверной и весьма точной информации о развитии военного дела в сасанидском Иране, как Аммиан Марцеллин. В то же время следует учитывать, что в "Деяниях" Аммиана Марцеллина в первую очередь описаны именно "деяния" римлян, и потому автор, прежде всего, старается раскрыть драматизм происходящих событий; в связи с этим отдельные конкретные вопросы, связанные с военно-политической сферой, Аммиан

иногда обходит стороной²⁶. Кроме того, со своим произведением Аммиан Марцеллин выступал перед аудиторией (видимо, достаточно широкой), что также зачастую побуждало историка к привлечению внимания слушателей сосредоточением на поступках и судьбах людей, а не на частных деталях и событиях военного характера.

Следует отметить, что, хотя в литературе Аммиану как военному историку уделялось достаточно много внимания²⁷, практически все авторы (и отечественные, и зарубежные) рассматривали "Деяния" главным образом как источник по истории военного дела у древних римлян, но никак не у персов. В результате значительный по объему и важный по своему историческому значению пласт информации остался по сути дела вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных историков.

Много данных о римско-персидском противостоянии сообщает историк VI в. *Прокопий Кесарийский*²⁸. В основном нас интересует его сочинение "Война с персами"²⁹, состоящее из двух книг и являющееся первой частью его крупномасштабного труда "История войн Юстиниана". Ряд ценных сведений о военном деле персов и военной истории Ирана содержится в другом сочинении Прокопия - "Война с готами"³⁰. Прокопий был одним из наиболее уважаемых историков поздней античности, и не случайно другой известный позднеантичный историк - Агафий - писал о нем, что он "перерыл всю историю" (Agath. IV. 26).

Прокопий, как и Аммиан Марцеллин, был греком. Он родился в Кесарии Палестинской, в знатной семье. О его молодых годах почти ничего не известно. С уверенностью можно лишь сказать, что в юности Прокопий получил основательное риторическое и юридическое образование, что позволило ему затем сделать хорошую карьеру. В 527 г. будущий историк стал секретарем, а затем и советником по юридическим делам полководца Велисария. Это дало Прокопию возможность лично участвовать во всех важнейших военных мероприятиях своего патрона. Для нас наиболее важным является присутствие Прокопия Кесарийского в ставке Велисария во время боевых действий 527 - 531 гг. против персов на территории Верхней Месопотамии, благодаря чему он имел возможность непосредственно присутствовать при принятии военных решений и иметь доступ к официаль-

ным документам. Кроме того, историк лично посетил многие из районов боевых действий, что позволило ему в дальнейшем составить точное и достоверное описание излагаемых событий.

В связи с тем, что Прокопий являлся человеком гражданским, его сведения по военным вопросам не имеют той степени детализации, которая отличает сочинение Аммиана Марцеллина. В ряде мест описание Прокопием военных событий имеет форму художественного повествования, лишенного каких бы то ни было частных деталей.

Тем не менее, сведений, имеющих отношение к персидскому военному делу, труд Прокопия содержит достаточно много. В силу личного участия автора в описываемых событиях его известия зачастую носят достаточно подробный и достоверный характер. Из сочинения Прокопия можно извлечь ценные данные прежде всего о стратегии и тактике персидской армии, а также о ее организации и оснащении.

Значительное количество сведений по интересующему нас вопросу содержится в "Истории" *Агафия* (ок. 536 - ок. 582)³¹. Агафий³² был уроженцем города Мирины (Малая Азия), с чем связано его прозвище - Миринейский. Он получил юридическое образование в Константинополе, где занимался и адвокатской деятельностью. Около 557 г. он приступил к написанию исторического сочинения, задуманного как продолжение труда Прокопия Кесарийского³³. "История" Агафия, состоящая из пяти книг, охватывает события 552 - 558 гг. Сочинение Агафия осталось незавершенным по причине внезапной смерти автора³⁴.

Большое место в своей "Истории" Агафий отводит описанию войн Византии с Персией, происходившим в VI в. В основном этот материал размещается во второй и третьей книгах. Однако, в отличие от своих предшественников Аммиана Марцеллина и Прокопия Кесарийского, Агафий не имел личного опыта участия в военных операциях, и потому его данные далеко не всегда являются точными и достоверными. Тем не менее, благодаря своим хорошо осведомленным информаторам, Агафий зачастую сообщает важные и объективные сведения³⁵. Кроме того, ценность сочинения Агафия в данном отношении состоит и в том, что в нем содержится информация, взятая автором, как он сам указывает (Agath. II. 28; IV. 30), непосредственно из сасанидских царских архивов с помощью переводчика Сергия. По этой причине известия Агафия заслуживают особого внимания.

Важную роль при изучении военного дела сасанидского Ирана играет произведение автора VII в. *Феофилакта Симокатты* "История"³⁶, состоящее из восьми книг и оставшееся незавершенным. Симокатта являлся уроженцем Египта, выходцем из знатной семьи. Образование (при чем не только гуманитарное, но и естественнонаучное) он получил в Александрии и Афинах.

Основное внимание в своем сочинении, охватывающем события с 582 по 602 гг., т.е. период правления императора Маврикия, Феофилакт уделяет именно военной истории, и, прежде всего, - византийско-персидским войнам, в связи с чем его труд имеет для нас особую ценность. Необходимая информация заимствовалась историком как из документальных источников, так и из рассказов участников и очевидцев описываемых им военных событий³⁷. В целом Феофилакт как писатель в литературе оценивается более высоко, чем такие его предшественники, как Прокопий и Агафий³⁸.

Ряд ценных сведений о военном деле у персов сасанидского периода содержится в византийском военном трактате, известном под названием "*Стратегикон*". Вопрос об авторстве и времени написания этого сочинения остается до сих пор нерешенным³⁹. Хотя текст "Стратегикона" приписывается императору Маврикию, однако общепризнанным является тот факт, что создателем этого произведения скорее всего был другой человек, в связи с чем автора "Стратегикона" обычно называют Псевдо-Маврикием.

Основной задачей составления "Стратегикона", как это видно из его содержания, было создание пособия для изучения основ византийского военного дела. Однако исторические реалии (прежде всего, непрерывные войны, ведшиеся Восточной Римской империей против варваров) обусловили включение в "Стратегикон" многочисленных данных о военном деле соседних с империей народов⁴⁰, в том числе - и персов.

Материал "Стратегикона" показывает, что в военном отношении персы являлись одним из главных (если даже не главным) противников Византии. Так, по словам Псевдо-Маврикия, римские мандаторы⁴¹ должны уметь говорить именно по-персидски (Mauric. XII. 7). Кроме того, в тексте персы постоянно фигурируют как народ, дающий пример эффективной организации войска и тщательной подготовки и осуществления военных мероприятий.

В связи с этим следует отметить еще одну важную деталь. В XI книге (наверное, вызывающей наибольший интерес со стороны историков), где приведены рекомендации по организации боевых действий против различных варварских народов, персам посвящена отдельная глава, которая помещена автором перед всеми остальными главами этой книги, что свидетельствует о важности борьбы именно с персами.

Кроме отмеченных выше, информацию о персидской армии и военном деле персов содержит еще целый ряд письменных источников (прежде всего, это "История императорской власти после Марка" *Геродиана*⁴², "Писатели истории Августов"⁴³, "Краткое изложение римской истории" *Евтропия*⁴⁴, сочинения *Либания*⁴⁵, произведения позднеантичных (*Лактанция*⁴⁶, *Сократа Схоластика*⁴⁷, *Феодорита Киррского*⁴⁸, *Филосторгия*⁴⁹, *Созомена*⁵⁰) и древнеармянских (*Моисея Хоренского*⁵¹, *Фавста Бузанда*⁵²) церковных историков), однако в них интересующие нас сведения носят, как правило, фрагментарный характер, являются несамостоятельными и зачастую вызывают сомнения в своей достоверности (особенно это относится к древнеармянской историографии). Однако они также способны помочь в составлении общей картины римско-персидских взаимоотношений и, безусловно, имеют определенную ценность для изучения данного вопроса.

Дошедшие до нас *произведения среднеперсидской литературы*, хотя являются весьма малочисленными и, кроме того, зачастую сохранились лишь в переводе на арабский язык, однако представляют собой крайне важный источник информации по затрагиваемой нами теме. Они как бы позволяют исследователю взглянуть на изучаемое явление глазами самих персов, минуя каких-либо посредников в лице античных авторов и их информаторов, для которых многое в описываемом ими восточном обществе было просто непонятным и необъяснимым.

Из собственно персидских письменных источников для нас наиболее важным является *военный трактат*, являвшийся частью упоминавшегося выше сочинения официального происхождения "Аин-наме" ("Книга установлений"). К сожалению, до нашего времени он не дошел, однако сохранились отрывки из арабского перевода "Аин-наме", сделанного в VIII в. персидским ученым и переводчиком Ибн

аль-Мукаффой⁵³, содержащие некоторую часть интересующего нас военного трактата. Наиболее подробный анализ этих сведений был произведен К.А. Иностранцевым (см. выше), выполнившим и перевод соответствующих отрывков на русский язык.

Кроме трактата из "Аин-наме", военно-исторические сюжеты содержатся и в эпической поэме "*Шах-наме*"⁵⁴, являющейся поздней поэтической переработкой несохранившегося среднеперсидского исторического сочинения "Худай-наме". Составление "Шах-наме" принадлежит средневековому персидскому поэту *Фирдоуси* (ок. 935 - ок. 1020 гг.). Несмотря на многочисленные наслоения, художественные и легендарные детали, свое гораздо более позднее по сравнению с "Худай-наме" оформление, "Шах-наме" также представляет собой источник по истории военного дела в сасанидском Иране, способный дополнить наше исследование отдельными деталями.

Говоря о персидских по происхождению источниках, нельзя обойти стороной сочинение средневекового арабского писателя, перса *Абу Джафара Мухаммеда бар Джарира* (839 - 923), родившегося в области Табаристан и получившего в связи с этим прозвище *Табари*. Его "История пророков и царей" ("Та'рих ал-русул ва'ль-мулюк")⁵⁵ является компиляцией, составленной на основе различных источников (в частности, арабской версии "Худай-наме") и повествующей об истории халифата. Описывая в начальной части своей хроники историю арабов до возникновения ислама, Табари попутно сообщает и некоторые сведения о военной истории сасанидского Ирана.

Необходимыми источниками при изучении военной истории персов сасанидской эпохи являются также *археологические данные*. Прежде всего, это касается вооружения и обмундирования персидских воинов; кроме того, археологический материал позволяет прояснить некоторые детали, связанные с действиями персидской армии при осаде и обороне крепостей.

К археологическим источникам примыкают *произведения сасанидского изобразительного искусства* (особенно рельефы и памятники торевтики), часто изображающие персидских воинов и вообще сюжеты, связанные с военным делом. Из рельефов особенно важны для изучения данной проблематики царские рельефы в Так-и Бустане, Нишапуре и Накш-и Рустаме⁵⁶. Из произведений сасанид-

ской торевтики⁵⁷ наибольший интерес представляют серебряные блюда, изображающие сцены царской охоты, где царь фигурирует, как правило, в виде вооруженного всадника.

Таким образом, источники по затрагиваемой в данной работе теме достаточно многочисленны и разнообразны, имеют как собственно персидское, так и внешнее (прежде всего римское и армянское) происхождение и в целом позволяют создать достаточно подробную и целостную картину состояния военного дела в Сасанидской державе.

---

¹Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. СПб., 1909. Военному делу у персов посвящен этюд второй (с. 41 - 81).

²Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV - VI вв. М. - Л., 1964; она же. Византия и Иран на рубеже VI - VII вв. М. - Л., 1946; она же. Пигулевская Н.В. Оборона городов Месопотамии в VI в. // УЗ ЛГУ (серия исторических наук). 1941. № 86. Вып. 12. С. 46 - 80 и др.

³Луконин В.Г. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. 1969. № 2. С. 20 - 44; он же. Иран в III в. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979 и др.

⁴Никоноров В.П. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 30 - 35; он же. К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2 - 5 ноября 2004 года). СПб., 2005. С. 141 - 179; Nikonov V.P. Cataphracti, cataphractarii and clibanarii: another look at the old problem of their identifications // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции 2 - 5 сентября 1998 г. СПб., 1998. С. 131 - 138.

⁵Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.

⁶Nicoll D. Sassanian armies. The Iranian Empire early 3rd to mid-7th centuries AD. Stockport, 1996.

⁷Coulston J.C. Roman, Parthian and Sassanid tactical developments // The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 1. Oxford BAR, 1986. P. 59 - 75.

⁸Lee A.D. Embassies as evidence for the movement of military intelligence between the Roman and Sassanian Empires // The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford BAR, 1986. P. 455 - 461.

⁹Lieu S.N.C. Captives, refugees and exiles a study of cross-frontier civilian movements and contacts between Rome and Persia from Valerian to Jovian // *The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986* / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford BAR, 1986. P. 475 - 505.

¹⁰Michalak M. The origin and development of sassanian heavy cavalry // *Folia Orientalia*. 1987. Vol. 24. P. 73 - 86.

¹¹Allan J. W. *Armor* // *EI*. Vol. 2. Fasc. 5. 1987. P. 483 - 489.

¹²Shabazi A.Sh. *Army*. I. Pre-Islamic Iran // *EI*. Vol. 2. Fasc. 5. 1987. P. 489 - 499; idem. *Asb*. I. In pre-Islamic Iran // *EI*. Vol. 2. Fasc. 7. 1987. P. 724 - 730.

¹³Herrmann G. Parthian and Sasanian saddlery // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis vander Berghe*. Edenda curavit L. de Meyer et. E. Haernick. Vol. 2. Gent, 1989. P. 757 - 810.

¹⁴Overlaet B.J. Swords of the Sasanians, notes on scabbard tips // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis vander Berghe*. Edenda curavit L. de Meyer et E. Haernick. Vol. 2. Gent, 1989. P. 741 - 756.

¹⁵Mielczarek M. *Cataphracti and clibanarii. Studies on the heavy armoured cavalry of the ancient world*. Lodz, 1993; idem. *Cataphracts - a Parthian element in the Seleucid art of war* // *Ancient Iran and the Mediterranean world. Proceedings of an international conference in honour of Professor Josef Wolski held at the Jagellonian University, Cracow, in September 1996*. Krakow, 1998. P. 101 - 105.

¹⁶Masia K. The evolution of swords and daggers in the Sasanian Empire // *Iranica Antiqua*. 2000. Vol. 35.

¹⁷CMH. Vol. 1. *The Christian Roman Empire and the foundation of the Teutonic kingdoms*. 1911. P. 55 - 86; Sykes P. *A history of Persia*. Vol. 1. L., 1921; CAH. Vol. 12. *The Imperial crisis and recovery*. A.D. 193 - 324. Cambridge, 1939; CHI. Vol. 3 (1). *The Seleucid, Parthian and Sasanian periods* / Ed. By E. Yarshater. Cambridge - L. - N.-Y. - New Rochelle - Melbourne - Sydney, 1983; Christensen A. *L'Iran sous les Sasanides*. Copenhagen, 1944; Frye R.N. *The history of Ancient Iran*. Munchen, 1984 и др.

¹⁸Drijvers J.W. *Amianus Marcellinus' image of Arsaces and early Parthian history*. P. 199 - 200.

¹⁹Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 126. Следует добавить, что подобное мировосприятие было свойственно не только полисной, но и любой другой общине периода древности.

²⁰Особенно заметное ослабление противоречий между образами эллина и варвара наблюдалось в греческой культуре в эллинистический период (см.: Рцхиладзе Р.С. Восточные "варвары" у греческих авторов эпохи эллинизма // VIII всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти академика В.В. Струве (2. II. 1889 - 15. IX. 1965). Москва, 6 - 9 февраля 1979 г. Тезисы докладов. М., 1979. С. 77).

²¹Amianus Marcellinus. *Romische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth*. Bd. 1 - 4. B., 1968 - 1971 (Аммиан Марцеллин. История / Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996). Об Аммиане и его творчестве подробнее см.: Cart W. A. *Questiones Ammianae*. B., 1868; Gimazane J. *Ammien Marcellin sa vie et son oeuvre*. Toulouse, 1889; Dautremet L. *Ammien Marcellin, etude d'histoire litteraire*. Lille, 1899; Seeck O. *Constantius (4)* // RE. Hbd 7. Stuttgart,

1900. S. 1044 - 1094; Klein W. Studien zu Ammianus Marcellinus // Klio. 1914. Hft. 13; Thompson E.A. The historical work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947; Fuhrmann M. Ammianus Marcellinus // LA. Bd. 1. 1964. S. 302 - 304; Matthews J. The Roman Empire of Ammianus Marcellinus. Baltimore, 1989; Соколов В.С. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. 1959. № 4. С. 43 - 62; Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV - VII вв.). М., 1974. С. 7 - 82.

²²Г.С. Кнабе полагает, что труд Аммиана охватывал события не с 96, а с 98 г., т.е. с начала правления Траяна, а Нервы (См.: Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 9).

²³О недошедших до нас книгах "Деяний" см.: Michael H. Die verloren Bucher des Ammianus Marcellinus. Breslau, 1880; Jeep L. Die verloren Bucher des Ammianus // RhM. 1888. Bd. 43.

²⁴См. однако: Barnes T.D. Ammianus Marcellinus and his world // CPh. 1992. Vol. 88. P. 55 - 70; Fornara C.W. Studies in Ammianus Marcellinus // Historia. 1992. Bd. 41. S. 328 - 344.

²⁵Возможно, что Аммиан находился на военной службе и гораздо больший срок (Thompson E.A. The historical work of Ammianus Marcellinus. P. 12; Austin N.J.E. Ammianus on warfare. An investigation into Ammianus' military knowledge. P. 18 - 19).

²⁶Crump G.A. Op. cit. P. 131, 133.

²⁷Из наиболее важных работ см.: Crump G.A. Ammianus Marcellinus as a military historian. Wiesbaden, 1975; Austin N.J.E. Ammianus on warfare. An investigation into Ammianus' military knowledge. Bruxelles, 1979; Matthews J.F. Ammianus and the eastern frontier in the fourth century: a participant's view // The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986. Pt. 2. Oxford, 1986. P. 549 - 563; Blockly R.C. Ammianus Marcellinus on the Persian invasion of A. D. 359 // Phoenix. 1988. Vol. 52. P. 244 - 260; Холмогоров В.И. Римская стратегия IV в. н.э. у Аммиана Марцеллина // ВДИ. 1939. № 3. С. 87 - 97; Разин Е.А. История военного искусства. Т. 1. Военное искусство рабовладельческого периода войны. М., 1955.

²⁸См.: Rubin B. Prokopios von Kaisereia. Stuttgart, 1954; Cameron A. Procopios and the sixth century. Berkley - Los-Angeles, 1985; Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV - VII вв.). М., 1974. С. 145 - 196.

²⁹Procopii Caesarensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Vol. 1. Lipsiae, 1962. P. 1 - 304 (Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч. А.А. Чекаловой. М, 1993. С. 7 - 175).

³⁰Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950.

³¹Agathiae Mirinaei Historiarum libri quinque cum versione latina. Accedunt Agathiae epigrammata / Rec. B.G. Nieburrrus. Bonnae, 1828 (Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М. - Л., 1953).

³²См.: Teuffel W.S. Agathias von Myrine // Philologus, 1846. Bd. 1. S. 495 - 511; Hartmann. Agathias (2) // RE. Bd. 1. 1894. S. 743 - 744; Keydell R. Agathias // LA. Bd. 1. 1964. S. 116 - 117; Cameron A. Agathias. Oxford, 1970; Левченко М.В. Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение // ВВ. 1950. Вып. 3. С. 63 - 82; Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV - VII вв.). М., 1974. С. 197 - 242.

- ³³Keydell R. *Agathias* // *LA*. Bd. 1. 1964. S. 116 - 117.
- ³⁴Chaumont M.L. *Agathias* // *Elr*. Vol. 1. Fasc. 6. 1984. P. 608.
- ³⁵Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV - VII вв.). М., 1974. С. 203.
- ³⁶Theophylacti Simocattae *Historiae* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887 (Феофилакт Симокатта. История. Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957).
- ³⁷Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV - VII вв.). М., 1974. С. 278.
- ³⁸K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum ende des ostr?mischen Reiches (527 - 1453)*. Bd. 1. M?nchen, 1897. S. 326.
- ³⁹Подробнее об этом см.: Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV - VII вв.). М., 1974. С. 295 - 300.
- ⁴⁰Подробный анализ информации о варварских народах, названия которых фигурируют в "Стратегиконе", см. в работе: Шувалов П.В. Враги империи (по трактату Псевдо-Маврикия) // *ЗВОРАО*. HC. Т. 1 (26). СПб., 2002. С. 422 - 452.
- ⁴¹Мандаторы - посольные, вестовые.
- ⁴²*Herodiani Ab excessu divi Marci libri VIII* / Ed. K. Stavenhagen. Lipsiae - Berolini, 1922 (Геродиан. История императорской власти после Марка / Пер. А.И. Доватура и др. СПб., 1995).
- ⁴³*Scriptores Historiae Augustae*. Vol. 1 - 2 / Ed. E. Hohl, Ch. Samberger, W. Seyfarth. Lipsiae, 1965 (Авторы жизнеописаний Августов / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1957. № 1. С. 257 - 269; № 2. С. 241 - 262; № 3. С. 223 - 241; № 4. С. 203 - 214; 1958. № 1. С. 251 - 270; № 2. С. 263 - 293; № 3. С. 239 - 261; № 4. С. 174 - 185; 1959. № 1. С. 223 - 245; № 2. С. 233 - 245; № 3. С. 227 - 244; № 4. С. 217 - 240; 1960. № 1. С. 211 - 239).
- ⁴⁴*Eutropii Breviarium historiae Romanae* / Ed. F. Ruehl. Lipsiae, 1887 (Евтропия сокращение римской истории до времен кесарей Валента и Валентиниана. М., 1759).
- ⁴⁵*Libanii Opera*. Vol. 1 - 12 / Rec. K. Foerster. Lipsiae, 1903 - 1923 (Либаний. Речи. Т. 1 - 2 / Пер. С. Шестакова. Казань, 1915).
- ⁴⁶*Lactantii De mortibus persecutorum* / Ed. J. L. Creed. Oxford, 1984 (Лактанций. О смертях преследователей / Пер. В.М. Тюленева. СПб., 1998).
- ⁴⁷*Socrates. Kirchengeschichte* / Hrsg. von G.C. Hansen. Berlin, 1995 (Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996).
- ⁴⁸*Theodoret. Kirchengeschichte* / Hrsg. von L. Parmentier, F. Schweidweiler. B., 1954 (Феодорит. Церковная история. СПб., 1852).
- ⁴⁹*Philostorgius. Kirchengeschichte* / Hrsg. von J. Bidez. B., 1981 (Филосторгий. Сокращение "Церковной истории". СПб., 1854).
- ⁵⁰*Sozomenus. Kirchengeschichte* / Hrsg. von J. Bidez, G.C. Hansen. B., 1960 (Созомен Эрмий. Церковная история. Спб., 1851).
- ⁵¹Моисей Хоренский. История Армении / Пер. Н.О. Эмина. М., 1893.
- ⁵²Фавст Бузанд. История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. М.А. Геворгияна. Ер., 1953.
- ⁵³*Ibn Qutaiba's Ujun al ahbar* / Hrsg. von C. Brockelmann. Teil 1 - 4. Berlin - Strassburg, 1900 - 1908.
- ⁵⁴Фирдоуси Абу-ль-Касим. Шах-наме. Научно-критический текст. В 9 томах. М., 1991.

⁵⁵Tabari. The history of at-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa'l-muluk). Vol. 5. The Sasanides, the Byzantines, the Lakhmides and Yemen / Translated and annotated by C.E. Bosworth. N.-Y., 1999 (перевод части сочинения Табари см. в работе: Шмидт А. Н. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки Института востоковедения. М.-Л., 1958. Т. XVI).

⁵⁶См.: Herrmann G. The Iranian Revival. Oxford, 1977; Herrmann G., Howell R. Iranische Denkmaler. Reihe 2. Iranische Felsreliefs. Lieferung 8. D. Naqsh-i Rostam 5 and 8. Sasanian reliefs attributed to Hormuzd II and Narseh. B., 1977; Herrmann G., Howell R. Iranische Denkmaler. Reihe 2. Iranische Felsreliefs. Lieferung 10. F. The Sasanian rock reliefs at Bishapur. Part 2. B., 1981; Herrmann G., Mackenzie D.N., Howell R. Iranische Denkmaler. Reihe 2. Iranische Felsreliefs. Lieferung 11. G. The Sasanian rock reliefs at Bishapur. Part 3. B., 1983; Herrmann G., Mackenzie D.N., Howell R. Iranische Denkmaler. Reihe 2. Iranische Felsreliefs. Lieferung 13. I. The Sasanian rock reliefs at Naqsh-i Rostam. B., 1989.

⁵⁷Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III - VIII вв. М., 1987.

ГЛАВА 1

САСАНИДСКИЙ ИРАН И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В СЕРЕДИНЕ III - КОНЦЕ IV ВВ.

§ 1. Начало противостояния: от преобладания Ирана к гегемонии Рима (235 - 298 гг.)

История военно-политического противостояния Римской империи и сасанидского Ирана берет свое начало в 230-х гг. К этому времени основатель державы Сасанидов Арташир I (226 - 242) разгромил войска последнего парфянского Аршакида Артабана V, подчинил своей власти всю территорию, некогда входившую в состав царства Парфянского царства, и приступил к расширению границ нового Иранского государства. На западе первыми жертвами экспансии Арташира стали небольшие арабские царства, находившиеся между римскими и персидскими владениями. Именно к этому периоду относится и возникновение двух буферных арабских государств - княжества Лахмидов и княжества Гассанидов, первое из которых в последствии являлось союзником Персии, второе - Рима (позднее - Византии). На протяжении всех последующих столетий арабы (или сарацины, как их называли латинские и греческие историки) принимали активное участие в римско-персидских войнах, приобретая военный опыт, который весьма пригодился им в середине VII в. при создании Арабского халифата.

После установления контроля над приграничными с Римской империей землями Арташир смог приступить к реализации своей внешнеполитической доктрины, которая была провозглашена им сразу после прихода к власти и заключалась в восстановлении территории Персидской державы в границах царства Ахеменидов.

Первые сообщения о появлении на Востоке новой опасности стали приходить в Рим на четырнадцатом году правления императора Александра Севера (222 - 235), т.е. в 235 г. От правителей Сирии и Месопотамии Александру были доставлены послания, в которых сообщалось:

"Артаксеркс, царь персов, сокрушив парфян и лишив их власти над Востоком, убил Артабана, ...покорил все соседние варварские народы и сделал их своими данниками; он не успокаивается на этом и не остается по ту сторону реки Тигра, но, перейдя на другой берег в пределы Римской державы, опустошает набегами Месопотамию и грозит сирийцам, а весь противолежащий Европе материк... желает вновь присоединить к Персидской державе..." (Herodian. VI. 2. 1 - 2).

Римские власти оказались в сложном положении, поскольку к большой войне на Востоке империя была не готова. Для решения возникшей проблемы мирным путем император, после совещания с приближенными, решил направить Арташиру послание, в котором Север увещевал шаханшаха "не возбуждать великой войны, ...ибо борьба с римлянами будет для него не такая, какую он вел против своих соседей и единоплеменных варваров" и напоминал о многочисленных трофеях, воздвигнутых в честь побед над парфянами Октавианом Августом, Траяном, Луцием Вером и Септимием Севером (Herodian. VI. 2. 4). Доводы Александра не возымели никакого эффекта. Арташир, не обращая внимания на граничившие с угрозами предостережения императора, продолжал разорять римские владения в Месопотамии, захватывая крепости, уводя с собой людей и домашний скот.

Ситуация на Востоке приобретала для империи опасный характер. Александру не оставалось ничего другого, как начать подготовку к походу против персов. В Риме было собрано большое войско, двинувшееся затем по суше в направлении Персии. Пройдя Иллирию и пополнив воинами стоявших там гарнизонов свою армию, Александр Север переправился в Азию и вскоре прибыл в Антиохию. Находясь здесь и завершая последние приготовления к войне, император попытался еще раз договориться с Арташиром о мире. Римские послы предложили царю вступить с Александром в переговоры с целью урегулирования возникшего конфликта, но тот, отказавшись вести переговоры, сам направил к римлянам посольство, состоявшее из четырехсот персов, "самых высокорослых, разукрашенных драгоценными одеждами и золотом, а также блещущих убранством коней

и луков" (Herodian. VI. 4. 4), надеясь поразить противника великолепием своих послов. Персидские посланники объявили Александру о том, что Арташир приказывает ему оставить Сирию и всю Азию и "предоставить персам владеть всеми землями вплоть до Ионии и Карии" (Herodian. VI. 4. 5). Столь дерзкое заявление персов вызвало гнев Александра: они были схвачены, отправлены во Фригию и расселены в предоставленных им поместьях, получив при этом запрет на возвращение в Персию. Война стала неизбежна.

Римское войско было разделено Севером на три части. Первой из них предписывалось продвигаться в северо-восточном направлении, пройти через союзную Армению и вступить на территорию Мидии. Второй группировке римлян ставилась задача нанести удар в юго-восточном направлении, выйдя в низовья Тигра и Евфрата. Третья же, наиболее многочисленная и сильная часть римской армии, во главе которой находился сам император, должна была вторгнуться в среднюю Месопотамию. Таким образом Александр рассчитывал добиться распыления сил персов, вынужденных действовать сразу по трем направлениям, дезорганизации системы командования персидским войском и, в конечном счете, разгрома вражеской армии.

Однако реальность внесла в военные планы римлян серьезные коррективы. Более или менее успешно развивались действия северной армии. После трудного и опасного перехода через Армянское нагорье она вторглась в Мидию, разоряя местные селения и захватывая богатую добычу. Узнав об этом, Арташир с войском двинулся навстречу римлянам для организации обороны своих мидийских владений. Однако в гористой местности Мидии конное войско персов явно уступало римской пехоте, что не позволило царю нанести противнику поражение и очистить Мидию от римлян. Кроме того, в это же время к Арташиру стали приходить известия о том, что другая римская армия продвигается в направлении нижнего Двуречья и опустошает лежащие на ее пути земли, намереваясь затем, судя по всему, вторгнуться на территорию Ирана. Это вынудило шаханшаха оставить в Мидии незначительную часть своего войска, минимально необходимую для сковывания действий римлян, а с остальной армией двинуться на юг.

Южная группировка римских сил ничего не знала о том, что происходит на других направлениях. Войско спокойно, практически не

встречая сопротивления, продвигалось по вражеской территории, пребывая в полной уверенности, что Александр с основной армией уже перешел границу и ведет боевые действия на территории Персии, оттягивая на себя главные силы персов.

А Александр в это время бездействовал. По всей видимости, от вторжения на вражескую территорию императора отговорила его мать Мамея, находившаяся с сыном. Она убеждала его, что "другим следует подвергать себя опасностям ради него, а не ему самому" (Herodian. VI. 5. 9). Известный своей нерешительностью, Александр и здесь последовал советам матери.

Бездействие императора привело к катастрофе. Уверенность в том, что Александр уже воюет на территории Месопотамии, а также отсутствие сопротивления со стороны противника, создали у римского командования иллюзию полной безопасности. Армия шла без соблюдения боевого порядка и мер предосторожности, уповая на беспрепятственное вступление на территорию Персии и легкую победу. Внезапно на пути ничего не подозревавшего войска возникла армия персов во главе с самим шаханшахом. Вскоре выяснилось, что римляне полностью окружены. Началось методичное и планомерное истребление персами своего противника. Конные лучники с дальней дистанции обрушили на римские фаланги ураган стрел. Пехота римлян, оказавшись в безвыходном положении, была вынуждена уйти в глухую оборону и защищаться от персидских лучников с помощью щитов, что, однако, было малоэффективно: войско таяло на глазах. В конце концов, остатки римской армии сбились в беспорядочную массу и были окончательно уничтожены. Разгром был полным.

Известие о гибели южной армии разрушило все планы римлян. Оставалось только одно - отступить. Отдав северному войску приказ об оставлении Мидии, Александр со своей частью армии вернулся в Антиохию. Находившимся же в Мидии войскам возвращаться пришлось в зимнее время, и значительная их часть погибла на обратном пути в горах на территории Армении; в Антиохию вернулись лишь немногие участники этого драматического перехода.

Войско было возмущено предательским, как совершенно справедливо считали солдаты, поведением своего полководца, и только щедрые денежные раздачи сбили волну недовольства в армии, хотя и не надолго: немного спустя в крайне недовольной Александром

армейской среде возник заговор, и император был убит разгневанными центурионами.

Успехи Арташира заставили римлян всерьез задуматься об организации обороны своих восточных провинций. Однако до тех пор, пока в империи царил хаос, это не представлялось возможным. После убийства Александра Севера - последнего императора из династии Северов - Римское государство окончательно погрузилось в пучину кризиса, длившегося (то затухая, то вспыхивая с новой силой) на протяжении почти всего III в. Организатор убийства Александра Севера, один из его офицеров Гай Юлий Максимин, получивший за свое происхождение прозвище "Фракиец", был озабочен, прежде всего, удержанием власти в своих руках и защитой рейнско-дунайского лимеса от натиска германцев, даков и сарматов. Заняться организацией обороны восточных границ империи Максимин не имел ни средств, ни времени.

Некоторое улучшение ситуации на Востоке наметилось после прихода к власти четырнадцатилетнего императора Марка Антония Гордиана III (238 - 244). Судя по всему, в годы правления Гордиана на границе с варварами в Европе наступило временное затишье (во многом благодаря военным походам его предшественника Максимиана), и потому Гордиан смог сосредоточиться на борьбе с персами, которыми в это время правил уже Шапур I (242 - 272).

В 242 г. император отворил ворота храма Двуликого Януса, что означало начало боевых действий (на этот раз - на Востоке). Подготовка к походу была основательной: для вторжения на территорию Персии была сосредоточена значительная по численности армия, включавшая многочисленный контингент вспомогательных войск; кроме того, для успешного осуществления своих военных планов Гордиан собрал большую сумму денег, необходимую для содержания войска и обеспечения его всем необходимым. Важным элементом в подготовке похода являлась и налаженная Гордианом система бесперебойного снабжения армии продовольствием.

Пройдя через Мезию и Фракию, армия Гордиана высадилась в Азии и двинулась в направлении Сирии, главный город которой - Антиохия - к этому времени находился в руках персов. Боевые действия развивались успешно для римской армии: Антиохия и вся Сирия были очищены от персидских войск, были также взяты такие важные в во-

енном и экономическом отношении города на территории Верхней Месопотамии, как Карры и Нисибис. О степени успеха римлян говорит тот факт, что в планах императора было продолжение войны на персидской территории и продвижение вглубь сасанидских владений вплоть до Ктесифона, которым Гордиан был намерен овладеть. Однако персы тоже не бездействовали и оказывали римской армии серьезное сопротивление, сумев нанести ей ряд поражений. Это даже дало основание Шапуру I в знак одной из побед над войсками Гордиана III основать город Пероз-Шапур ("Победа Шапура"). Трудно сказать определенно, какая из сторон в военно-стратегическом отношении добилась все же больших успехов, однако следует признать, что своей цели Гордиан достиг - захваченные персами римские территории были освобождены от войск противника. Это было по достоинству оценено в Риме: в честь побед Гордиана на Востоке был отпразднован триумф, а сенат предоставил императору в качестве почетной награды четверку слонов, считавшихся царскими животными.

Однако в самый разгар подготовки римлян к продолжению боевых действий произошли события, резко изменившие расстановку сил. Дело в том, что незадолго до начала похода в Персию родственника и ближайшего сподвижника Гордиана Тимеситея на посту префекта претория - командира императорской гвардии - сменил Марк Юлий Филипп, имевший, судя по его прозвищу ("Араб"), далеко не римское происхождение. Свое новое назначение Филипп Араб использовал для достижения собственных политических целей. Им была организована интрига, в результате которой транспорты с продовольствием для римского войска, воюющего с Персией, были направлены в другие пункты назначения. В армии римлян начался голод, вызвавший резкое недовольство воинов своим командованием и в первую очередь - самим Гордианом. Подобного рода настроения всячески подогревались Филиппом и его сторонниками: в войске распускались слухи о неспособности Гордиана управлять не только армией, но и государством. В результате солдаты провозгласили императором Филиппа, а Гордиан был убит.

Став императором, Филипп был заинтересован в скорейшем прекращении боевых действий и прибытии в Рим для укрепления своей власти. Война с персами была для него препятствием к этому, кото-

рое необходимо было как можно быстрее преодолеть. Поэтому между Шапуром I и Филиппом Арабом был заключен мирный договор, носивший компромиссный характер: империя удерживала за собой Верхнюю Месопотамию, Шапур же, в свою очередь, добился от Филиппа признания прав Персии на включение Армении в сферу своего влияния. Кроме того, Рим должен был выплатить незначительную контрибуцию (ее точный размер неизвестен).

Таким образом, столь успешно начавшийся персидский поход Гордиана III закончился весьма драматически, однако главная на тот момент задача Рима на Востоке была решена: захваченные персами территории были возвращены, активные боевые действия со стороны сасанидского Ирана на какое-то время прекратились.

В то же время очевиден и тот факт, что Сасаниды отнюдь не были намерены налаживать с империей добрососедские отношения. Их целью по-прежнему являлся захват всей территории, некогда входившей в состав державы Ахеменидов. Возобновление войны с Римом было для Персии лишь вопросом времени.

Перемирие продлилось девять лет. В 253 г. персидская армия вновь перешла римскую границу. Дать персам организованный отпор римляне не могли. На троне империи в это время царил настоящий хаос: за четыре года, предшествующие вторжению, в Риме сменилось четыре императора (Деций (249 - 251), Требониан Галл (251 - 253), Эмилиан (253) и Валериан (253 - 260)), не считая их соправителей и узурпаторов, которые также формально считались императорами. Вся эта императорская чехарда происходила на фоне непрекращающихся вторжений на территорию империи германских и других племен на рейнско-дунайской границе. Таким образом, момент для начала новой войны с Римом был выбран Шапуrom I весьма удачно.

Персидское войско форсировало Евфрат и начало движение на запад, в направлении Антиохии. В виду отсутствия здесь представителей центральной военной администрации роль организатора обороны взял на себя легат Сирии. Первая крупная битва произошла близ города Барбалиссы на правом берегу Евфрата. Римское войско численностью около 60 тысяч человек потерпело поражение, после чего путь персам в Сирию был открыт. Были взяты Антиохия и другие сирийские города. После разорения Сирии персы вернулись домой.

Тем временем в Риме наметилась некоторая стабилизация политической ситуации. В 253 г. к власти здесь пришел император Публий Лициний Валериан, находившийся, правда, уже в достаточно преклонном возрасте (на момент вступления на престол ему было 63 года). Для налаживания более эффективного управления разваливающейся на части империей и организации обороны ее границ Валериан назначил соправителем своего сына Галлиена, правившего в западной части империи, а сам отправился на Восток, где ситуация была более сложной. В течение нескольких лет Валериан занимался укреплением римских рубежей в Азии и подготовкой к отражению очередного нападения персов.

В 260 г. войска Шапура I вновь появились на границе римских владений. Императорская армия под командованием самого Валериана вышла навстречу противнику. Решающее сражение произошло под Эдессой в Северной Месопотамии. Войско Валериана, несмотря на все проведенные им подготовительные мероприятия, потерпело сокрушительное поражение, а сам император попал в плен, что было единственным случаем за всю историю римско-персидских войн. И если даже, как гласит одна из версий, Валериан был пленен вероломно, во время переговоров, это отнюдь не умаляет военного успеха персов. Согласно одной из версий, находясь в плену, Валериан должен был выполнять при Шапуре роль раба и подставлять ему спину в качестве опоры всякий раз, когда тот садился на коня. Точное время гибели Валериана в персидском плену неизвестно.

Этим событиям в Персии придавалось огромное (в первую очередь - идеологическое) значение, что подтверждается четырьмя монументальными рельефными композициями, созданными в разных районах Персии (наиболее известным из них является рельеф в Накш-и-Рустаме, изображающий Валериана, стоящего на коленях перед восседающим на коне Шапуром, а также письменными источниками (Euseb. *Vit. Const.* IV. 11). Кроме того, римские военнопленные были отправлены в город Гунд-и Шапур на территории Хузистана и задействованы при постройке плотины на реке Харун, которая из-за своего названия - "Банд-и и Кайсар" ("Плотина Цезаря") - стала еще одним своеобразным памятником победе войск Шапура I над армией Валериана.

После поражения под Эдессой Сирия оказалась беззащитной перед лицом персидского нашествия. Армия Шапура вновь захватила сирийскую столицу - Антиохию. Как следует из источников, это произошло настолько неожиданно, что жители города даже не успели понять, что город уже находится под контролем персов. Подробно о захвате персами Антиохии сообщает римский историк Аммиан Марцеллин:

"Однажды в Антиохии... один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхваченные из жизни сценки и публика залюбовалась изяществом исполнения. Жена его вдруг сказала: "Если это не сон, то вот персы". Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась, кто куда мог. Город был подожжен, убито много мирно разгуливавших людей, в окрестностях были произведены страшные грабежи и поджоги, и враги с огромной добычей беспрепятственно ушли домой" (Аммт. Марс. XXIII. 5. 3).

Кроме Сирии, опустошительному вторжению подверглись римские области в Малой Азии - Киликия и Каппадокия, а также Малая Армения. Ситуацию спасло лишь внезапное появление в Малой Азии римского полководца Каллиста, которому удалось сначала остановить продвижение персов, а затем принудить их к отступлению. На обратном пути при переправе через Евфрат потрепанное войско Шапура было атаковано правителем Пальмиры Публием Септимием Оденатом. Действия Одената были стремительными и успешными: персам был нанесен ощутимый урон, войска пальмирцев, захватив Нисибис и всю Верхнюю Месопотамию, преследовали персов до самого Ктесифона - столицы Персии. В руки Одената попал гарем Шапура I и другая ценная добыча. Заслуги правителя Пальмиры перед Римским государством были высоко оценены: сын и преемник Валериана император Публий Лициний Эгнат Галлиен (253 - 268) удостоил Одената императорского титула и передал под его командование стоявшие на Востоке римские войска.

С этого времени начинается эпоха расцвета Пальмиры, превратившейся на какой-то период в фактически независимое от Рима го-

сударство, проводившее, однако, в отношении Персии выгодную империи агрессивную политику. Это обстоятельство не сулило Сасанидам ничего хорошего, что показали дальнейшие внешнеполитические шаги Одената, в которых самое активное и непосредственное участие принимала его жена - легендарная царица Зенобия. В 264 г. Оденат совершает новый подход в Персию. Его войско прошло Месопотамию и осадило Ктесифон; плененные его воинами персидские военачальники были доставлены в Рим и проведены в триумфальном шествии, устроенном, однако, в честь не победителя персов Одената, а императора Галлиена, получившего к тому же еще и почетный титул "Персидский". В честь побед на Востоке в Риме была также отчеканена особая монета с изображением Одената, ведущего за собой пленных персов.

Между тем пальмирское войско продолжало осаждать Ктесифон. Для снятия блокады в район персидской столицы начали стягиваться войска из разных частей Сасанидской державы. Это обстоятельство, а также трудности, связанные с пребыванием в непривычной для воинов Одената местности, заставили его, не проиграв ни одного сражения, все же оставить территорию Персии и вернуться на родину, где вскоре правитель Пальмиры пал жертвой заговора, а его преемницей стала Зенобия, продолжившая политику, направленную на усиление своего государства.

Период могущества Пальмиры оказался недолгим. Пришедший к власти в Риме в 270 г. император Луций Домиций Аврелиан (270 - 275) вел упорную борьбу за восстановление единства империи и, разумеется, не мог мириться с сильной и, по сути дела, независимой от Рима Пальмирой. Чувствуя опасность, Зенобия попыталась заручиться поддержкой своих соседей - сарацин, армян и даже заклятых врагов Пальмиры персов, которые, естественно, были не прочь использовать такой удобный случай для вмешательства во внутренние дела Римского государства. Это окончательно переполнило чашу терпения Аврелиана: в 272 г. Пальмира подверглась нападению римской армии. Союзники Зенобии оказались ненадежными: посланные ей на помощь отряды персов были перехвачены частями Аврелиана и вернулись домой, а армян и сарацин путем подкупа и запугивания Аврелиан "убедил" отказаться от поддержки Пальмиры. Зенобия была

взята Аврелианом в плен и, после участия в качестве особо почетной пленницы в его триумфе по поводу победы над Пальмирой, поселена близ Рима в предоставленном ей поместье. В том же году 272 г. умер Шапур I.

Со смертью Шапура заканчивается первый и, возможно, самый драматический период в истории римско-персидских отношений. Рим в полной мере почувствовал на себе мощь своего нового соседа на Востоке, и первый опыт борьбы с ним был весьма плачевен: восточные провинции империи неоднократно подвергались вторжениям персов, многие города были разорены и сожжены, а их население уничтожено или угнано в рабство. Правительство находящейся в состоянии хаоса империи было неспособно к налаживанию эффективного противодействия персидской экспансии, и лишь эпизодически ему удавалось отразить вторжения персов на свою территорию и организовать ответные действия. О военных мерах превентивного характера в такой ситуации не могло быть и речи.

Однако к концу III в. соотношение сил стало меняться. В Персии после смерти Шапура I началась полоса междоусобных войн и внутривластной дестабилизации, силы государства таяли в борьбе претендентов на престол. С 272 по 293 гг. в Персии сменилось четыре шаханшаха: Ормизд I (272 - 273), Бахрам I (273 - 276), Бахрам II (276 - 293) и Бахрам III (293). Об этом периоде персидской истории известно очень немного, но ясно, что такая частая (за исключением Бахрама II) смена царей не была случайной. Кроме того, о внутренних смутах в Персидском государстве в этот период имеются упоминания и в римских источниках. В частности, в биографии императоров Кара, Карина и Нумериана, написанной Флавием Вописком, отмечается, что во время правления первого из них (282 - 283) "персы были заняты мятежом, поднявшимся внутри государства" (SHA.XXX. 8. 1).

В то же время империя постепенно начала оправляться от катастрофических последствий кризиса III в. Уже при императоре Каре в 283 г. римляне одержали первую за много лет серьезную победу над персами, когда, не дожидаясь их нападения, преодолели Евфрат и дошли до самого Ктесифона - столицы Сасанидов, что дало Кару полное основание удостоиться титула "Персидский". Лишь внезап-

ная смерть Кара¹ остановила наступление римлян. В 284 г. к власти приходит Диоклетиан, сумевший навести порядок в империи и железной рукой восстановивший пошатнувшееся могущество Римского государства. С его помощью в 287 г. на армянском престоле утверждается царь Тиридат III (287 - 332), в течение почти полувека являвшийся главным и наиболее последовательным союзником Рима на Востоке.

Переломить ситуацию попытался шаханшах Нарсе (293 - 302), однако к тому времени военная мощь Рима в результате реформ Диоклетиана значительно возросла, и попытка персов закончилась неудачей. Речь идет о римско-персидской войне 296 - 298 гг. Она началась с того, что Нарсе во главе многочисленной армии занял Армению, изгнав оттуда ставленника и союзника Рима Тиридата III, а затем с севера вторгся в Месопотамию. Диоклетиан в это время был занят подавлением восстания узурпатора Ахиллея (на своих монетах он назван Луцием Домицием Домицианом) в Александрии, и поэтому был вынужден послать против персов своего соправителя Галерия. Галерий выбрал прямой путь из Сирии в Месопотамию, совершив, таким образом, ту же ошибку, что и Красс за три с половиной столетия до этого. Три сражения закончились ничем, но в четвертом римская армия была наголову разбита под Никифорием. По возвращении в Константинополь Галерий был крайне холодно встречен Диоклетианом и на виду у всех проследовал пешком в своих пурпурных одеяниях несколько миль перед колесницей императора (Fest. XXV. 1). Может быть, именно это заставило Галерия с удвоенной энергией взяться за подготовку нового похода против персов. Он набрал новые легионы на Дунае и в Иллирии и, пройдя через Армению, вторгся в Месопотамию во главе 25-тысячной римской армии, объединившейся с армянским войском под руководством спарাপета Артавазда Мамиконяна. В ходе битвы, состоявшейся в местности Басен, персам было нанесено сокрушительное поражение, и римляне преследовали их до самого Ктесифона, причем в плен попала семья самого

---

¹В источниках нет единого мнения о ее причинах: Флавий Вописк говорит о смертельной болезни Кара (SHA. XXX. 8. 2), Евтропий - о гибели императора от удара молнии (Eutrop. IX. 18), Моисей Хоренский - о смертельном ранении, полученном во время боя (М X. II. 79).

Нарсе. В результате в том же 298 г. в Нисибисе был подписан римско-персидский мирный договор, определивший геополитическую ситуацию и расстановку сил в Передней Азии более чем на шесть десятилетий. Содержавшийся в нем ряд важных положений фиксировал римское преобладание в регионе. Прежде всего, под контроль Рима переходили территории, некогда завоеванные более удачливыми предшественниками Нарсе, а именно - пять областей в верхнем течении Тигра: Арзанена, Моксоэна, Забдицена, Регимена и Кордуэна. Кроме того, была четко определена граница между Арменией и Римской империей с одной стороны и Арменией и Персией с другой, что устраняло, по крайней мере, формальный повод к возможным территориальным претензиям со стороны Сасанидов к Римской империи и ее главному союзнику в Азии. Центром римско-персидской торговли в договоре был определен крупнейший римский центр в приграничном с Персией районе - город Нисибис, что ставило под контроль римлян значительную часть персидского внешнего товарооборота. Наконец, Нарсе был вынужден признать протекторат Рима над Иберией.

Таким образом, к началу IV в. обозначилось военно-политическое превосходство Римской империи над сасанидским Ираном в Передней Азии, что на ближайшие десятилетия стало определяющим фактором в развитии международных отношений в данном регионе.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем заключалось основное содержание внешнеполитической доктрины Сасанидского государства применительно к переднеазиатскому региону?
2. Какие причины обусловили поражение римлян в кампании 235 г.?
3. Можно ли констатировать, что персидский поход Гордиана III в 244 г. был успешен? Почему?
4. В чем заключалась роль Пальмиры в римско-персидских войнах в III в.?
5. Укажите факторы, обусловившие переход гегемонии в Передней Азии в конце III в. к Римской империи.
6. В чем состояли основные причины неудач римлян в борьбе с персидской агрессией в III в.?

§ 2. Переход инициативы в переднеазиатском регионе к Сасанидской державе (298 - 387 гг.)

Период, последовавший за подписанием римско-иранского договора 298 г., был временем острых внутривосточных конфликтов в Персидском царстве. После смерти в 302 г. царя Нарсе на престол вступил его сын Ормизд II (302 - 309), чье царствование было ознаменовано смутами и борьбой за власть; тем не менее, какое-то подобие порядка в этот период все же сохранялось. Однако после его смерти в Иране воцарился настоящий хаос: старший сын Ормизда - Аданарес - был убит, другой - ослеплен, а третий, носивший то же имя, что и отец, сначала был пленен своими противниками, а затем, сбежав из плена, прибыл ко двору римского императора. В конце концов, под давлением одной из аристократических группировок на престол был возведен младший сын Ормизда II, грудной младенец Шапур II (309 - 379).

Примерно в те же годы в империи происходили похожие события: шла ожесточенная борьба за власть между преемниками Диоклетиана и его соправителями, длившаяся с 306 по 324 гг. и завершившаяся победой сына Констанция Хлора - Константина Великого (306 - 337).

О римско-иранских отношениях в начале IV в. известно очень немного. Прежде всего, это объясняется тем, что между двумя державами в данный период времени не происходило серьезных военных конфликтов, и их контакты носили в основном мирный характер, т.к. все эти годы действовал сорокалетний Нисибисский мирный договор. По этой причине в источниках, обычно отмечавших, прежде всего, такие события внешней истории, как войны, походы, набеги и т.п., о взаимоотношениях Римской империи и сасанидского Ирана почти ничего не сообщается. Кроме того, и в Риме, и в Иране первые десятилетия IV в. прошли в борьбе за власть между различными претендентами на трон, а также за укрепление победителями своих позиций после прихода к власти; вполне естественно, что именно эти события, прежде всего, интересовали авторов дошедших до нас письменных источников.

Однако важные для последующих отношений между Римской

империей и сасанидским Ираном события происходили в это время в Закавказье. Чувствуя временное ослабление Персии и отсутствие у нее ресурсов для активного вмешательства в дела Армении, Тиридат III (287 - 332) начинает все в большей степени ориентироваться на Запад. Более того, в самом начале IV в. Тиридат провозглашает христианство государственной религией Армении. Сам по себе этот факт, казалось бы, не мог оказать серьезного влияния на соседей Армении - Рим и Персию. Но через некоторое время христианство становится официальной религией и в империи (начало этому положил знаменитый Медиоланский эдикт императоров Константина и Лициния, изданный в 313 г.), что означало усиление связей Армении, имевшей важнейшее стратегическое положение в регионе, с Римом. Упорное и вполне понятное нежелание Шапура II терять контроль над ситуацией в жизненно важном для Персии районе Передней Азии на фоне укрепления здесь римских позиций создавало взрывоопасную ситуацию, грозившую, в конечном счете, вылиться в полномасштабную римско-персидскую войну.

Предвестником будущих событий послужили военные столкновения между римскими и персидскими войсками, которые начались уже в 20-х гг. IV в., т.е. еще до истечения сорокалетнего мира, заключенного в 298 г. Армения заняла в них откровенно враждебную Персии позицию. Как сообщает армянский историк Моисей Хоренский, незадолго до Никейского собора (предположительно, в 323 или, скорее всего, в 324 году, т.к. Моисей, говоря о римско-персидском конфликте, тут же упоминает и о пленении Константином Великим Лициния, произошедшем, как известно, в 324 г.) большое римское войско вторглось в Северную Месопотамию. Воспользовавшись этим обстоятельством, Тиридат III в течение целого года не прекращал набегов на приграничные с Арменией владения Сасанидов и остановился только после того, как Константин по просьбе Шапура II согласился на прекращение боевых действий (МХ. II. 87).

Примерно тогда же между Константином Великим и Тиридатом III был заключен договор о военном союзе и помощи Армении со стороны Римской империи в случае персидской агрессии. Из самого факта подписания подобного соглашения можно сделать вывод о наличии серьезной угрозы Армянскому царству со стороны саса-

нидского Ирана, к этому времени уже окрепшему после перенесенных смут и внутренних войн. В то же время заключение римско-армянского военного союза, направленного против Персии, усиливало позиции Рима в Закавказье и Верхней Месопотамии, причем явно в ущерб интересам Сасанидов. Таким образом, события первой четверти IV в., происходившие в Передней Азии, подрывали и без того шаткое положение Персии в данном регионе.

Судя по всему, у Шапура II пока не было возможностей предпринять какие-либо адекватные меры в отношении своих противников, и до некоторых пор он был вынужден действовать против Рима не прямо, а косвенным путем, время от времени вмешиваясь в дела главного римского союзника на Востоке - Армении - и поддерживая здесь антиримски настроенные силы. Причину подобной пассивности политики Шапура в отношении Рима следует искать не только в относительной слабости сасанидского Ирана, занятого в первые десятилетия IV в. восстановлением своего могущества и авторитета, но и в силе Римской империи, объединившейся под властью Константина Великого и вновь сделавшейся за годы его правления действительно одной из самых мощных и великих державой во всем Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Кроме того, военные успехи Константина в борьбе с вторжениями варварских народов и своими внутренними противниками обеспечили ему славу непобедимого полководца, способного уничтожить любого, кто попытается выступить против него с оружием в руках. В результате персы не спешили нарушать установившегося в 298 г. мира, оттягивая начало военных действий.

Тем временем в 338 г. истек срок действия сорокалетнего Нисибисского мирного договора, и по мере приближения этой даты обе стороны предпринимали все более активные меры по подготовке к будущему конфликту.

В начале 330-х гг. император Константин Великий направил Шапуру II письмо, в котором настоятельно рекомендовал ему уважать права и интересы христиан, являющихся подданными "царя царей", ставя в пример свой опыт взаимоотношений с церковью. Отправляя подобное послание, Константин не мог не предвидеть отношения Шапура к предложениям, содержавшимся в письме, и реакции на них со стороны царя. Это заставляет предположить, что послание

Константина было своего рода пробным камнем, с помощью которого император в преддверии начала войны с Персией попытался спровоцировать ответные действия персидской стороны и проследить за их характером.

В ответ на письмо императора Шапур II направил в Константинополь посольство с требованием расширения границ Персидской державы за счет римских владений. Скорее всего, речь шла о возвращении персам областей, уступленных ими в 298 г. Константин категорически отказался выполнить требования персидских послов и, в свою очередь, демонстративно начал военные приготовления². Трудно сказать, чем могла закончиться вся эта ситуация, но случилось непредвиденное: в разгар подготовки к войне Константин Великий внезапно умирает, находясь в местечке Ахирона близ Никомерии.

О ходе боевых действий в 330-е - 350-е гг. известно относительно немного. Ясно лишь, что основные события разворачивались, как и прежде, в Верхней Месопотамии и были связаны с обороной и осадой армиями противоборствующих сторон вражеских крепостей.

Для персов наиболее важной задачей являлся захват самого значительного (и в военном, и в экономическом отношении) римского опорного пункта в Междуречье - Нисибиса. В связи с этим ими предпринимались неоднократные попытки овладеть этим городом: осады имели место в 338, 346 и 350 гг. Ни одна из этих попыток не увенчалась для персов успехом, что было для них серьезной неудачей. Однако своеобразной компенсацией явился захват в 348 (или 344) г. другой важной римской крепости - Сингары. Взятию Сингары предшествовало крупное сражение, иногда называемое в источниках "ночным", поскольку битва затянулась и закончилась лишь поздно ночью.

---

²Историческая традиция сохранила еще один вариант развития событий, ставших поводом к началу римско-персидской войны в конце правления Константина Великого. В хронике Георгия Кедрина, византийского автора (возможно, монаха) конца XI - начала XII вв., сохранился рассказ о некоем Метродоре, который под видом философа приехал в Индию, где получил от индийского царя множество драгоценностей в качестве подарка для Константина Великого; прибыв ко двору императора и передав ему дары, Метродор посветовал на то, что еще более ценные подарки были посланы им вперед, но их захватил персидский царь, что и подтолкнуло Константина к началу войны. О Метродоре также упоминает в своем сочинении и Аммиан Марцеллин (XXIV. 4. 23).

Она развивалась с переменным успехом: на первом этапе успех сопутствовал римскому войску, сумевшему обратить персов в бегство и захватить их лагерь. Однако здесь римляне проявили себя не с лучшей стороны: они приступили к грабежу вражеского лагеря, совершенно не позаботившись о соблюдении необходимых мер предосторожности. Тем временем Шапур II смог остановить отступление своей армии, подготовить и организовать контратаку. В результате битва закончилась разгромом римлян, взятием и разорением Сингары с последующим беспрепятственным уходом войск Шапура II за Евфрат (Fest. XXVII. 1 - 3).

В середине и второй половине 350-х гг. Шапур II не предпринимал каких-либо активных крупномасштабных военных акций в отношении Римской империи. В это время все усилия царя были сосредоточены на организации обороны северо-восточных границ своего государства. Шапур, как пишет Аммиан Марцеллин, "был занят войной с соседями и отгонял от своих границ дикие народы, которые в своем изменчивом настроении часто наступают на него, а иной раз, когда он идет на нас войной, оказывают ему помощь" (Amm. Marc. XIV. 3. 1). Противниками персов были хиониты и кушаны. Римский император Констанций II (337 - 361), в свою очередь, также не имел возможности организовать в отношении Персии боевые действия, которые могли бы спровоцировать ответные действия со стороны Шапура - он был поглощен борьбой с внутренними (узурпаторами Магненцием и Сильваном) и внешними (сарацинами, алеманнами, франками, сарматами и квадами) врагами империи.

Хотя сложная ситуация на Востоке не позволяла Шапуру II вести против Рима полноценную войну, персы, тем не менее, в течение 350-х гг. систематически тревожили римские пограничные гарнизоны в Месопотамии, держа их в постоянном напряжении. Кроме действий, направленных непосредственно против Рима, Шапур организовывал нападения и на союзную Риму Армению. В целом антиримские действия персов были весьма успешны, чему в немалой степени способствовали сами римляне: их военачальники вместо организации обороны римских границ были заняты грабежом местного населения.

Следует отметить, что инициатором всех приграничных конфликтов выступала персидская сторона; римляне же были вынуждены

обороняться, не имея возможности перегруппировать свои силы и организовать ответные или, тем более, превентивные действия, а все их попытки достичь компромисса были безрезультатны.

Тем временем у персов полным ходом шла подготовка к большой войне. Шапур II усилил войско отрядами своих недавних противников на востоке - хионитов и некоторых других народов - и готовился к нападению на империю с наступлением весны. Римляне были охвачены страхом и с тревогой ожидали надвигающихся бедствий. Еще более усугубляло положение римской стороны отстранение от командования восточными армиями и отзыв в Сирмий магистра конницы Урсицина - одного из наиболее способных римских военачальников на Востоке. Кроме того, большую помощь персам оказал римский перебежчик Антонин, бывший протектор (воин императорской гвардии - корпуса протекторов-доместиков), а на данный момент времени - купец, бежавший в Персию со всей семьей из-за огромных долгов. Антонин предоставил персам полную и точную информацию о расположении, численности и боевых задачах римских воинских частей и предложил свой план ведения войны, заключавшийся в стремительном продвижении вглубь римской территории, невзирая на то, что не взятые римские крепости должны были остаться в тылу персов. План был одобрен и принят Шапуrom II.

Весной 359 г. передовые персидские части вторглись в римские владения и стали опустошать приграничные районы. Для выяснения ситуации и уточнения численности армии Шапура II римским командованием было принято решение отправить на разведку Аммиана Марцеллина, тогда еще молодого протектора, позднее написавшего сочинение под названием "Деяния" (в русском переводе - "Римская история") - наш главный источник по истории римско-персидских отношений в середине и второй половине IV в. Используя свое знакомство с сатрапом Кордуэны Иовинианом, который втайне был на стороне римлян, будущий историк смог лично наблюдать переправу персидских войск через реку Анзабу (Заб). Получив от Аммиана новые сведения, римское военное руководство организовало эвакуацию сельского населения в города и уничтожение посевов зерна. Параллельно с этим осуществлялись мероприятия по укреплению западного берега Евфрата в местах возможной переправы персидского войска. При-

мерно в это же время войско Шапура II прошло мимо Нисибиса. Но двинуться дальше ему помешали два обстоятельства: начавшийся в это время разлив Евфрата, преградивший путь персидского войска, и разоренная римлянами местность, лежавшая перед ним. В связи с этими обстоятельствами персами было принято предложение римского перебежчика Антонина: обогнуть с севера этот опасный район, что позволило бы, по его мнению, избежать почти 150-километрового перехода по пустыне и перейти Евфрат через броды, находившиеся выше по течению. В результате на пути персов оказалась римская крепость Амида.

Первоначально царь не планировал брать эту мощную крепость, тем более что ее укрепления не так давно были дополнительно усилены, и собирался, по совету перебежчика Антонина, вторгнуться вглубь римских владений, оставив Амиду в своем тылу. Тем не менее, непредвиденные обстоятельства в корне изменили ситуацию: Шапур лично приблизился к стенам Амиды для ведения переговоров о добровольной сдаче крепости, но, будучи узнанным римскими воинами, подвергся обстрелу. Одно из пушенных в него копий задело царские одеяния, и разгневанный шаханшах решил было осадить крепость, однако, по многочисленным просьбам своих приближенных, Шапур согласился дать защитникам Амиды еще один шанс и предложить сдать город добровольно.

К Амиде вновь были посланы парламентарии с целью ведения переговоров, однако во время этой процедуры случилось еще одно трагическое и на этот раз роковое происшествие: один из римлян метким выстрелом из баллисты нанес смертельную рану сыну царя хионитов Грумбата - главного союзника Шапура в походе 359 г. Это окончательно решило участь Амиды: она, как пишет Аммиан Марцеллин, была обречена стать жертвой душе убитого хионитского царевича (XIX. 2. 1).

Осада Амиды персами и их союзниками в лице хионитов, сестанцев и албанов длилась 73 дня. Положение римлян усугублялось отсутствием поддержки извне, поскольку римский полководец Сабиниан, невзирая на доводы и уговоры опытных советников, не желал отправлять войска на помощь осажденным. Кроме того, в самой Амиде скопилось огромное количество людей, съехавшихся

сюда на ежемесячную ярмарку незадолго до подхода персов. В условиях жары и большого числа умерших это привело к вспышке инфекционной болезни.

В конце концов, в результате многочисленных штурмов, непрерывного обстрела и разрушения крепостных укреплений персы ворвались в Амиду и учинили кровавую расправу над ее жителями; как пишет Аммиан Марцеллин, персы "избивали как скотину всех вооруженных и безоружных без различия пола" (XIX. 8. 4).

Взятые в плен руководитель обороны Элиан и трибуны были распяты на крестах; оставшиеся в живых офицеры были уведены в плен; все пойманные в Амиде и близ нее римляне были безжалостно убиты. Персы же, по данным Аммиана Марцеллина (скорее всего, несколько преувеличенным), потеряли под Амидой до 30 тысяч человек (XIX. 9. 9). Вероятно, именно этим во многом объясняется жестокость персов, проявленная в отношении жителей крепости и пленных римлян.

Амида была взята в конце сентября, и Шапур был вынужден возвращаться в Персию из-за приближения осенней распутицы. Таким образом, героическая оборона Амиды, длившаяся два с половиной месяца, спасла восточные римские провинции от опустошительного персидского нашествия.

Однако стратегическая инициатива по-прежнему находилась в руках персов, и новое вторжение было лишь вопросом времени. Весной следующего (360) года армия Шапура вновь вторглась в римские владения. На этот раз первой римской крепостью на пути персов была Сингара. После отказа, полученного в ответ на традиционное предложение о сдаче, персидское войско приступило к осаде Сингары, длившейся несколько дней. В итоге город был взят штурмом, а его гарнизон был частично уничтожен. Большую же часть находившихся в Сингаре римлян персы взяли в плен и вывезли в глубинные районы Персии, продолжая тем самым издревле существовавшую на Ближнем и Среднем Востоке практику переселения жителей захваченных городов.

В это время основное римское войско стояло под Нисибисом (примерно в 100 км от Сингары) и не оказало помощи Сингаре, что было объяснено невозможностью перехода большой армии по без-

водной пустыне, лежащей между Нисибисом и Сингарой. Однако этот довод вряд ли является убедительным, поскольку расстояние в 100 км римская армия могла бы преодолеть за два дня без какого-либо риска даже в условиях пустыни; так, Вегетий отмечал, что римское войско за пять часов даже размеренным шагом способно пройти 20 миль, т.е. почти 30 км (Veget. *ERM.* I. 9).

После взятия Сингары Шапур, как и год назад, миновал Нисибис, опасаясь столкновения со стоявшими здесь главными силами римлян и мощной крепостью, и подошел к Безабде - укреплению на правом берегу Тигра. Гарнизон Безабды состоял из трех легионов и отряда стрелков, набранных из местных жителей. После отказа от добровольной сдачи крепость была осаждена, и через несколько дней ее постигла участь Сингары: ворвавшись в город, персы учинили жестокую резню; кроме того, было захвачено и большое количество пленных. Поврежденные укрепления Безабды были отремонтированы, а в самой крепости был оставлен гарнизон из отборных персидских воинов.

В оставшийся до наступления осени срок Шапур II попытался захватить еще одну крепость - Вирту, но времени было слишком мало. Понеся потери, Шапур ушел обратно в Персию для подготовки к новому походу.

К весне 361 г. персидские войска вновь были готовы к вторжению на территорию Римской империи. Шапур сосредоточил свои силы на одном направлении и готовился к форсированию Тигра, однако по неясным причинам медлил с началом кампании. На этот раз император Констанций II сумел организовать оборону своих границ и вышел навстречу персам, но он не знал, в каком именно месте Шапур намеревался перейти Евфрат, и тоже выжидал. Возможно, именно потому, что римляне на этот раз были готовы к встрече с ним, Шапур не отважился перейти границу и вернулся в свои владения.

Вскоре после этого в империи произошли важные события, ставшие переломными как для Рима, так и для Персии. 5 октября 361 г. умирает Констанций II, и на престол вступает император Юлиан (361 - 363).

В отличие от своего предшественника, новый император действовал гораздо более решительно. Сразу после прихода к власти Юлиан начинает активную подготовку к походу против Персии. В

начале весны 363 г. римские боевые части, стоявшие на Востоке, получили приказ о начале боевых действий. В соответствии с полученными указаниями, они сосредоточились в различных пунктах, ожидая подхода главных сил во главе с Юлианом, который выступил из Антиохии 5 марта 363 г. и в скором времени, соединившись с остальными частями, перешел Евфрат. 27 марта Юлиан был уже в Каллинике (Ракка). Персидский поход императора Юлиана начался.

Выйдя из Каллиника, армия Юлиана начала движение на юг, вдоль левого берега Евфрата; по пути следования император принял посольство местных арабских царьков, предоставивших ему отряды для выполнения вспомогательных функций. Одновременно прибыл и римский флот, состоявший из 1000 грузовых и 50 военных судов, а также 50 кораблей, приспособленных для наведения переправ, или всего 1100 единиц.

Теперь уже в сопровождении флота Юлиан продолжил движение вдоль Евфрата, пройдя такие пункты, как Керкусий, Зайта и Дара. В начале апреля армия римлян переправилась через реку Абору (Хабур), левый приток Евфрата, после чего наведенные мосты по приказу Юлиана были сожжены, дабы никто из римлян не помышлял о возвращении назад. Дальше начинались персидские владения, и войска, приняв боевой порядок, стали продвигаться вперед более осторожно. Колонна римлян растянулась на 10 миль, т.е. почти на 15 км. Флот следовал по реке параллельно армии.

В середине апреля римляне встретили первую вражескую крепость - Анафу, стоявшую на острове посреди Евфрата. Ее гарнизон, поддавшись на уговоры и обещания находившегося в римской армии сасанидского царевича Ормизда, согласился добровольно сдаться. Командиру гарнизона - персу по имени Пузей - было присвоено звание трибуна; население Анафы вывезли в Сирию, а сам город был сожжен. После этого армия Юлиана продолжила движение вперед, уничтожая все на своем пути.

Следующими персидскими крепостями на пути Юлиана были Тилута и Ахайяхала. Обе они, подобно Анафе, находились на скалистых островах посреди Евфрата, но, в отличие от Анафы, их защитники не пожелали сдаваться немедленно, а заявили, что если римляне, продвигаясь вперед, займут внутренние области Персидского царства, то

тогда и они перейдут на сторону победителя. Юлиан, не желая нести напрасные потери, двинулся дальше, пройдя местность под названием Бараксмальха и город Диакиму. Еще через несколько дней произошла первая стычка между войсками Юлиана и отрядами персов и служивших им арабов, в результате которой противники римлян отступили.

Вскоре римляне подошли к сильной крепости Пирисабора. После нескольких дней осады гарнизон Пирисабора, в руках которого осталась лишь цитадель, решил начать переговоры о сдаче; в итоге две с половиной тысячи персов во главе с начальником гарнизона Мамерсидом, получив гарантии личной безопасности, сдались, а сама Пирисабора после разграбления была сожжена. Все это время персы непрерывно беспокоили римское войско внезапными нападениями и обстрелами, зачастую заставляя римлян врасплох; Юлиан однажды был вынужден даже применить децимацию, дабы таким путем заставить своих воинов быть более бдительными и осторожными. Следующим значительным укрепленным пунктом на пути римских войск была Майозамальха. Город был взят в осаду, но ни один из многочисленных штурмов не увенчался успехом. В итоге было решено сделать подкоп и через него проникнуть внутрь крепости. Этот план удался, и Майозамальха была взята.

Участник этих событий Аммиан Марцеллин с нескрываемой гордостью и удовлетворением сообщает о жестокости, с которой римляне расправлялись с населением взятой крепости:

"Разгневанные победители рубили всех, не различая ни пола, ни возраста; некоторые жители в страхе перед неминуемой гибелью, под угрозой огня с одной стороны и меча - с другой, оплакав свой конец, сами бросались вниз со стен... Так большой и многолюдный город, взятый мощной храбростью римлян, превращен был в прах и развалины. После этого славного дела мы прошли по непрерывному ряду мостов..." (Амм. Марс. XXIV. 4. 25, 30, 31).

Из всего гарнизона при штурме крепости уцелело лишь 80 человек во главе со своим командиром Набдатом; взятым в плен персам была дарована жизнь.

После взятия и уничтожения Майозамальхи римская армия про-

должила движение дальше на юг, постоянно подвергаясь неожиданным нападениям персидской кавалерии и неся при этом ощутимые потери. В скором времени римляне уже стояла под стенами Ктесифона. Здесь состоялось первое в ходе кампании 363 г. крупное сражение между римской и персидской армиями на открытой местности. Римляне, возглавляемые лично Юлианом, под покровом темноты на нескольких кораблях переправились через Тигр и с боем захватили часть побережья, куда затем высадилось остальное войско.

Персы не оказали серьезного сопротивления римской армии и после короткого сражения скрылись за стенами Ктесифона, буквально по пятам преследуемые римлянами. Потери персов составили около двух с половиной тысяч человек, римлян - всего 70 (Amm. Marc. XXIV. 6. 15). Таким образом, под Ктесифоном римляне одержали значительную победу, которая, однако, как показали последующие события, оказалась бесплодной.

В районе Ктесифона римская армия провела несколько дней, восстанавливая силы и пополняя запасы продовольствия. Тем временем на военном совете командование решало вопрос о том, что делать дальше: осадить Ктесифон или же идти во внутренние районы Персии, оставив Ктесифон в тылу; по инициативе императора был выбран второй вариант, и войско Юлиана двинулось вперед. Однако персы делали все возможное, чтобы не позволить римлянам проникнуть вглубь своей территории, и потому ими были подожжены степь, зерновые посевы и селения в тех местностях, по которым должны были проходить римские войска; к этому следует добавить постоянные нападения персидской кавалерии. В итоге римляне оказались без продовольствия и фуража посреди выжженной страны; на очередном военном совете было принято новое решение: повернуть на север и продвигаться в направлении римской провинции Кордуэны. Поняв, что римляне отказались от своих первоначальных планов и в войне наметился перелом, персы усилили свою военную активность, и потери среди воинов Юлиана резко увеличились.

Значительный персидский отряд встретил римское войско в местности под названием Маранга. Битва под Марангой закончилась без определенного результата, хотя, вероятно, потери персов были более значительными. После трехдневного перемирия, в котором были

заинтересованы обе стороны, римские войска продолжили движение в направлении Кордуэны, а персы, верные своей тактике, непрерывно их тревожили внезапными атаками и засадами. И во время одной из таких атак, произошедшей 26 июня, случилось непредвиденное: Юлиан, поспешив на помощь своим солдатам, не посчитал нужным (или не успел) надеть доспехи, и в короткой стычке один из кавалерийских дротиков поразил его в правый, незащищенный щитом бок. Как выяснилось чуть позже, копье пронзило печень, и рана оказалась смертельной; через несколько часов Юлиан скончался в своей палатке.

На следующий день (27 июня) состоялись выборы нового императора, которым стал бывший командир корпуса протекторов Иовиан (363 - 364). Римляне находились в критической ситуации: они были окружены персидской армией, лишены возможности пополнять запасы продовольствия, деморализованы гибелью Юлиана. В результате персы смогли навязать Иовиану крайне невыгодный для римлян мирный договор, имевший два главных условия: 1) передача Персии пяти римских областей в Верхней Месопотамии (Арзанены, Моксоэны, Забдицены, Регимены, Кордуэны) с находящимися там крепостями, а также городов Нисибиса, Сингары и Лагерьа Мавров и 2) отказ Рима от поддержки Армении. Таким образом, империя не только уступила Персии ряд своих территорий, имевших крайне важное стратегическое значение, но и, по сути дела, предала своего самого верного восточного союзника. Договор был подписан на 30 лет и подкреплён знатными заложниками с обеих сторон. После этого отступление изголодавшейся и измотанной непрерывными стычками с неприятелем, но все же сохраненной (хотя и очень дорогой ценой) римской армии превратилось в беспорядочное бегство.

Во исполнение условий договора населению Нисибиса под страхом смерти было приказано в трехдневный срок покинуть город, после чего он был занят персами. По приказу Шапура в Нисибис было переселено 12 тысяч человек из Истахра, Исфахана и других районов Персидской державы. Таким образом, римско-персидская война, длившаяся с 337 г. и нанеся огромный урон прежде всего городам римского Востока, закончилась бесславно для Рима и полной победой Персии. Это был колоссальный успех Шапура II, достигнутый ценой не только военных, но и дипломатических усилий.

Договор 363 г. не мог положить конец противоборству Римской империи и сасанидского Ирана - слишком многие противоречия еще не были сняты. Эти события знаменовали собой лишь новый этап в борьбе Рима и Персии. Теперь, когда вопрос о Верхней Месопотамии был временно решен, главным яблоком раздора оставалась Армения, традиционно занимавшая проримскую позицию.

Уже через год после подписания Нисибисского договора персы начинают вмешиваться в дела Армении. Шапур II прилагал все усилия к тому, чтобы вернуть Армению в свою сферу влияния. Достаточным основанием для своих действий Шапур считал смерть Иовиана (364) - императора, с которым был заключен договор о мире; это, по мысли царя, освобождало его от необходимости соблюдения условий мирного соглашения. При этом следует отметить, что в отношении непосредственно Рима Шапур вел себя достаточно осторожно и не нарушал каким-либо образом условий мира, подписанного между ним и Иовианом.

В 367 г. антиармянская деятельность Шапура II резко активизируется. Персидские войска начали совершать нападения на приграничные районы Армении, захватывая в плен не только местных жителей, но также представителей гражданской и военной администрации. Судя по всему, и эти действия не принесли персам желаемого результата, что побудило Шапура пойти на крайние меры: он приглашает к себе под благовидным предлогом царя Армении Аршака, арестовывает его, ослепляет и заключает в тюрьму Агабану, известную также как Андмиш, Ануш или Аниуш. За всеми этими названиями стоит так называемая "Башня забвения" (Анушбард) в Хузистане. После многочисленных издевательств и мучений Аршак был казнен.

Через год после пленения Аршака Шапур сместил с престола сторонника римлян царя Иберии Савромака и водворил на его место своего ставленника Аспакура, причем сын последнего Ультра был взят персами в заложники.

Стремясь развить свой успех, весной 368 г. Шапур II приказал двум армянам-перебежчикам - Глаку и Айру Мардпету, занимавшим прежде высокие должности при армянском дворе, взять крепость Артогерасса (Артагерс), где после пленения Аршака находились его жена - царица Парандзем, сын и вся царская казна.

В результате всех этих событий Артогерасса после длительной осады была взята войсками Шапура II. Характерно, что персы овладели городом лишь после того, как изможденный длительной осадой гарнизон сам открыл им ворота. Видимо, крепость была настолько мощной, что взять ее штурмом персы были просто не способны; косвенно это подтверждается данными раскопок другой не менее известной армянской твердыни той эпохи - Гарни, которую, по словам обследовавшего ее Б.Н. Аракеляна, "неимоверная мощность сооружений и плотность башен делали... совершенно неприступной для военной техники того времени"³.

После захвата Артогерассы Армения подверглась страшному разорению. Римляне, опасаясь полной утраты своего контроля над Арменией, направили туда крупный отряд во главе с комитом Аринфеем. Между Римом и Персией назревал первый после договора 363 г. кризис, готовый перерасти в новую войну; однако Шапур, по всей видимости, не желал вступать в открытое столкновение с империей, рассчитывая, как это уже не раз бывало, достичь своих целей дипломатическим путем. Царь направил к римскому императору Валенту (364 - 378) послов с требованием соблюдать условия мирного договора 363 г., т.е. отказаться от планов по оказанию помощи Армении. Однако римское войско уже находилось на территории Иберии, и, с одобрения Валента, это государство было поделено между Савромаком и Аспакуром. Персы расценили это как основание для обвинений Рима в нарушении мира, запрещавшего оказывать Армении какую-либо помощь; персидские послы были отозваны, и Шапур стал готовиться к войне, старясь, как обычно, заручиться при этом поддержкой ряда соседних народов.

Боевые действия развернулись весной 371 г. в местности под названием Вагабанта (Багаван). Шапур направил против римской армии объединенное войско, состоявшее из персов и их союзников (в первую очередь, албанов во главе с царем Урнайром). Оба войска действовали нерешительно; персы попытались с помощью конницы рассеять римлян, но те выстояли, и других попыток разгромить римскую армию персы не предпринимали. Войска простояли друг против друга до самой осени, ограничиваясь мелкими стычками; в результате Шапур вернулся в свою зимнюю резиденцию Ктесифон, а римляне ушли в Антиохию.

---

³Аракелян Б.Н. Археологические открытия в Армении // ВДИ. 1951. № 1. С. 267.

В ближайшее время открытых враждебных акций, носивших вооруженный характер, ни римляне, ни персы в отношении друг друга не осуществляли, однако вскоре произошли события, оказавшие в перспективе прямое влияние на политику Шапура II в отношении Рима. Сын погибшего в персидском плену армянского царя Аршака Папа вскоре после событий 371 г. вступил в контакт с Шапуром, и тот попытался вовлечь Папу в союз, направленный против Рима. В итоге с целью недопущения возможного армяно-персидского альянса римскими властями было организовано убийство Папы.

Опасаясь ослабления своих позиций, вскоре после гибели Папы Шапур инициировал переговоры, в которых требовал у Валента отказа от претензий на Армению либо передачи под персидское покровительство всей Иберии, к тому времени поделенной между Римом и Персией. Римское посольство, направленное к Шапуру II, доставило ответ, заключавшийся в отказе выполнить условия Шапура и встречном требовании вывести персидские войска из Иберии. Однако римские послы согласились на предложение Шапура разделить Армению между Римской империей и Персией - причем сделали это, по всей видимости, самовольно, без санкции императора. Когда же посол Шапура прибыл к Валенту для окончательного решения вопроса о разделе Армении, то получил отказ и уведомление о начале подготовки римлян к войне, что вызвало недовольство царя и привело к новому обострению отношений Рима и Ирана.

В 378 г. в виду крайней опасности из-за восстания переселившихся на территорию империи вестготов император Валент был вынужден все же дать согласие на заключение с Шапуром II соглашения о разделе Армении, официально оформленном позднее, в 387 г., при императоре Феодосии I (379 - 395) и персидском царе Шапуре III (383 - 388).

После смерти Шапура II в Иране вновь наступает время политической нестабильности. С 379 по 399 гг. здесь сменилось три шаха: брат Шапура II Арташир II (379 - 383), сын Шапура II Шапур III (383 - 388) и сын Шапура III Бахрам IV (388 - 399). В эти годы обострилась борьба между царской властью и светской и духовной знатью Ирана, стремившейся к максимально возможной автономии и получившей (после долгого и самовластного правления Шапура II) воз-

возможность вновь открыто заявить о своих претензиях на самостоятельность и независимость от царской администрации и самого царя. В этих условиях у Персии не было возможности активно влиять на международную ситуацию, в том числе - и на западном направлении.

Римская империя тоже переживала не лучшие времена: после разгрома армии Валента под Адрианополем на территорию империи хлынули полчища варваров, и главной задачей Августов стала оборона собственно имперских территорий от вторжений германских и других племен на рейнско-дунайской границе; об осуществлении внешней экспансии в этой ситуации не могло быть и речи. Единственное важное событие, произошедшее в эти годы в отношениях между двумя державами - это упомянутое выше официальное оформление договоренности, достигнутой еще в 378 г. между Валентом и Шапуром о разделе Армении. Соглашение было заключено, по всей видимости, в 387 г. после трехлетних переговоров. По этому договору Армянское царство делилось на две сферы влияния - римскую и персидскую, причем окраинные области Армении (около половины ее площади) были прямо включены в состав двух великих держав, а разделу подверглась центральная часть страны (так называемая "Срединная страна"). Под контролем Сасанидов оказалось около 80% территории Армении. Первоначально и в римской, и в персидской частях сохранялись местные правящие династии из рода Аршакидов, однако все шло к тому, чтобы ликвидировать последние, пусть даже и чисто формальные, признаки государственной независимости Армянского государства. В результате уже в 391 г. в римской части Армении царская власть была ликвидирована, а земли армянских Аршакидов были поделены между императором, местной знатью (нахарами) и католикосом. В восточной части Армении, отошедшей к Персии, царская власть просуществовала до 428 (или 429) г., когда последний Аршакид был отстранен от власти, а его владения перешли к Сасанидам и армянским нахарамам. Управление Арменией осуществлялось сасанидской администрацией во главе с наместником - марзпаном (первоначально - из числа армянской знати).

После раздела 387 г. территориальная целостность Армении так и не была восстановлена; как известно, и в настоящее время значительные некогда армянские территории принадлежат ряду государств и лежат за пределами Республики Армения.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие факторы обусловили обострение римско-персидских отношений к концу 330-х гг.?
2. Какую роль играла Армения во взаимоотношениях Рима и Ирана в IV в.?
3. Чем были вызваны успехи Шапура II в войнах против Римской империи?
4. В чем заключались причины поражения и историческое значение персидской экспедиции Юлиана Отступника?
5. Какие факторы обусловили снижение интенсивности римско-персидского противоборства в Передней Азии в последние десятилетия IV в.?
6. В чем, на Ваш взгляд, состояли основные причины раздела Армянского царства между Римом и Персией в конце IV в.? Каковы были последствия этого события для Рима, Персии, Армении?

ГЛАВА 2

ДЕРЖАВА САСАНИДОВ И ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ IV - КОНЦЕ VI ВВ.

§ 1. "Весны и осени" в отношениях между Византией и Ираном (387 - 540 гг.)

Для того чтобы понять дальнейшие события в отношениях между двумя державами, необходимо хотя бы коротко рассмотреть процессы, происходившие внутри персидского общества и подчас не имевшие, казалось бы, прямого отношения к дипломатии и военно-политическому противостоянию Рима и Ирана. Дело в том, что в первые два десятилетия V в. борьба между царской властью и знатью в сасанидском Иране приобрела крайне острый характер. Вступивший в 399 г. на престол шаханшах Ездегерд I (399 - 420), не имея возможности обуздать иранские знатные роды традиционными средствами, был вынужден искать себе новых союзников. Ими стали христиане, подвергавшиеся жестоким преследованиям буквально пару десятилетий назад, в правление деда Ездегерда Шапура II Великого. Христианскому населению Персии был предоставлен ряд привилегий (иногда даже в ущерб зороастрийской религии). Этот поворот во внутренней политике неизбежно вел и к изменениям в отношениях между Ираном и оплотом христиан всего тогдашнего мира Римской империей. Резкое смягчение отношения Сасанидского государства к христианству и его последователям не могло не вызвать некоторого потепления в отношениях между двумя недавними противниками. Наиболее ярким внешним проявлением наступившей "разрядки" стало объявление царя Ездегерда опекуном малолетнего наследника императора Аркадия (395 - 408) - Феодосия II (408 - 450), причем сделано это было по инициативе самого Аркадия, опасавшегося за судьбу своего сына. Как отмечает Прокопий Кесарийский, Ездегерд сразу после смерти Аркадия "отправил послание к римскому сенату, в котором не отказывался быть опекуном базилевса Феодосия и угрожал войной всякому, кто попытается устроить против него заговор" (Proc. *Bell. Pers.* I. 2. 10). Годы правления Ездегерда (прозванного зороастрийским духовенством сасанидского Ирана "Грешником" за

более чем терпимое отношение к христианам) были одним из тех редких периодов в истории Рима (Византии) и Персии, когда обе стороны воздерживались от каких-либо враждебных акций в отношении друг друга и проводили миролюбивую политику.

В 420 г. Ездегерд таинственно исчез во время посещения вместе со своими приближенными Гиркании (Гургана). По преданию, на встречу царю из источника выскочил прекрасный жеребец, который никого к себе не подпускал. Когда к нему подошел Ездегерд, конь ударил его копытом в грудь, от чего царь тут же умер. По всей видимости, эта легенда была создана сопровождавшими шаха представителями знати с целью сокрытия совершенного в отдаленной глухой провинции убийства царя.

Со смертью Ездегерда рухнула вся система добрососедских отношений с Византией, выстраивавшаяся им во время пребывания на троне. Пришедшая при Бахrame V Гуре (421 - 439) к власти группировка высшей знати во главе с одним из представителей аристократического рода Спендиат по имени Михр-Нарсе проводила совсем другую и внутреннюю, и внешнюю политику. Христиане вновь стали подвергаться преследованиям, а христианская церковь Ирана, в годы правления Ездегерда вошедшая в состав византийской церковной организации, была вынуждена заявить об отделении персидских христиан от христиан Византии. Естественным итогом такого политического курса стало резкое обострение отношений с империей, вылившееся в персидско-византийскую войну 422 г.

Подробностей этой военной кампании мы не знаем. Однако из кратковременности конфликта и содержания мирного договора явно видно, что события развивались не в пользу Персии. Согласно условиям мира 422 г., обе стороны брали на себя обязательство проводить терпимую религиозную политику. В Персии христианам гарантировалась свобода вероисповедания и отправления религиозного культа, а в Византии те же права предоставлялись приверженцам зороастризма. По сути дела, для империи никаких реальных обязательств этот договор за собой не влек, т.к. зороастрийцы на ее территории практически не проживали, в то время как в державе Сасанидов христианство было одной из самых многочисленных конфессий (второй после зороастризма). Кроме того, Персия обязалась осуще-

ствлять охрану Кавказских ворот - горного прохода, через который кочевники с территории Северного Кавказа вторгались во владения обоих государств. И хотя за это Константинополь был должен выплачивать Сасанидам определенную денежную сумму, тем не менее, данный договор был большим успехом византийской дипломатии, сумевшей на длительный срок решить сложную внешнеполитическую проблему руками своих противников - персов.

В последующие годы серьезных столкновений между Византией и Ираном не происходило. Империю устраивало положение, закрепленное договором 422 г., а Сасаниды были заняты начавшейся вскоре борьбой с эфталитами - кочевниками, вторгшимися на территорию Персии из Средней Азии. Только преемник Бахрама Ездегерд II (439 - 457) вновь обратил пристальное внимание на запад.

Сразу после прихода к власти Ездегерд начинает подготовку к войне с Византией. Боевые действия развернулись в 441 г. Византийским войском командовал полководец Флавий Анатолий. Боевые действия вновь складывались в пользу империи, и персы были вынуждены пойти на переговоры о мире, который был заключен в следующем, 442 г. По словам Прокопия Кесарийского, царь "согласился на такие мирные условия, каких хотел Анатолий" (*Proc. Bell. Pers.* I. 2. 15). Согласно договору, обе стороны должны были воздерживаться от строительства новых крепостей вдоль византийско-персидской границы. Это положение должно было закрепить преобладание империи, обозначившееся в 422 г., и сохранить в Передней Азии ситуацию, выгодную Византии.

Таким образом, прямые антивизантийские действия персов не увенчались победой. Однако для укрепления своих позиций на западе им было необходимо добиться здесь успеха любой ценой. Единственным выходом из этой ситуации для Персии было усиление своего влияния в Армении - стране, где всегда ощущались антиперсидские настроения и которая была удобным плацдармом для нападения на Византию. Кроме того, Иран традиционно компенсировал неудачи в борьбе с Римом агрессией в отношении Армении - главного союзника империи на Востоке.

Удобная возможность для ужесточения политики в Армении представилась уже в начале 440-х гг. К этому времени на среднеази-

атской границе Персии вновь активизировались племена эфталитов, для борьбы с которыми требовались дополнительные военные силы. С целью организации обороны северо-восточных рубежей своих владений Ездегерд II мобилизовал армянскую конницу, считавшуюся одной из лучших (если не лучшей) в Передней Азии, и перевел ее в Мервский оазис (хотя при заключении договора в 387 г. армянам было обещано не выводить из страны их воинские контингенты), где она находилась в течение семи лет (с 442 по 449 гг.). В результате Армения оказалась беззащитной перед Сасанидами.

Вскоре в стране была проведена перепись населения, в ходе которой были учтены все жители Армении, подлежавшие налогообложению. Это привело к резкому усилению налогового гнета. Кроме того, на должность марзпана вместо представителя местной знати был поставлен наместник из числа персов, а верховным судьей назначен зороастрийский священник - маг. Следующим шагом было адресованное населению Армении требование отречься от христианства и перейти в зороастризм. Это переполнило чашу терпения армянского народа и вылилось в народное восстание 450 - 451 гг. Главным итогом этого события стал отказ Сасанидов от насаждения в Армении зороастризма и сохранение духовной и культурной независимости страны, что было крайне важно для дальнейшего развития отношений между Византией и Персией. Армения избежала культурной ассимиляции и не превратилась в рядовую периферийную часть сасанидского Ирана, оставшись своего рода буферной зоной между двумя державами, что в перспективе значительно облегчило Византийской империи оборону своих восточных рубежей.

После смерти Ездегерда II (457) в Иране началась борьба за власть между двумя его сыновьями - Ормиздом и Перозом. Ситуация осложнялась еще и тем, что примерно в это же время на востоке Персия была вынуждена вступить в войну с кидаритами, продолжавшуюся до конца 460-х гг. При помощи эфталитов и перешедшей на его сторону иранской знати Пероз нанес поражение войскам захватившего трон Ормизда III (457 - 459) и стал царем (459 - 484). Однако эфталиты оказались крайне ненадежными союзниками нового царя. Вскоре во главе с царем Ахшунваром они вторглись на территорию Хорасана и нанесли войскам Пероза сокрушительное

поражение; сам шаханшах попал в плен и был вынужден заплатить за себя огромный выкуп, и до полной его выплаты царевич Кавад (сын Пероза) оставался у эфталитов в качестве заложника. В дополнение к этому эфталитам была уступлена значительная территория по левому берегу Амударьи.

Через некоторое время Пероз организовал ответный поход против эфталитов с целью взять реванш за недавнее поражение. Однако вторая кампания закончилась еще более трагично: эфталиты заманили персидское войско в заранее подготовленную ловушку, и оно было уничтожено, при чем погиб и сам Пероз (484). Персия была вынуждена выплачивать эфталитам дань, величина которой, судя по всему, была очень значительна: один из персидских военачальников заявил, что "такое большое и свободное государство отдал он в рабство эфталитам, и из этого жестокого рабства Иранское государство, сколько оно будет существовать, никогда не сможет освободиться". О больших размерах дани говорит и тот факт, что даже после гибели Пероза его сын Кавад (488 - 531) был вынужден изыскивать средства для выплаты эфталитам необходимой суммы.

Для решения возникшей проблемы Кавад обратился за финансовой помощью к Византии, с которой после договора 442 г. у Персии были в целом добрососедские отношения. Однако именно эта просьба Кавада положила конец мирному сосуществованию двух держав. Правивший в это время в Константинополе император Анастасий (491 - 518) после обсуждения создавшегося положения со своими приближенными ответил Каваду отказом, справедливо полагая, что империи выгоднее не помогать персам в борьбе с эфталитами, а наблюдать за тем, как противники ослабляют друг друга. Отказ Анастасия Кавад воспринял как личное оскорбление и начал готовиться к новой войне с Византией.

Весной 502 г. Кавад, заключив союз с эфталитами, вторгся из Персоармении в армянские владения Византии. Персидская армия действовала весьма успешно: ею был захвачен крупный приграничный город Феодосиополь и разорена прилегающая к нему обширная территория. Затем, уже осенью, армия Кавада подошла к Амиде. В городе в этот момент не было гарнизона, и все тяготы обороны легли на плечи самих горожан.

Сначала персы попытались разрушить стены Амиды при помощи таранов, но защитники укреплений умело нейтрализовали действие осадных машин с помощью разного рода хитроумных приспособлений. Поняв, что сделать пролом в стене не удастся, Кавад изменил тактику действий: он приказал соорудить напротив одного из участков городской стены искусственную земляную насыпь, которая должна была превосходить по высоте укрепления Амиды, что позволило бы персам успешно поражать амидян, защищающих стены. Однако планам царя вновь не суждено было сбыться: под насыпь с территории города был прорыт подземный ход, через который незаметно было удалено большое количество земли из-под возводимой персами насыпи. В итоге, когда воины Кавада взойшли на внешне совершенно невредимый холм, он провалился под тяжестью большого количества людей, похоронив под собой множество осаждающих.

Царь оказался в сложном положении: идти дальше, вглубь византийских владений, оставив в тылу такую мощную крепость, как Амиды, было слишком рискованно; в то же время надвигалась зима, и войско должно было возвращаться на родину. Нужно было срочно принимать какое-то решение. И в это время судьба преподнесла Каваду неожиданный подарок: один из воинов совершенно случайно заметил старый, плохо замаскированный подземный ход, который, как выяснилось в ходе разведки, вел внутрь города. Ночью по этому ходу персы скрытно проникли в Амиду и быстро овладели одной из крепостных башен. По их сигналу осаждающие бросились на штурм. Завязалась ожесточенная схватка, исход которой долго был неясен, но амидяне сумели мобилизовать свои силы, и постепенно наметился их перевес. Однако в самый критический момент боя Кавад, выхватив меч, лично бросился к стенам и стал поражать тех из своих воинов, которые в поисках спасения пытались спуститься со стены по осадным лестницам. Движимые страхом, персы с удвоенной энергией ринулись в атаку и, наконец, на восьмидесятый день осады овладели городом. Оставив в крепости тысячный гарнизон, сам шаханшах с остальным войском вернулся в Персию. Так, спустя почти полтора столетия (как и в 359 г., во время вторжения Шапура II) жители Амиды ценой собственных жизней вновь спасли восточные провинции империи от опустошительного нашествия персов.

Все время, пока персы хозяйничали в приграничных районах империи, Анастасий бездействовал. Лишь к весне 503 г. им была собрана армия (правда, весьма многочисленная) для борьбы с персидской агрессией, включавшая отряды готов, бессов и других балканских народов. Однако, помимо того, что эта мера носила явно запоздалый характер, направленное против Кавада войско имело еще и из рук вон плохо организованную систему управления: единое руководство, формально находившееся в руках Ариовинда, командующего войсками империи на Востоке, на практике отсутствовало, армия состояла из четырех фактически самостоятельных частей, каждая из которых имела отдельного полководца (стратига), действовавшего по своему усмотрению. Кроме того, боевые части крайне медленно продвигались, система взаимодействия между ними, как и воинская дисциплина, почти отсутствовала, а разведка была поставлена из рук вон плохо. В результате Кавад знал о каждом шаге византийцев, в то время как они пребывали в полном неведении относительно местонахождения и намерений персов.

Воспользовавшись беспечностью византийского командования, Кавад внезапно атаковал сразу две вражеских армии из четырех. Ромеи были застигнуты врасплох: большинство из них в момент нападения персов было занято приготовлением пищи и купанием в реке. Ни о какой организованной обороне в такой ситуации не могло быть и речи. Византийские войска, бросив большое количество оружия, снаряжение и обоз, обратились в беспорядочное бегство; обе атакованные Кавадом армии были практически полностью уничтожены. Неизвестно, как сложилась бы судьба двух других армий, но в это время шаханшах получил донесения с северных границ своей державы, сообщавших о новом вторжении кочевников, на этот раз - на Кавказе. Кроме того, в разных частях Сасанидской державы почти одновременно вспыхнули восстания покоренных народов. Эти известия заставили царя срочно перебрасывать свои войска из Месопотамии в Закавказье и другие регионы. Таким образом, лишь внезапное изменение обстановки в самом Иране спасло византийские войска от полного разгрома.

Казалось бы, сложились крайне благоприятные условия для успешного развития византийцами боевых действий: царь с основными

силами покинул Месопотамию, оставшиеся здесь персидские гарнизоны явно уступали по численности императорским войскам. Но даже в столь выгодной ситуации византийские полководцы не смогли добиться какого-либо значительного преимущества: они ограничились лишь мелкими набегами на приграничные районы Персии в Северной Месопотамии.

К решению главной задачи - освобождению Амиды от персидского гарнизона - византийцы смогли приступить лишь в конце 503 г. Однако войска к Амиде стягивались очень медленно, а начавшаяся затем осада шла крайне вяло. Кроме всего прочего, командующие византийскими армиями опасались, что под Амиду в любой момент могут подойти главные силы персов во главе с самим Кавадом.

Персидский же гарнизон Амиды, несмотря на нехватку продовольствия и начавшиеся болезни, активно оборонялся, при этом преднамеренно создавая у неприятеля иллюзию полного благополучия и готовности держать оборону сколь угодно долгий срок. В конце концов, противоборствующие стороны решили вступить в переговоры. Их итогом стало соглашение, по которому персидский отряд оставлял крепость, получив выкуп в размере одной тысячи либр (примерно 327,5 кг) золота. Вступив после ухода персов на территорию города, византийцы были буквально взбешены: после недолгого подсчета выяснилось, что продуктов питания у осажденных оставалось, самое большее, на одну неделю, после чего Амида совершенно бескровно (да и бесплатно) оказалась бы вновь под властью императора.

Как бы там ни было, Амида была возвращена Византии. После этого активных боевых действий против Персии Анастасий, дабы не обострять и без того сложную ситуацию, не предпринимал. В свою очередь и персы, увязшие в войне против кочевников на Кавказе, не имели ни возможности, ни желания продолжать войну с империей. В итоге в 506 г. между Византией и Ираном был заключен мирный договор, восстанавливавший довоенное положение дел.

На достаточно длительный период между Византийской империей и сасанидским Ираном установились мирные отношения. О сближении двух стран в первой четверти VI в. говорит тот факт, что в 521 г. Кавад просил императора Юстина (518 - 527) стать приемным отцом для своего сына Хосрова. Это должно было гарантировать пос-

ледному личную безопасность и спокойное вступление на престол после смерти отца.

Но ожидания Кавада не оправдались, что стало первым симптомом ухудшения византийско-персидских отношений. Сначала Юстин с большой радостью воспринял обращение Кавада, однако советник императора Прокл, почувствовав в просьбе персидского царя скрытый подвох, убедил своего повелителя не совершать столь опрометчивого поступка, как усыновление царевича, поскольку, по его мнению, Кавад "с самого начала имеет целью этого Хосрова, кто бы он ни был, сделать наследником римского басилевса", ибо "по естественному праву имущество отцов принадлежит их детям" (*Proc. Bell. Pers.* I. 11. 17 - 18).

Еще одним признаком похолодания в отношениях между Византией и Персией стали их разногласия по поводу Лазики. Царь лазов по имени Цаф, до того времени сохранявший лояльность по отношению к Ирану, в 523 г. неожиданно обратился к императору Юстину с просьбой крестить его и объявить царем Лазики, т.е. фактически взять лазов под покровительство империи. Юстин не мог не воспользоваться столь удобным поводом для усиления своих позиций в Закавказье и выполнил все просьбы Цафа. Реакция Кавада была вполне предсказуема: в своем послании Юстину он резко обвинил императора во вмешательстве в персидские дела и переманивании на свою сторону исконных союзников Персии - лазов. И хотя Юстин отверг все претензии царя, аргументируя это тем, что Цаф совершенно добровольно обратился за поддержкой к Византии, тем не менее, лазский инцидент серьезно испортил отношения между двумя державами и показал непримиримость их позиций. Очередное обострение военно-политической обстановки на Ближнем Востоке либо в Закавказье было лишь вопросом времени. И оно не заставило себя долго ждать.

В 527 г. византийская армия под командованием полководцев Ситы и Велисария вторглась в Персоармению. Поход был удачен: значительная часть страны была разорена, в плен попало большое количество армян. Успех придавал византийцам уверенности, и в том же году на подвластные Персии армянские земли был совершен повторный набег. Однако на этот раз армянское войско во главе с нахарами Нарсесом и Аратием было готово к вторжению, и римляне

были вынуждены отступить. Параллельно с вторжением в Армению другая византийская армия вступила на территорию Верхней Месопотамии в районе Нисибиса, однако и эта акция не увенчалась успехом: из-за сильной жары войско было вынуждено повернуть назад.

Византийскому командованию становилось все более ясно, что армии для успешных действий на Востоке явно не хватает опорных пунктов вблизи границы с Ираном. Для решения этой проблемы только что вступивший на престол император Юстиниан (527 - 565) дал Велисария указание построить на границе с Персией новый укрепленный пункт, чтобы оттуда совершать нападения на вражескую территорию. Это решение Юстиниана ярко продемонстрировало стиль проводимой им внешней политики, сохранявшийся весь период правления этого императора и заключавшийся в решительном, целеустремленном и зачастую рискованном характере осуществляемых действий.

Начало возведения мощной крепости под названием Миндуй, с рвением организованного Велисарием, было вполне однозначно воспринято в Ктесифоне: это являлось прямым нарушением условий мирного договора 442 г., запрещавшего Византии и Ирану строительство новых укреплений вблизи общей границы. Реакция персидской стороны последовала незамедлительно: в 528 г. под Миндуй было направлено большое войско персов. Туда же двинулась и византийская армия. Под стенами строящегося города состоялось кровопролитное сражение, в котором императорская армия была наголову разбита и почти полностью уничтожена. Укрепления Миндуя были срыты победителями до основания.

Для восстановления нарушенного равновесия сил Юстиниан назначил стратигом Востока Велисария и поручил ему подготовить новое войско для нападения на Персию. Кроме этого, Византия заключила соглашение о совместных действиях против Персии с одним из гуннских племен - савирами (сабирами), во главе которых стояла царица Боарикс. Договор с савирами очень скоро оправдал себя: войска Боарикс нанесли сокрушительное поражение объединенным силам двум других гуннских вождей - Стиракса и Глониса, союзников Персии. При этом Глонис погиб, а Стиракс в оковах был доставлен в Константинополь. Справедливости ради следует, однако, отметить, что савиры были не очень верными союзниками Византии и впоследствии

неоднократно выступали в римско-персидских войнах то на одной, то на другой стороне.

К 530 г. армия Велисария была готова к открытию боевых действий, и вторжение началось. Решающие события произошли вблизи византийского города Дары - важного опорного пункта империи на Востоке. Персидскими войсками командовал полководец Пероз, представитель знатного рода Михран. Накануне битвы Пероз направил Велисарию письмо, в котором велел стратигу приготовить баню, поскольку на следующий день ему, Перозу, угодно будет в ней помыться (*Proc. Bell. Pers.* I. 11. 17 - 18). Однако намерению Пероза не суждено было сбыться: в произошедшем при Даре сражении персидское войско потерпело поражение. Факт тем более примечательный, что это было первое крупное поражение персов за довольно длительный период. Такого, как отмечал современник описываемых событий Прокопий Кесарийский, "уже давно не случалось" (*Proc. Bell. Pers.* I. 13. 17). Не случайно, что именно после этой битвы, сохранившей для Византии Дару как один из важнейших опорных пунктов на границе с Персией, резко возрастает авторитет и влияние Велисария как талантливого полководца, и он становится главным действующим лицом едва ли не во всех военных конфликтах, происходивших в период правления императора Юстиниана. Что же касается военно-политического равновесия на Востоке, то оно на какое-то время было восстановлено.

Весной 531 г. войско персов под командованием полководца Азарета при поддержке вождя арабского племени Лахмидов ал-Мундира ибн ан-Нумана вновь вторглось на византийскую территорию. Путь продвижения персидской армии на этот раз отличался от традиционного: она двигалась не через Месопотамию, как это обычно бывало, а через Евфратисию (ранее называвшуюся Коммагеной). Целью вторжения был захват Антиохии и всей Сирии. Для византийского военного командования это было полной неожиданностью, и Велисарий некоторое время находился в растерянности, не зная, как лучше поступить в создавшейся ситуации. Главная проблема заключалась в том, что на пути продвижения персидско-арабского войска практически отсутствовали какие-либо значительные византийские гарнизоны, и для отражения нападения стратигу было необходимо направить свои

основные силы наперерез Азарету, обнажив тем самым границу в Месопотамии. В этом заключался определенный риск, поскольку у Велисария не было уверенности в том, что акция Азарета не является отвлекающим маневром, имеющим своей целью ослабить внимание византийцев к границе по Евфрату. В конце концов, Велисарием все же было принято решение оставить в Месопотамии небольшую часть армии для охраны пограничных укреплений в случае неожиданного вторжения персов и отправить основные силы в Евфратисию наперерез вражескому войску.

Азарет и ал-Мундир были настигнуты Велисарием близ Халкиды. Персы, поняв, что фактор внезапности ими уже утрачен, решили, находясь вдали от своей территории перед лицом многочисленной византийской армии, не рисковать и начали отступление по правому берегу Евфрата. Войско Велисария шло вслед за противником, не вступая в сражение - полководец рассчитывал ограничиться вытеснением персов за пределы имперских владений. Однако в византийском войске мало помалу росло недовольство трусливой, как ему казалось, тактикой Велисария. Воины уже считали себя чуть ли не победителями и сетовали на то, что командующий по сути дела отбирает у них добычу и славу. Под давлением солдатской массы стратиг был вынужден отказаться от своих первоначальных планов и дать персам бой.

Сражение произошло на правом берегу Евфрата, напротив Каллиника. Исход битвы показал правильность выжидательного поведения Велисария: византийцам был нанесен серьезный урон, они были прижаты к реке, и лишь наступление темноты спасло византийскую армию от полного истребления. Под покровом ночи остатки войска Велисария на судах, присланных из Каллиника, переправились на левый берег Евфрата и укрылись в городе. Персы же, захватив большую добычу, спокойно вернулись домой.

После нанесенного его войскам поражения Юстиниан попытался заключить с Кавадом мирный договор, однако царь ответил императору отказом и подкрепил свой ответ отправкой в Месопотамию нового войска, осадившего город Мартирополь. Стоявшие неподалеку византийские части под руководством Ситы, назначенного командующим на Востоке вместо отозванного из-за недавнего поражения

под Каллиником Велисария, не решалось нанести удар по осаждающей Мартирополь персидской группировке.

Положение было крайне сложным: выполнявший функции командующего Сита явно не отличался решительностью и умением верно оценить создавшуюся обстановку; в то же время менять в столь острой ситуации командующего было тоже рискованно. Сменить Ситу в принципе мог Велисарий, но по указанным причинам в тот момент это было невозможно.

И здесь на помощь военной стратегии пришла дипломатия. Византийская разведка донесла, что гунны (по всей видимости, соплеменники Стиракса и Глониса) планируют вступить на территорию Персии и, пройдя через персидские владения, вторгнуться в византийскую Месопотамию для совместных с персами действий против империи; персы же, судя по всему (а как покажет дальнейшее развитие событий, так оно и было), о намерениях гуннов ничего не знали. В этой ситуации было решено под видом перебежчиков отправить в персидский лагерь под Мартирополь лазутчиков с целью дезинформировать персов, а именно - сообщить им о том, что гунны якобы собираются напасть на пограничные персидские территории и подвергнуть их разорению.

Кроме того, произошли важные события и в самой Персии, серьезно облегчившие положение византийцев: еще в сентябре 531 г. здесь скончался шаханшах Кавад, и на престол, согласно его завещанию, вступил его сын Хосров (531 - 579), первое время вынужденный бороться с противниками своего воцарения в лице ряда знатных персидских родов и их сторонников.

В итоге опасение мнимого вторжения гуннов и начало внутренних смут в Персидском государстве заставили персидскую армию снять осаду с Мартирополя и вернуться домой. Вторгшиеся же на территорию Византии гунны, не застав здесь персидского войска, вскоре были вынуждены оставить владения империи, не причинив им практически никакого урона.

Вновь возникла ситуация, когда обе стороны были готовы к переговорам о мире. Византия и раньше изъявляла подобное желание, но сталкивалась с непреклонной и воинственно-агрессивной позицией сасанидских царей. Теперь же обстановка для заключе-

ния мирного соглашения была более благоприятной: Хосрова заботили в первую очередь внутривосточные проблемы, и он был готов к мирной передышке.

После весьма длительных и зачастую, казалось, заходивших в тупик переговоров Юстиниан и Хосров все же пришли к согласию относительно мирного решения конфликта. По условиям достигнутого в 532 г. соглашения Византия и Иран должны были возвратить друг другу захваченные во время боевых действий территории и города. Кроме того, по настоянию Хосрова ставка византийского командования на Востоке должна была быть перенесена из Дары в какой-либо другой город. В результате византийцы вернули Персии город Фарангий, крепость Вол и заплатили 110 кентинариев золота за отказ Хосрова от требования срыть Дару и в качестве компенсации за охрану персами Каспийских Ворот. Персы же возвратили Византии укрепления, захваченные ими в Лазике.

Полученная передышка была эффективно использована Византией. В ближайшие годы византийские войска нанесли ряд поражений остготам в Италии и окончательно утвердили господство империи в Северной Африке, где было полностью захвачено королевство вандалов. Все это привело к значительному усилению международного авторитета и влияния Константинополя, увеличению людских и материальных ресурсов Византии.

Происходившие события не могли не беспокоить Персию. Как пишет Прокопий Кесарийский, "они [Хосров и персы. - В.Д.] сильно горевали и уже сожалели о том, заключили мир с римлянами, так как понимали, что силы римлян благодаря этому заметно возросли" (*Proc. Bell. Pers.* I. 26. 2). Внешним проявлением растущего раздражения и недовольства Хосрова стало посольство, направленное царем в Константинополь и передавшее Юстиниану послание, в котором содержалось поданное в шутильной форме требование Хосрова передать ему часть добычи, захваченной византийскими войсками в Африке, поскольку они никогда не смогли бы победить вандалов, если бы персы не заключили с Византией мирный договор. Юстиниан, несмотря на шутильный тон, в котором было выдержано письмо шаханшаха, на всякий случай выполнил требование последнего, отправив его послов обратно с богатыми дарами.

А недовольство Хосрова тем временем продолжало усиливаться. Единственным средством, способным помешать Византии и дальше расширять сферу своего влияния на Западе, могла стать только новая война на Востоке, и Хосров усиленно искал повод для ее начала. Таким поводом стал инспирированный самим царем конфликт между двумя сарацинскими племенами: Лахмидами во главе с ал-Мундиром ибн ан-Нуманом - старым союзником персов - и Гассанидами под предводительством Халида ибн-Джабалы (Проконский Кесарийский (Proc. *Bell. Pers.* I. 17. 47 - 48; II. 1. 3 - 7) называет его Арефой, сыном Габалы), находившегося в союзных отношениях с Византией. Камнем преткновения стала местность под названием "Страта", располагавшаяся южнее древней Пальмиры и не представлявшая из себя никакой ценности, кроме того, что она использовалась проживавшими в этом районе сарацинами Халида в качестве пастбища для их скота. Ал-Мундир заявил, что эта территория по праву должна принадлежать его племени, а Халид, если уж его соплеменники пользуются пастбищами Страты, должен выплатить ему, аль-Мундиру, дань.

Внешне этот конфликт никак не являлся нарушением заключенного в 532 г. мирного договора, поскольку в документе сарацины отдельно не фигурировали. Однако всем было件нятно, что фактически за действиями ал-Мундира стояло желание Хосрова развязать против Византии новую войну, т.к. империя не могла не вступить за своих союзников, а это уже означало бы фактический отказ от соблюдения мирного соглашения с Персией и начало военных действий.

Понимая несвоевременность и всю нежелательность нарушения на Востоке установившегося равновесия, император попытался решить инцидент мирным путем, однако переговоры с Лахмидами ни к чему не привели. Более того, Хосров обвинил Юстиниана в нарушении условий "вечного мира" 532 г., поскольку, якобы, во время переговоров он пытался привлечь ал-Мундира на свою сторону путем подкупа. Кроме того, шаханшах утверждал, что император пытался заключить соглашение с гуннами, в соответствии с которым те должны были совершать набеги на персидские владения.

Масла в огонь подлили и заинтересованные в обострении отношений между двумя державами остготы и армяне. Цель готов была

очевидна - в опасной для них ситуации, когда войска Византии захватили Южную Италию и продвигались на север, они остро нуждались в открытии на восточных границах империи нового театра военных действий. В этом случае туда неизбежно должны были быть переброшены византийские войска из Италии, что облегчило бы борьбу остготов с византийцами. Что касается армян, то у них тоже были основания подталкивать Персию к войне с Византией. В 530-е гг. усилились притеснения армян, проживавших на территории империи, со стороны византийской администрации, что вызывало недовольство местного населения. В 538 г. в Армении вспыхнуло антивизантийские восстание, против которого были направлены войска во главе с полководцем Ситой, которого вскоре, после гибели в одном из сражений, сменил Вуза. Противостоять императорской армии армяне были не в состоянии, и за помощью было решено обратиться к Персии.

Ситуация для развязывания персами войны с Византией была как нельзя более удобной. Внимание императора было сосредоточено на Западе, восточную границу защищали малочисленные пограничные части, разбросанные по находившимся здесь укреплениям. Кроме того, из войск, находившихся на Востоке, значительная часть увязла в Армении, подавляя происходившее там восстание. Повод у Хосрова уже имелся. После совета царя с приближенными было принято решение об открытии боевых действий.

Так началась новая эпоха в истории борьбы Запада и Востока за гегемонию в Передней Азии, и олицетворением всех зол, постигших Византию в ближайшие десятилетия, ее злым гением являлся один человек - Хосров Великий.

Контрольные вопросы и задания

1. Исходя из содержания параграфа, дайте свою трактовку определению периода во взаимоотношениях Рима и Ирана в 387 - 540 гг. как эпохи "весен и осеней". Откуда взято это название?
2. С чем было связано и в чем проявилось заметное "потепление" в отношениях Византийской империи и сасанидского Ирана в конце IV - первой четверти V вв.?
3. В чем проявилось влияние событий на северо-восточных (среднеазиатских) границах Сасанидского государства на византийско-персидские отношения в V в.?

4. В чем состояло значение народно-освободительного восстания в Армении 450 - 451 гг. для взаимоотношений Византии и Персии?

5. С какими событиями в истории взаимоотношений Византийской империи и сасанидского Ирана связано имя византийского полководца Велисария?

6. Какую роль играл "арабский" фактор во взаимоотношениях Византии и Ирана в I половине VI в.?

7. В чем проявлялось взаимовлияние западного и восточного направлений во внешней политике Византии в I половине VI в.?

§ 2. Хосров Великий и активизация персидской экспансии в Передней Азии (540 - 579 гг.)

Весной 540 г. войска Хосрова перешли границу империи. Целью вторжения были Сирия и Киликия. Оставив в тылу сильно укрепленный Киркесий и небольшую крепость Зенобию, названную так в честь основавшей ее в III в. царицы Зенобии - жены правителя Пальмиры Септимия Одената, - Хосров подошел к городу Суруну. Неизвестно, входило ли в планы царя взятие Суруна, но неподалеку от города конь Хосрова громко заржал и ударил о землю копытом. Находившиеся при царе маги истолковали это событие как доброе предзнаменование, говорившее о том, что Сурон обречен стать добычей персов. По совету магов была начата осада города.

Во время первого штурма успех сопутствовал защитникам Суруна, однако было ясно, что силы не равны, и на второй день осады суронцы отправили к Хосрову послов с предложением заплатить выкуп в обмен на снятие осады. Выслушав представителей горожан, царь решил пойти на хитрость: на словах он согласился с предложением жителей Суруна и вместе с их посольством отправил в город несколько воинов в качестве сопровождения. Последние же имели секретное задание: после открытия ворот они должны были положить между порогом и створом ворот какой-либо предмет, чтобы ворота нельзя было закрыть на засов, что и было сделано. Впустив возвращавшихся от Хосрова людей в город, стражники не могли, как ни пытались, закрыть ворота; отворить же их вновь, чтобы освободить их от помехи, они боялись из-за опасения, что в город беспрепят-

ственно ворвутся персы. В результате возникшей у ворот заминки персидское войско, стремительно подойдя к Суруну, ворвалось в город. Он был сожжен и разрушен, а жители перебиты либо обращены в рабство. Впрочем, пленные суронцы были вскоре освобождены Хосровом за выкуп в два кентинария, который согласился выплатить епископ соседнего с Суроном города Сергиополя Кандид. Поскольку необходимой суммы у священника на тот момент не было, он пообещал царю выплатить деньги в течение года, дав в этом расписку и поклявшись самыми страшными клятвами выполнить обещание. Чем закончилась эта история с выкупом за пленных суронцев, мы увидим чуть ниже.

Поскольку целью Хосрова был захват Сирии и ее столицы Антиохии, антиохийцы делали все возможное, чтобы подготовить город к будущей осаде. Однако времени для проведения всех необходимых работ было явно недостаточно. По этой причине было принято решение попытаться откупиться от Хосрова. Прибывшая к царю делегация антиохийцев во главе с епископом Мегасом пыталась убедить Хосрова взять деньги и, не осаждая город, возвратиться в Персию. В конце концов, царь согласился покинуть владения Византии при условии, что антиохийцы выплатят ему сумму в размере 10 кентинариев золота. Посольство Мегаса, вернувшись в Антиохию, изложило горожанам требования Хосрова. Несмотря на все аргументы, приводившиеся Мегасом в пользу принятия условий царя, горожане упорно отказывались от уплаты слишком большого, как им казалось, выкупа.

Параллельно с этим войско Хосрова осадило Гиераполь, однако, несмотря на все старания, не могло его взять. Не желая напрасно тратить время и силы, царь потребовал от гиерапольцев выкуп, пообещав в обмен на это прекратить осаду. Горожане приняли условия Хосрова и выплатили персам две тысячи либр серебра.

От Гиераполя войско Хосрова двинулось к Верое. Укрепления Верои были не такими мощными, как в Гиераполе, и, кроме того, они давно не ремонтировались. Зная это, Хосров, вновь стремясь избежать потерь, запросил у веройцев выкуп в размере четыре тысяч либр серебра, угрожая в противном случае начать штурм города. Сначала веройцы согласились с требованием царя, однако затем выяснилось, что они могут уплатить лишь половину необходимой сум-

мы; остальные деньги они обещали передать Хосрову чуть позже. Поскольку царь был непреклонен, жители города укрылись в цитадели и приготовились к осаде. Войдя в Верию, персы сожгли город и попытались штурмом овладеть его акрополем, но потерпели неудачу. Тем не менее, участь осажденных была бы плачевной (у них кончались запасы воды), если бы не усилия того же Мегаса, возвратившегося к этому времени из Антиохии. Епископ слезно умолял Хосрова отпустить веройцев, и, в конце концов, тот уступил его просьбам: всем укрывшимся в городской цитадели было дозволено покинуть ее и удалиться в безопасное место. Однако лишь немногие из воинов, защищавших Верию, согласились уйти вместе с ее жителями - основная часть верейского гарнизона перешла на сторону персов, ссылаясь при этом на длительную невыплату жалования.

В связи с тем, что жители Антиохии отказали Хосрову в выплате требуемой им суммы, следующей жертвой персов стала столица Сирии. После штурма, длившегося несколько дней, войскам Хосрова удалось овладеть городом. Располагавшиеся здесь боевые части успели почти в полном составе покинуть Антиохию, и оставшееся без всякой защиты мирное население оказалось всецело во власти победителей. Много жителей города погибло, но основная их часть была взята в плен. Сам же город был разграблен и выжжен дотла.

Овладение Антиохией было большим успехом Хосрова. Столица Сирии являлась, по сути, ключом ко всему византийскому Востоку, и теперь, после ее падения, персидская армия выходила на оперативный простор. Кроме того, в результате взятия города в руки персов попали находившиеся здесь колоссальные богатства, что нанесло огромный материальный урон экономике восточных областей империи. Не меньший ущерб хозяйству восточных областей империи причинил и угон в плен жителей Антиохии - в большинстве своем это были опытные ремесленники, обладавшие ценными трудовыми навыками; их переселение в Персию было сильным ударом по византийскому ремесленному производству, крупнейшим центром которого на Востоке как раз и являлась Антиохия.

В ходе следовавших после падения Антиохии переговоров Хосров все же согласился пойти на перемирие и покинуть византийскую территорию, но при условии, что ему будет выплачена сумма в

50 кентинариев золота, а затем он будет ежегодно получать по пять кентинариев в качестве компенсации за охрану персами Каспийских ворот, поскольку это было нужно не только Персии, но и Византии. Окончательный вариант мирного договора должен был быть согласован позже, на встрече послов обеих сторон.

От Антиохии Хосров со свитой направился к Селевкии - городу, расположенному на побережье Средиземного моря в 130 стадиях от столицы Сирии. Совершив здесь ряд религиозных обрядов, царь вновь вернулся под Антиохию. Войску был объявлен сбор, и вся персидская армия, покинув лагерь, двинулась на юг, к Апамее. Хосров обещал не трогать город, взяв с горожан тысячу либр серебра, однако, войдя в него в сопровождении двухсот отборных воинов, тут же нарушил обещание и потребовал отдать ему все сокровища, находящиеся в Апамее. Понимая, что сопротивляться всей армии персов они не смогут, апамейцы были вынуждены передать царю все имевшиеся у них золотые и серебряные запасы. Получив то, что хотел, Хосров повернул на восток и продолжил движение в направлении Персии. Оказавшуюся на его пути Халкиду ждала участь Апамеи: от халкидян царь потребовал уплатить выкуп и выдать ему всех находящихся в городе воинов. Отдав Хосрову собранные общими усилиями два кентинария золота и убедив его, что воинов в Халкиде нет (хотя на самом деле они были тщательно укрыты горожанами), жители города сумели избежать осады и неминуемого взятия города вражеской армией.

От Халкиды персидская армия двинулась к Евфрату, форсировала его и подошла к Эдессе. Первоначально Хосров собирался взять город штурмом, однако затем отказался от своего намерения и, взяв с Эдессы два кентинария золота, подступил к Даре.

Дара являлась одним из основных опорных пунктов империи на территории Месопотамии. Поэтому, в отличие от других городов, оказавшихся на пути Хосрова, здесь имелся многочисленный гарнизон под командованием талантливого военачальника Мартина, способный оказать противнику серьезное сопротивление. Кроме того, мощные крепостные укрепления Дары делали ее почти неприступной. В результате все попытки персов овладеть городом закончились неудачей, что заставило Хосрова вступить с Мартином в переговоры.

Получив от византийского полководца тысячу либр серебра, царь покинул Дару и ушел в Персию.

Известие об осаде Дары заставило Юстиниана отказаться от намерения продолжить с персами переговоры о мире, поскольку, попытавшись взять эту крепость, Хосров нарушил выдвинутое чуть раньше им же самим условие о прекращении Византией и Персией враждебных в отношении друг друга действий.

По возвращении в Персию Хосров приказал построить для пленных антиохийцев недалеко от Ктесифона новый город, названный Антиохией Хосрова (местные жители называли его "Румаган", т.е. "Римский город"). Он был спроектирован как точная копия Антиохии на Оронте, со всеми имевшимися в ней общественными зданиями и сооружениями, с полным соблюдением антиохийской планировки улиц, расположения жилых кварталов и т.д. Население Антиохии Хосрова имело привилегированный статус, во главе городской общины был поставлен христианин, а сам город находился в прямом подчинении царю.

Планируя свои боевые действия на следующий (541) год, византийцы постарались учесть просчеты и ошибки, допущенные ими в период кампании 540 г. Именно этим следует объяснить тот факт, что весной 541 г. византийские войска готовились первыми, не дожидаясь вторжения персов на территорию империи, перейти границу Персии. Судя по всему, на эту экспедицию Юстинианом возлагались большие надежды - командующим готовившейся к вторжению в Персию армии был назначен специально отозванный сюда из Италии Велисарий, сопровождаемый к тому же опытными офицерами, воевавшими вместе с ним против готов. Кроме того, много сил и средств было потрачено Велисарием на приведение вверенных ему войск в состояние полной боевой готовности, поскольку перед его появлением на Востоке находившиеся здесь части страдали от нехватки обмундирования и вооружения, а их боевой дух был крайне низок.

Одновременно с Велисарием готовился к продолжению боевых действий и Хосров. Для него главной задачей на предстоящую кампанию являлось овладение Лазикой, что было обусловлено целым рядом причин. Прежде всего, захват Лазики означал бы для Персии получение выхода в Черное море и потенциальную возможность прямого вторжения на Балканский полуостров. Кроме того, территория

Лазики являлась своего рода буферной зоной между кочевыми народами Северного Кавказа и Византией, и потому переход этих областей под власть Персии создавал для персов и кочевников предпосылки для организации совместных действий против империи. Наконец, завоевание восточного побережья Черного моря позволило бы персам контролировать важные в стратегическом отношении коммуникации и тем самым препятствовать переброске в Закавказье византийских войск, снаряжения, продовольствия и т.п.

Непосредственным же поводом для вторжения персидских войск именно в Лазику стала адресованная Хосрову просьба послов лазского царя Губаза помочь им избавиться от византийцев, чье хозяйничанье в стране лазов все сильнее раздражало местных жителей. Окончательно переполнило чашу терпения Губаза возведение Юстинианом в Лазике приморской крепости Петры, где расположился византийский гарнизон, контролировавший ситуацию в стране и являвшийся центром византийского владычества в Лазике.

Для введения противника в заблуждение Хосров и его ближайшее окружение держали информацию о планах персов в отношении Лазики в глубокой тайне. Официально же распространялись сведения о том, что царь планирует провести лето 541 г. в Иберии с целью организации обороны ее северных границ от вторжений гуннов. Византийские лазутчики, получив, таким образом, неверные данные, невольно дезинформировали Велисария, создав у него иллюзию неготовности персов к войне.

Выступив из Дары, армия Велисария двинулась в направлении Нисибиса. Подойдя к городу, византийцы расположились лагерем в 42 стадиях от него. Это было связано с опасением Велисария, что в случае сражения в непосредственной близости от Нисибиса персы (в случае своей неудачи) легко смогут укрыться внутри городских укреплений. Однако воины полководца Петра расположились всего в 10 стадиях от Нисибиса и, невзирая на предупреждения Велисария, "сняли с себя доспехи и, не обращая никакого внимания на неприятелей, начали бродить безо всякого порядка, поедая растущие там огурцы" (Proc. *Bell. Pers.* II. 18. 18). Заметив оплошность византийцев, командир нисибисского гарнизона Навед тут же предпринял вылазку и атаковал отряд Петра. Ромеи были рассеяны и обращены в бегство, а в

руки персов попало их боевое знамя. Спасла положение своевременная помощь Велисария, заметившего клубы пыли, вздымавшиеся над атакованным лагерем, и быстро направившего туда подмогу. Атака персов была, таким образом, отбита, и они были вынуждены укрыться за крепостными стенами. А захваченное знамя было выставлено на стене Нисибиса и в насмешку над византийцами "украшено" связками колбасы.

Простояв под Нисибисом еще некоторое время, Велисарий решил не начинать осады столь мощной крепости и двинулся к расположенному примерно в 20 км восточнее городу Сисавранону, который охранялся отрядом из 800 человек. Несмотря на свою малочисленность, гарнизон Сисавранона оказал византийцам упорное сопротивление. Первый штурм закончился тем, что воины Велисария были отброшены от стен города и понесли значительные потери. Поскольку захватить крепость сходу не удалось, на военном совете было принято решение взять город в осаду. Однако все закончилось быстрее, чем ожидали сами византийцы: от пленных персов стало известно, что в Сисавраноне очень мало продовольствия, и по этой причине продержаться долго гарнизон крепости не сможет. С целью избежать напрасного кровопролития Велисарий направил в Сисавранон парламентаров, сумевших убедить жителей и воинов города добровольно сдаться в обмен на сохранение им жизни и имущества в полной неприкосновенности. Крепостные укрепления Сисавранона были разрушены. Взятые в плен персы были отправлены в Константинополь, а позднее - в Италию, где они приняли участие в войне против остготов.

Пока Велисарий находился в Месопотамии, персидские войска подошли к Петре и начали ее осаду. Им удалось, несмотря на значительную мощь крепостных укреплений, сделать подкоп под одну из городских башен и разрушить ее. Тогда же был смертельно ранен руководитель обороны - один из местных торговцев по имени Иоанн, который успешно организовывал действия оборонявшихся, пресекая попытки Хосрова овладеть городом. Оказавшись в критическом положении (персы были готовы устремиться в пролом и ворваться в крепость, защитники которой пали духом после смерти Иоанна и не могли оказать серьезного сопротивления), находившиеся в Петре люди

вступили в переговоры с Хосровом и, получив у него гарантии личной и имущественной неприкосновенности, открыли ворота.

Тем временем приближалась осень. Овладев Сисавраноном, византийская армия поспешила вернуться на свою территорию. Так же поступил и Хосров: оставив в захваченной Петре гарнизон, он с остальной армией отправился на зиму домой.

Весной 542 г. Хосров во главе многочисленного войска вновь перешел границу империи и подступил к Сергиополю. Вероятно, главной целью Хосрова было получение от местного епископа Кандида денежного выкупа, который тот в 540 г. пообещал Хосрову за отпущенных на свободу пленных суронцев. Епископ, согласно данным им клятвам, должен был уплатить царю два кентинария золота в течение одного года; однако минуло уже около двух лет, а обещанных денег Хосров так и не получил, что и заставило его двинуть войска к Сергиополю.

Сначала царь попытался хитростью овладеть городом, направив в Сергиополь группу воинов якобы с целью произвести учет имеющихся там богатств, однако сарацин по имени Амвр (христианин по вероисповеданию), служивший в войске персов, тайно предупредил сергиопольцев о готовящейся ловушке. Узнав, что горожане отказались отворить ворота перед посланными им людьми, Хосров направил на штурм Сергиополя, гарнизон которого насчитывал всего около двухсот солдат, шесть тысяч воинов. Силы были явно неравны, и жители города, едва отбив первый штурм, были готовы сдаться на милость победителя, но тот же Амвр вновь пришел на помощь: он сообщил оборонявшимся, что в лагере персов заканчиваются запасы воды, и осада не продлится долго. Так и вышло: уже на следующий день персидский отряд оставил свой лагерь под Сергиополем и вернулся к Хосрову. Потерпев неудачу у стен города, Хосров, однако, не имел возможности довести начатое дело до конца - и без того было потрачено слишком много времени. Поэтому он вместе с войском продолжил рейд по византийским владениям и вступил на территорию Евфратисии, намереваясь отсюда вторгнуться в Палестину. Поскольку ситуация на восточной границе накалялась, Юстиниан был вынужден вновь отправить сюда Велисария.

Центром сбора византийских войск стал город Европ на Евфра-

те. Узнав о сосредоточении здесь крупных сил, Хосров направил к Велисария посольство, главной целью которого было разведать обстановку и, по возможности, выяснить планы византийцев.

Во время переговоров обе стороны пытались взвалить вину за продолжение боевых действий и неудачу при попытке заключить мирный договор друг на друга. Реального результата переговоры, конечно же, не принесли, однако персидский посол сообщил царю много ценной информации, которая сводилась в основном к тому, что войско Велисария прекрасно подготовлено и вступать с ним в сражение очень рискованно. Кроме того, до Хосрова стали доходить сведения о том, что в Палестине, куда он намеревался вторгнуться, началась эпидемия чумы. Таким образом, обстановка для продолжения боевых действий персам не благоприятствовала. Пообещав Велисария, что он и его войско мирно покинут пределы Византии, Хосров двинулся назад. Правда, о своем обещании шаханшах тут же забыл, оказавшись неподалеку от византийского города Каллиника, совершенно беззащитного по причине ремонта крепостных сооружений и отсутствия здесь какого-либо войска. Беспрепятственно проникнув в Каллиник, персы обратили в рабство всех жителей города (за исключением успевших скрыться представителей местной знати), полностью разрушили его крепостные укрепления и лишь после этого вернулись домой. Как только опасность на Востоке миновала, Велисарий тут же был вновь отозван в Италию для продолжения войны с остготами.

В 544 г. Хосров двинул свою армию против Эдессы, рассчитывая взять реванш за неудачную осаду этого города четыре года назад. Расположившись неподалеку от Эдессы, гарнизоном которой командовал Мартин, Хосров начал с того, что приказал находившимся в его войске гуннам подойти к городским стенам и захватить пасшиеся там стада овец. Казалось бы, задача была не трудной: кроме пастухов, никто не мог препятствовать гуннам в выполнении поручения царя. Однако на помощь отбивающимся от противника пастухам из Эдессы выступил отряд воинов и вооруженные горожане. Заметив это, Хосров направил на помощь своим союзникам дополнительные силы. В результате совершенно незначительный, на первый взгляд, инцидент перерос в настоящее сражение, начавшееся рано утром и

завершившееся лишь после полудня. Решительного успеха не добилась ни одна из сторон; и персы, и византийцы считали себя победителями в этом бою.

На следующий день горожане попытались вновь, как и четыре года назад, договориться с Хосровом о выкупе, однако это предприятие закончилась неудачей: царь потребовал у представителей города выдать ему все имеющиеся в Эдессе богатства, на что те ответили отказом. Разгневанный шаханшах отпустил послов и отдал приказ о начале осады.

Теперь персы сделали ставку на сооружение напротив городских укреплений искусственного холма, с которого можно было бы беспрепятственно обстреливать стены и сам город из осадных орудий. Защитники Эдессы пытались разными способами помешать реализации этого плана: под насыпь делался подкоп, против строивших ее солдат совершались вылазки, их обстреливали из луков и пращей, но все было безрезультатно. Неоднократные попытки горожан возобновить переговоры и прийти с Хосровом к соглашению о размере необходимого выкупа также не увенчались успехом.

В конце концов, византийцы сумели-таки расстроить планы персов: под строящуюся насыпь был сделан еще один подкоп, куда воины поместили стволы сухих деревьев, облили их кедровым маслом, серой и асфальтом, а затем подожгли. Таким образом, сделанное из толстых бревен основание холма начало постепенно выгорать. Чтобы скрыть от персов источник появившегося из-под земли дыма, византийцы начали метать в сторону насыпи сосуды с горящим углем и зажигательные стрелы. Тушившие огонь персы полагали, что дым порожден именно этими предметами, и до определенного времени не придавали значения клубам дыма, поднимавшимся над насыпью. Когда же, наконец, нападающим открылась истинная причина появления над возводимым сооружением дыма, было уже поздно: бревенчатый каркас прогорел, и насыпь стала совершенно бесполезной.

Потерпев неудачу в этом начинании, Хосров все же не собирался отказываться от своих планов: против Эдессы было предпринято еще несколько штурмов, которые, однако, не принесли персам желаемого результата. Становилось ясно, что до наступления осени город взят не будет. Это заставило царя пойти на переговоры с командую-

щим эдесским гарнизоном. По соглашению, заключенному между Мартином и персидскими военачальниками, Хосров, взяв с жителей Эдессы пять кентинариев золота, дал им взамен грамоту, гарантировавшую городу неприкосновенность. После этого персидское войско во главе с царем отправилось домой.

Между тем Юстиниан не оставлял надежд достичь мирного соглашения с персами. На всем протяжении войны 540-х гг. базилиевс, несмотря на непримиримость, а зачастую - и вероломность Хосрова, искал пути к прекращению военных действий, разорявших хозяйство восточных областей Византии и приносивших казне неисчислимые убытки. Достаточно вспомнить, что буквально в самом начале войны, когда Хосров еще осаждал Антиохию, императором уже предпринимались попытки перевести вооруженный конфликт в мирное русло.

Воюя на два фронта (и с готами, и с персами), империя не могла добиться прочных успехов ни в Италии, ни в Азии - этого не позволяли сделать ни материальные, ни людские ресурсы Византии. Кроме того, Юстиниану явно не хватало талантливых полководцев: бедный Велисарий был вынужден буквально разрываться между Апенниннами и Месопотамией, стараясь успеть и там, и здесь. Сменивший же Велисария на посту командующего имперскими войсками на Востоке Мартин явно уступал своему предшественнику, не имея, кроме всего прочего, и того авторитета в армии, которым пользовался Велисарий.

Продолжение войны было чревато для империи и внутренними потрясениями. Ярким индикатором обострения социально-политической обстановки в стране стало случившееся в 532 г. так называемое восстание Ника, во время которого судьба власти Юстиниана висела чуть ли не на волоске, и немалую роль в усилении недовольства жителями империи своим правителем сыграли не прекращавшиеся все его царствование войны, в том числе и на Востоке. Осознание опасности народного возмущения, стремление к сохранению своей власти и недопущению повторения произошедших в 532 г. событий, безусловно, подталкивали императора к скорейшему заключению мира с персами.

В свою очередь, и Хосров, вероятно, понимал, что дальнейшее продолжение войны с Византией в данный момент теряло смысл. Многие восточные города империи (Антиохия, Эдесса, Каллиник,

Дара, Халкида и др.) были либо разорены выплатой Хосрову огромных денежных сумм в качестве выкупа за отказ царя от осады, либо прямо захвачены и разграблены персидской армией. Поживиться здесь какой-либо богатой добычей в ближайшее время было просто негде, и война была бы для персов бесполезной тратой времени и сил. Кроме того, к середине 540-х гг. Хосров, судя по всему, окончательно определил приоритетные задачи своей внешней политики в западном направлении на ближайшую перспективу. Главной заботой Персии на западном направлении вновь становится выход к Черному морю, и первой успешной акцией, явно направленной на достижение этой цели, стало описанное выше взятие Петры - центра византийского влияния в Лазике.

В конце концов, после многочисленных уловок и демонстративных демаршей, сопровождавших отказы Хосрова I от рассмотрения мирных инициатив Юстиниана, в 545 г., во время приема очередного посольства от императора, правитель Персии согласился пойти на переговоры о мире. Однако предложение послов Константина и Сергия заключить между Византией и Ираном длительный и прочный мир не вызвали у царя положительной реакции. Заявив, что по-настоящему крепкий мир не может быть установлен без предварительного перемирия, во время которого стороны смогут спокойно обмениваться посольствами и обсуждать окончательные условия мирного соглашения, Хосров изъявил согласие заключить с Византией перемирие на пять лет при условии, что Юстиниан выплатит ему значительную сумму денег. О том, чтобы возвратить империи захваченные в Лазике территории (имелась в виду, прежде всего, Петра), о чем поначалу просили царя Константин и Сергий, не могло быть и речи.

Получив известие о том, что Хосров не прочь заключить (а по сути дела - купить) перемирие, Юстиниан тут же принял условия персидской стороны: ко двору шаханшаха было доставлено 20 кентинариев золота, а затем был подписан договор о прекращении на пятилетний срок боевых действий.

Основным препятствием к полному завоеванию персами Лазики являлся лазский царь Губаз, в лояльности которого персы имели все основания сомневаться: хотя в 541 г. он и просил Хосрова о помо-

щи в борьбе против усилившегося византийского влияния, однако было понятно, что при благоприятных обстоятельствах и в случае чрезмерной опеки со стороны персов царь лазов точно так же обратится за поддержкой к Византии. Решить эту проблему можно было только одним способом - устранить Губаза.

Вторая часть плана Хосрова состояла в том, чтобы переселить лазов за пределы их страны, разместив вместо них новое население из числа персов или иных, проживавших на территории Сасанидской державы, народов. Это, безусловно, была задача-максимум, однако, в случае успешного исхода операции по устранению Губаза, не исключено, что Хосров приступил бы и к ее решению.

В начале 549 г. шаханшах приступил к реализации своих намерений в отношении Лазики и ее правителя, царя Губаза. В Петру, находившуюся в данное время в руках персов, был направлен отряд из 300 отборных воинов во главе с Фабризом - персом, принадлежавшим к одному из самых знатных иранских родов - роду Зикхов. Именно Фабризу была поручена секретная миссия - во что бы то ни стало уничтожить Губаза, предупредив саму возможность вступления лазов в сношения с византийцами. Сделать это было решено следующим образом: вызвав Губаза в Петру под предлогом необходимости ознакомления его с планами Хосрова в отношении Лазики, схватить его, а затем - убить. Над царем лазов нависла смертельная опасность. Помощь пришла совершенно неожиданно и оттуда, откуда ее никто не мог ждать. Один знатный лаз по имени Фарсан, незадолго до того повздоривший с Губазом и, после появления в Петре Фабриза, являвшийся советником последнего, забыв старые обиды, тайно предупредил царя о готовящемся против него вероломном заговоре. В результате план Фабриза рухнул как карточный домик: Губаз, предупрежденный Фарсаном о коварном замысле персов, в Петру, само собой разумеется, не явился. Более того, осознав, в какую беду он чуть было не вверг (или почти уже вверг) свою страну, призвав в нее персов, Губаз окончательно порывает с Персией и открыто обращается за помощью к Юстиниану, прося у него прощения за прошлые прегрешения и помощи в борьбе против персов. Фабриз же, не добившись поставленной цели, вместе со своим отрядом был вынужден оставить Лазикю и вернуться в Персию.

Обращение Губаза к Юстиниану с просьбой об оказании помощи дало императору удобный повод для восстановления сильно пошатнувшегося византийского влияния в Лазике. В первую очередь, Юстиниан рассчитывал вернуть Петру и таким образом вновь установить контроль над царством лазов. Кроме того, скорейшее восстановление византийского контроля над морским побережьем Лазики было необходимо еще и потому, что персидский царь уже предпринимал попытки доставить в Петру крупные партии корабельного леса для строительства флота, предназначавшегося для совершения нападений на причерноморские владения Византии (а возможно - и для осуществления десантов на балканском побережье). Лишь чистая случайность (пожар, возникший в результате удара молнии и уничтоживший находившиеся в Петре запасы древесины) помешала персам приступить к строительству своего военного флота на Черном море. Медлить дальше было опасно.

Ответом императора на просьбу Губаза стала отправка в Лазику восьмитысячного (семь тысяч византийцев и одна тысяча цанов) войска во главе с командующим восточной армией империи Дагисфеем, который был молодым военачальником и лишь недавно получил свое новое назначение, сменив вновь отбывшего в Италию Валериана.

После того, как войско Дагисфея вступило на территорию Лазики, к нему присоединились отряды лазов, которыми командовал сам Губаз. Объединенная византийско-лазская армия подошла к Петре и осадила ее, поставив тем самым под удар все успехи, достигнутые персами в Лазике в предшествующие годы. Понимая, что положение Петры и ее гарнизона становилось критическим, Хосров направил в Лазик Мермероя - пожалуй, самого талантливого на тот период персидского полководца, - предоставив под его командование тридцатитысячную армию.

Появление Мермероя резко меняло расстановку сил в Лазике и усложняло положение осаждавшего Петру византийско-лазского войска. В новой ситуации Дагисфеем и Губазом был принят и новый план: оставить часть войск под Петрой и продолжить ее осаду, а другую часть перебросить восточнее, на охрану горных проходов, через которые проходила дорога, ведущая из Иберии, откуда должен был появиться Мермерой, в Петру. Сам Губаз, поскольку персы шли по

левому берегу Фасиса, должен был охранять правый (северный) берег реки, отделявшей северную, густо населенную и более развитую часть Лазики от южной, население которой было редким, а хозяйство - весьма отсталым.

Разработанный Дагисфеем и Губазом план был, на первый взгляд, достаточно хорош. Действительно, хотя у персов и был явный численный перевес, в горных теснинах он не имел такого значения, как в бою на открытом пространстве, и византийцы, невзирая на свою малочисленность, были способны оказать Мермерою достаточно эффективное сопротивление, не прерывая при этом осаду Петры, успешный исход которой сделал бы дальнейшее пребывание персидской армии в Лазике совершенно бессмысленным. Охрана же Губазом более развитого в экономическом отношении правобережья Фасиса не давала Мермерою возможности, с одной стороны, разорять хозяйство Лазики, а с другой - обеспечивать свое войско всем необходимым, поскольку путь персов лежал в безлюдных и пустынных районах, тянувшихся вдоль южного берега реки.

Однако реализовывалась эта, в общем-то, вполне продуманная программа действий из рук вон плохо, в чем была "заслуга" исключительно Дагисфея. Вместо того чтобы поставить на пути персов прочный заслон (ибо именно от него зависела судьба не только осады Петры, но также всей кампании 549 г. и, более того, византийского присутствия в Лазике), византийский военачальник направил на охрану ведущих к Петре горных проходов всего сотню (!) воинов. Несмотря на все свои усилия, эта горстка храбрецов не могла сдержать напор тридцатитысячной армии Мермероя. Уничтожив около тысячи персов, византийский отряд был, в конце концов, буквально сметен напором противника; оставшиеся в живых воины укрылись на близлежащих горных склонах, наблюдая, как солдаты Мермероя проходят мимо них в направлении Петры.

Тем временем Дагисфей со всем своим войском осаждал Петру, действуя при этом крайне неумело и нерешительно. Первый подкоп, сделанный византийскими солдатами под крепостную стену, разрушил ее часть, но оказалось, что сразу за ней находится пристроенное вплотную к стене каменное здание, и потому ворваться в город через образовавшийся пролом не удалось. Если учесть, что Петра

долгое время находилась в руках византийцев, и они должны были бы знать точный план крепости, то подобная оплошность выглядит весьма странно. Тем не менее, по чьей-то (в конечном же счете - самого Дагисфея, не спланировавшего осаду со всей необходимой тщательностью) халатности усилия осаждавших Петру воинов не увенчались успехом.

Вскоре, в результате сооружения второго подкопа, подведенного уже под другой участок стены, образовался еще один пролом, через который отряд воинов в количестве 50 человек во главе с армянином Иоанном проник-таки в город. Вошедшие в город солдаты с громким боевым кличем ринулись в бой в надежде на то, что остальные византийцы последуют за ними, и Петра будет взята. Однако, не имея соответствующего приказа, люди Дагисфея остались на своих местах, и воины Иоанна, многие из которых уже получили ранения, были вынуждены отступить.

Чтобы выиграть время и дожидаться подхода армии Мермероя, командир персидского гарнизона, происходивший из знатного иранского рода Михран, вступил с Дагисфеем в переговоры, обещая в скором времени (после согласования ряда частных деталей) сдать Петру без боя. После этого осада вообще была прекращена.

Пока шла безуспешная осада Петры, войско Мермероя успешно преодолело свой путь и находилось на подступах к городу. Узнав об этом, Дагисфей тут же снимает осаду и отступает на север, стремясь, по всей видимости, укрыться на правом берегу Фасиса; в арьергарде византийского войска шел отряд цанов. Увидев, что византийцы уходят от Петры, персы попытались совершить вылазку с целью грабежа брошенного со всем имуществом лагеря, однако цаны заметили это. Они заставили противника отступить и, видимо, будучи сильно обозленными на Дагисфея и всех византийцев вместе взятых из-за неудачной осады, лишившей их богатой добычи, разграбили и сожгли византийский лагерь. Забрав с собой все, что можно было унести или увезти, отряд цанов ушел домой.

Так непростительное бездействие Дагисфея спасло Петру от взятия византийцами. Ярким подтверждением полководческой бездарности этого военачальника служит и тот факт, что, войдя в Петру, Мермерой обнаружил здесь всего 500 оставшихся в живых воинов,

причем около 350 из них имели различные ранения, в том числе - и тяжелые; иначе говоря, менее пяти сотен персов сумели выдержать осаду восьмитысячного византийского войска. Мермерой имел все основания сказать, что "государство ромеев достойно слез и стенааний, ибо они дошли до такого бессилия, что никак не могли одолеть полторы сотни персов, даже не защищенных стенами" (Proc. *Bell. Pers.* II. 30. 17).

Персы отремонтировали поврежденные при штурме укрепления Петры и оставили в ней новый трехтысячный гарнизон. После этого персидская армия двинулась обратно, но во время прохождения по горным районам Лазики она постоянно подвергалась внезапным нападениям со стороны ромеев и лазов. Кроме того, многочисленному войску Мермероя крайне не хватало продовольствия, и о том, чтобы снабдить продовольствием еще и гарнизон Петры, в сложившейся ситуации не могло идти и речи. По этим причинам Мермерой решил покинуть пределы Лазики, оставив здесь только пятитысячное войско во главе с Фабризом.

Воины Фабриза расположились лагерем на южном берегу Фасиса и занялись грабежом близлежащих лазских селений с целью пополнения продовольственных запасов Петры, однако место для лагеря было выбрано Фабризом крайне неудачно: как раз здесь было одно из немногих мест на Фасисе, где его можно было легко перейти вброд, о чем персы совершенно не подозревали. Этой оплошностью и воспользовались их противники: внезапно перейдя Фасис, лазы одновременно с ромеями ударили по персидскому лагерю. Ничего не подозревавшие воины Фабриза спали, когда ранним утром на них обрушились войска Дагисфея и Губаза общей численностью 14 тысяч человек. Персидское войско было почти полностью уничтожено. В руки победителей попал весь обоз, боевые знамена, большое количество оружия, денег, лошадей, мулов. В результате успешно проведенной операции персы были изгнаны из Лазики. Гарнизон Петры оказался отрезанным от остальных персидских войск и был лишен возможности пополнять запасы продовольствия и необходимого военного снаряжения. В скором времени Петра вновь оказалась под властью империи.

550 - 553 гг. не были отмечены какими-либо серьезными событиями во взаимоотношениях Византии и Персии. В это время обе

стороны готовились к продолжению борьбы за Лазику. Инициатива в возобновлении боевых действий принадлежала персам, поскольку Юстиниан был занят обороной границы на Дунае и отнюдь не горел желанием ввязываться в конфликт на Востоке. В 554 г. в Лазику вновь вступила персидская армия во главе с Мермероем. Против него действовало византийское войско под командованием Мартина и его полководцев - Бессы, Бузы и Юстина. Опорным пунктом византийцев являлся город Телефис, где находился гарнизон под руководством Мартина. Все горные проходы, ведущие к Телефису, были взяты под усиленную охрану; опасные участки, на которых наладить охрану было трудно или невозможно, были заблокированы завалами, засеками и т.п. Таким образом, Телефис был превращен в неприступную крепость с развитой системой оборонительных сооружений. Взять город обычным путем было невозможно. И тогда Мермерой пошел на хитрость: публично было объявлено, что персидский полководец тяжело болен, а чуть позже появились все усиливающиеся слухи о его смерти, причем умершим Мермероя считали многие даже из приближенных к нему людей. Находившиеся в персидском лагере византийские шпионы, естественно, сообщили эти сведения командирам телефисского гарнизона. Эффект был именно тот, на который и рассчитывал Мермерой: византийские воины, узнав о "смерти" Мермероя и считая, что персы, оказавшись без полководца, не отважатся на какие-либо активные действия против Телефиса, стали терять бдительность, все меньше и меньше обращая внимание на противника, деморализованного, как им казалось, смертью своего командира.

Внезапно Мермерой, скрывавшийся в почти никому неизвестном месте, "ожил". Воодушевленные его появлением персидские войска стремительным марш-броском преодолели оставленные византийцами без присмотра укрепления на подступах к Телефису и осадили сам город.

Теперь ситуация резко изменилась, и в безвыходном положении оказался византийский гарнизон в Телефисе. Сопротивляться войску Мермероя сколько-нибудь долгий срок город не мог, в связи с чем Мартином было принято решение оставить Телефис и отступить к Олларии (Хитрополии), где стояли войска Бессы и Юстина. Но стремительность и неожиданность действий Мермероя нарушила все пла-

ны византийских военачальников. Арьергард, прикрывавший отход армии Мартина из Телефиса к Олларии, не смог сдержать натиск персов и ворвался в византийский лагерь под Олларией вместе с преследующими их персидскими всадниками. Началась паника, которой поддались не только отступавшие из Телефиса, но также воины Бессы и Юстина. Очень быстро отступление переросло во всеобщее бегство. Бежавшие от Мермероя византийские части остановились лишь у Острова - города, построенного на искусственном острове в междуречье рек Фасиса и Докона в 150 стадиях от Телефиса. Как с нескрываемым сарказмом пишет об этом Агафий, "такой дневной переход совершили эти благородные воины в своем поспешном бегстве" (Agath. II. 21).

Достигнув значительного оперативного успеха, Мермерой решил не осаждать Остров: слишком мощными были укрепления города, да и содержание достаточно многочисленного войска под его стенами длительное время (а осада Острова явно заняла бы не одну неделю) явилось бы трудно выполнимой задачей - персы не были готовы к столь быстрому продвижению и, оказавшись в глубине вражеской территории, слишком растянули свои коммуникации. Однако, для сохранения контроля над прилегающим к Острову районом в крепости Оногурис (севернее Острова, неподалеку от Археополя) Мермерой был размещен большой гарнизон; остальное войско отошло на контролируемую персами территорию в Иберии. Сам Мермерой со своей свитой и частью армии прибыл в Котаисий, где, к радости византийцев и великой скорби соотечественников, вскоре скончался.

Современник описываемых событий, византийский историк Агафий из Миринеи высоко оценивал Мермероя как военного деятеля:

"Это был человек величайшего ума, сделавшийся виднейшим среди персов, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромя на обе ноги, он не мог ездить верхом, но лишения переносил, как сильнейший юноша, и не отказывался ни от каких подвигов, появлялся часто в строю, носимый на носилках, и этим внушал страх врагам и поднимал дух своих. Распоряжаясь всем должным образом, он одержал много побед" (Agath. II. 22).

Вместо умершего Мермероя в Лазикку для командования тамошними войсками был послан полководец Нахогаран.

А тем временем византийское войско, основной лагерь которого был разбит неподалеку от Археополя, готовилось к осаде Оногуриса. Взятие этой крепости было крайне важным для империи, поскольку Оногурис после успешного рейда Мермероя являл собой удобный плацдарм для дальнейшего расширения персидской сферы влияния в Западном Закавказье. Сведения о появлении в Иберии Нахогарана ускорили приготовления византийцев. Осада Оногуриса началась.

На помощь осажденным из Котаисия двинулся конный отряд, насчитывавший три тысячи всадников, во главе с самим Нахогараном. Об этом быстро стало известно византийской разведке, и для предупреждения появления под Оногурисом персов против них был выслан отряд под командованием варваров Дабрагеца и Усигарда.

Несмотря на свою малочисленность (всего 600 всадников), воины Дабрагеца и Усигарда внезапным ударом сумели обратить отряд Нахогарана в бегство, и штурм Оногуриса едва не увенчался успехом: воодушевленные этим известием византийцы в ряде мест уже взойшли на стены и начали проникать внутрь города. Однако вскоре ситуация резко изменилась: солдаты Нахогарана пришли в себя, сориентировались в обстановке и, поняв, что неожиданно ударивший по ним отряд насчитывает всего несколько сот всадников, перешли в контратаку и заставили Дабрагеца и Усигарда отступать, преследуя их по пятам. Вскоре оба отряда - и преследуемые воины Дабрагеца - Усигарда, и преследующие их всадники Нахогарана - практически одновременно ворвались в лагерь осаждающих Оногурис византийцев. Находившиеся здесь войска вместе со своими военачальниками в панике бросились бежать; ни о какой осаде никто из них уже не помышлял. В довершение всех бед на помощь атакующим византийцев всадникам выступил отряд из Оногуриса и ударил по отступающим, усугубив их и без того сложное положение. Бегство византийцев было настолько беспорядочным и поспешным, что они пронеслись через свой прежний лагерь под Археополем, бросив весь находившийся здесь обоз. Победа персов была полной. Еще более блестящей делал ее тот факт, что в потерпевшей поражение византийской армии насчитывалось не менее 50 тысяч воинов, т.е. в 16 (!) раз больше, чем в отряде Нахогарана.

Тем временем приближалась зима, а потому противоборствующие стороны были вынуждены оставить театр военных действий и рассредоточиться по своим крепостям до следующей летней кампании.

В начале весны 555 г. Нахогаран вновь начал активную подготовку к продолжению боевых действий в Лазики. Персидское войско стягивалось в Мухирисис, куда прибыл и сам Нахогаран. На сей раз его силы насчитывали 60 тысяч человек. Византийцы под командованием Мартина сконцентрировали свои части в районе Острова.

Первое столкновение произошло между двухтысячной дружиной гуннов-савиров, находившейся на византийской службе, и персидским отрядом дейлемитов, состоявшим из трех тысяч воинов. Дейлемиты были направлены Нахогараном для уничтожения находившихся в засаде савиров. Однако внезапно атаковать противника им не удалось: проводник из местных лазов завел отряд дейлемитов в непроходимую лесную чащу и под покровом ночи скрылся, чтобы предупредить ничего не подозревавших гуннов о грозящей им опасности. Когда дейлемиты, наконец, сумели все же выбраться из лесных дебрей и приблизились к лагерю савиров, то были неожиданно атакованы. Спасти смогло лишь около тысячи воинов, которые беспорядочно бежали в свой лагерь.

Тем временем персидская армия подошла к Острову. Здесь полководцы враждующих сторон - Нахогаран и Мартин - вступили в переговоры. Перс потребовал у Мартина очистить Колхиду от византийских войск и вывести их в район Трапезунда, т.е. за пределы Лазики. Мартин же в ответ на это требование заявил, что более целесообразным был бы уход персов в Иберию и дальнейшее решение конфликта путем переговоров. Командующие были непреклонны, и ни о каких взаимных уступках в такой ситуации не могло быть и речи. Переговоры закончились ничем, и обе армии стали готовиться к сражению.

Теперь целью персов стал город Фасис (совр. ПотI), стоявший в устье одноименной реки (совр. р. Риони) при ее впадении в Черное море. Нахогаран рассчитывал на быструю и легкую победу, поскольку деревянные стены Фасиса были уже довольно ветхими, да и в количественном отношении персидская армия превосходила византийскую. Узнав о планах персидского командования, Мартин отошел в Фасис и приготовился к обороне города. Вскоре к Фасису прибыла и армия Нахогарана.

Положение обороняющихся было очень сложным. Уже в первый день осады многие защитники Фасиса были ранены, а предпринятая ими под руководством Феодора (командира отряда тяжеловооруженных цанов) вылазка едва не закончилась гибелью совершавшего ее отряда. Персы же успешно пресекали все попытки защитников Фасиса оказать какое-либо активное сопротивление и готовились к решающему штурму, засыпая камнями и бревнами окружающий город ров, готовя осадные машины и другие необходимые приспособления.

Для укрепления боевого духа своих воинов Мартин прибег к хитрости. Он собрал все войско на городской площади и вслух прочел якобы только что полученное послание Юстиниана. Для пущей убедительности письмо Мартину "от императора" у всех на виду передал из рук в руки никому не известный человек, выглядевший очень усталым и покрытый толстым слоем пыли, который всеми присутствующими был, естественно, принят за гонца. В письме говорилось о том, что на помощь осажденным спешит большое войско, равное по численности гарнизону Фасиса. По словам псевдо-гонца, оно находилось на расстоянии четырех парсангов (или 120 стадий), т.е. одного дневного перехода.

Перспектива разделить возможную победу над персами и, следовательно, богатую добычу с подошедшим в последний момент войском не обрадовала воинов Мартина. Уловка полководца удалась: византийцы, воспрянув духом, загорелись желанием расстроить планы персов и нанести им поражение до подхода направленной, как они считали, на помощь Фасису армии.

Последствия хитрости Мартина оказались еще более далеко идущими, чем предполагал он сам. Известие о якобы находящемся поблизости крупном византийском войске благодаря шпионам проникло и в лагерь персов. Для предупреждения возможной атаки Нахогаран направил против мифической армии значительный по численности отряд.

"Заняв наиболее выгодные места и устроив засады, они ожидали тех, которые вовсе не должны были прийти... Таким образом, понапрасну трудился немалый отряд персов, оторванный от остального войска" (Agath. III. 24).

Кроме того, один из византийских военачальников - Юстин - с пятью тысячами всадников в полном вооружении незаметно для персов (в чем, скорее, была не заслуга Юстина, а вина персидской разведки) покинул Фасис и отправился в находившийся неподалеку от города храм для богослужения. Таким образом, отряд Юстина стал своего рода скрытым от персов резервом, способным появиться в тылу осаждающих Фасис войск в самый неожиданный момент.

Тем временем персы приступили к штурму. Воины Мартина и жители Фасиса проявляли чудеса храбрости, успешно обороняя город от персов. И тут в самый разгар боя к городу приблизился возвращавшийся с молебна отряд Юстина. Быстро разобравшись в обстановке, Юстин выстроил воинов в боевой порядок и с тыла обрушился на осаждавших город персов. Удар был мощным и неожиданным. В пылу боя, не имея никаких сведений об атаковавшем их отряде, персы подумали, что на них напало именно то большое войско, которое было послано Юстинианом на помощь гарнизону Фасиса. Начался отход персидских частей от города. Постепенно отступающие приблизились к своему главному лагерю, где разыгралось сражение между выступившей из Фасиса византийской армией и войском Нахогарана. Левый фланг персов дрогнул под натиском византийцев и уже готов был начать отступление, открыв противнику путь в тыл всему персидскому войску. Но находившиеся на правом фланге отряды боевых слонов наносили византийцам большой урон, и те начали медленно отходить.

Это был критический момент сражения. Для обеих сторон все могла решить простая случайность. И ею стал поступок византийского воина Огнариса - оруженосца Мартина. Находясь в окружении персидских всадников и атакуемый одним из слонов, Огнарис в отчаянии метнул в животное дротик. Удар пришелся слону в бровь, нанеся при этом глубокую и болезненную рану. Обезумевший от боли зверь стал носиться по рядам персов, приведя в смятение весь их правый фланг. Испуганные лошади не слушались своих седоков и яростно металась, усиливая начавшийся после удачного броска Огнариса беспорядок, который буквально на глазах перерос в настоящий хаос. Вслед за правым флангом паника охватила остальную часть персидского войска: постепенно оно начало пятиться назад, а затем отступление

перешло в бегство. Римская кавалерия преследовала и безжалостно уничтожала бегущих персов, утративших всякую способность обороняться, усталых и растерянных. Потери армии Нахогарана были очень велики: на поле боя осталось лежать не менее 10 тысяч павших персидских воинов. Византийцы же потеряли убитыми всего лишь немногим более 200 человек (Agath. III. 27 - 28).

После поражения Нахогаран отступил к Котаисию и Мухириси-су, оставив в тылу заслон из тяжеловооруженной дейлемитской пехоты во избежание преследования со стороны византийских войск, находившихся в Фасисе. Назначив командующим персидскими частями, расположенными в Лазике, знатного перса по имени Вафриз, сам Нахогаран со свитой вернулся на зимний период в Иберию.

Кампания 555 г. не принесла персам желаемых результатов; в то же время византийцы сумели отразить их вторжение и не допустить захвата персами Лазики и (в случае взятия Фасиса) выхода в Черное море. В стратегическом отношении успех оказался на стороне Византии.

Весной 556 г. четырехтысячное византийское войско под командованием армянина Боразы и лаза Фарсанта отправилось в поход против мисимиян - народа, проживавшего в северной части Лазики, на границе с аланами. Причина этой акции заключалась в том, что незадолго до того мисимияне заключили союз с персами и уничтожили византийское посольство, направленное к ним для решения вопроса о передаче одного из пограничных укреплений мисимиян аланам. Предполагалось, что чуть позже направленное против мисимиян войско возглавит Мартин.

По пути к назначенной цели византийцы встретили направленный (в соответствии с одним из условий недавно заключенного договора) на помощь мисимиянам отряд персов, включавший в себя и подразделения самих мисимиян. Бораз и Фарсант решили не рисковать и рассредоточили свои боевые части в ряде крепостей на границе владений мисимиян. Обе стороны заняли выжидательную позицию и делали ставку на успешные ответные действия в случае ошибки противника.

Первыми свой шанс получили византийцы. Их разведка сообщила о том, что находящийся на службе у персов отряд гуннов-сави-

ров в количестве примерно 500 человек занял позицию вдали от основного войска, не соблюдая при этом каких-либо мер предосторожности. Этим и решили воспользоваться византийские командиры Максенций и Феодор. Возглавляемый ими отряд из 300 всадников незаметно приблизился к окруженному невысокой (примерно в рост человека) стеной вражескому лагерю и начал метать в противника копья, стрелы, камни и другие снаряды. Застигнутые врасплох савиры не смогли оказать никакого сопротивления. В результате их отряд был почти полностью уничтожен; спастись удалось лишь нескольким десяткам человек, сумевшим перелезть через стены и скрыться в находящихся неподалеку лесных зарослях. Направленный на помощь союзникам двухтысячный конный отряд персов опоздал - византийцы уже вернулись в свой лагерь.

Отличились и воины полководца Юстина, стоявшего со своей армией под Островом. Юстин направил две тысячи всадников во главе с гунном Эльминзуром к Родополю, захваченному еще Мермероем. Подойдя к городу, Эльминзур обнаружил, что персы находятся вне городских стен и совершенно не готовы к обороне, занимаясь хозяйственными и другими делами в окрестностях Родополя. Воины Эльминзура беспрепятственно вошли в город, а затем занялись поиском и уничтожением рассредоточившихся вокруг Родополя персов. В результате сам город был возвращен империи, а находившийся в нем персидский гарнизон почти полностью уничтожен.

С наступлением осени персы оставили занятые ими пункты и отошли на зимнее время в Котайсий и Иберию. Таким образом, военные события 556 г. ограничивались незначительными столкновениями локального значения, исход которых был в пользу Византии.

Тем временем произошли важные изменения в командовании обеих армий: Мартин был смещен Юстинианом со своего поста за причастность к убийству царя лазов Губаза, поддерживавшего византийцев в их борьбе с персами, и на его место был назначен Юстин. У персов же Нахогаран за неудачу при попытке овладеть Фасисом и последовавшее затем позорное отступление был предан смерти - по приказу Хосрова с него живьем сняли кожу.

Обе державы были сильно истощены длившейся уже несколько десятилетий войной, в которой решительного успеха, несмотря на все

усилия, не добилась ни одна из сторон. Хотя персы сумели захватить целый ряд территорий в Закавказье и Передней Азии, это далось им дорогой ценой. Кроме того, Хосрову не удалось достичь своей главной цели - овладеть всей Лазикой, т.е. восточным побережьем Черного моря, что ставило под сомнение дальнейшие успехи Персии в закавказском регионе. Как справедливо отмечал Агафий, византийцы, "владея морем, легко посылают туда [т.е. в Закавказье. - В.Д.] все, в чем нуждаются, он же [Хосров. - В.Д.] вынужден с величайшим трудом длинными и пустынными путями посылать в свои лагерь даже небольшое количество продовольствия при помощи носильщиков и вьючных животных" (Agath. IV. 31).

Инициатором переговоров стал сам Хосров. В 557 г. он направил в Константинополь посольство во главе со знатным персом по имени Зих. Во время встречи Зиха с Юстинианом была достигнута договоренность об установлении перемирия. Обе стороны сохраняли за собой в Лазике все то, "что получили по праву войны, будь то города или укрепления" (Agath. IV. 31). Византия и Персия были также обязаны соблюдать мир и воздерживаться от враждебных действий в отношении друг друга до тех пор, пока между державами не будет заключен окончательный, "более прочный и совершенный" (Agath. IV. 31) мир. Мирный договор сроком на семь лет, подведший итоги войне 540 - 557 гг., был подписан в 563 г. Он сохранял основные условия соглашения 557 г. и, таким образом, закреплял положение, сложившееся к тому времени в Лазике и Передней Азии. Кроме того, Персия брала на себя обязательство охранять горные проходы на Кавказе от нападений северных кочевников, за что Юстиниан согласился выплачивать Сасанидам ежегодно 500 фунтов золота и при подписании договора передал представителям Хосрова сумму в 3,5 тыс. фунтов золота за семь лет вперед.

Установившийся мир в отношениях между двумя державами был использован ими традиционным способом: укреплением своих позиций и плетением интриг с целью ослабить положение противника перед лицом неизбежных грядущих столкновений. В середине 560-х - начале 570-х гг. Хосров смог закрепить на Кавказе, возведя в Дербенте новые мощные укрепления для защиты своей территории от вторжений кочевников с севера, захватить Йемен на Аравийском по-

луострове с целью установления контроля над морской торговлей с Индией, разгромить эфталитов и расширить среднеазиатские владения Персии до Амударьи, за которой начинались земли тюрков, создавших здесь мощную державу.

Византия также проводила определенную (правда, не столь успешную) подготовку к будущей войне, в скором начале которой никто не сомневался. Вступивший в 565 г. на престол племянник и преемник Юстиниана император Юстин II (565 - 578) пытался вступить в союз с тюрками и использовать их орды против Персии, однако из затеи Юстина ничего не вышло: к концу 560-х гг. Тюркский каганат ослабел и уже не мог оправдать ожиданий Византии. Кроме того, вскоре после смерти Юстиниана были утрачены почти все владения империи на Апеннинском полуострове: большую их часть захватили лангобарды, и под контролем Константинополя осталась лишь южная часть Италии, что было симптомом начинающегося развала созданной Юстинианом державы. Большого успеха византийская дипломатия добилась на южном направлении: здесь был заключен союзный договор с царем южно-аравийского племени химьяритов Арефой, по которому химьяриты обязывались совершать набеги на Персию и не вступать с ней в какие-либо мирные отношения. В дополнение к этому Юстин отказался выплачивать персам ежегодную плату в 500 фунтов золота за охрану ими от вторжений кочевников кавказских горных перевалов.

Каплей же, переполнившей чашу терпения Хосрова, стала попытка Юстина вмешаться в персидско-армянские отношения: император явно не рассчитал своих сил и недооценил решимости Хосрова к возобновлению военных действий. Дело в том, что в 571 г. в Персоармении вспыхнуло антисасанидское восстание, поводом к которому стала попытка персидских властей возвести в Двине (административном центре Персоармении) зороастрийский храм огня. Восставшие, будучи не в состоянии сопротивляться персам, обратились за помощью к Юстину, и тот без тщательного анализа ситуации и какой бы то ни было подготовки объявил о принятии всех армян, проживающих на контролируемой Ираном части Армении, в византийское подданство. Протесты персидских послов были Юстином высокомерно отвергнуты; более того, им было открыто заявлено, что импе-

рия не считает для себя необходимым соблюдать условия заключенного восемь лет назад мирного договора. Так началась новая большая война между Ираном и Византией.

Летом 572 г. в Месопотамию в качестве командующего восточной армией был отправлен племянник Юстиниана Маркиан. Прибыв в Осроену, Маркиан набрал небольшой отряд из трех тысяч воинов и неожиданно для персов вторгся в Арзанену. Эффект внезапности был использован византийцами с максимальной пользой: Арзанена была разорена и разграблена, а войско Маркиана вернулось домой с богатой добычей.

Весной 573 г. Маркиан вновь совершил вторжение в пределы Персидской державы. На этот раз плацдарм для нападения находился севернее - им стала Дара. Выйдя из Дары, армия Маркиана углубилась в персидские владения, однако на ее пути оказалось войско персов, подошедшее сюда из-под Нисибиса. В произошедшем сражении византийцы одержали победу и, преследуя противника, подошли к крепости Фебофон, взять которую сходу, однако, им не удалось, что заставило их покинуть пределы Персии. После возвращения в Дару и кратковременного отдыха Маркиан получил от императора письмо. В нем содержался приказ о немедленном начале нового наступления с целью захвата Нисибиса. При этом отправить на Восток какие-либо подкрепления Юстин не считал нужным. Тем не менее, нарушить волю императора Маркиан не мог и дал войску приказ готовиться к очередному походу.

Подойдя к городу, ромеи оказались в сложном положении: взять Нисибис в сплошное кольцо блокады они не могли по причине своей малочисленности, гарнизон же персов (к тому же укрывшийся за неприступными стенами) был, напротив, достаточно значительным. Прекрасно понимая, что для взятия Нисибиса Маркиану явно не хватает людей, персы в насмешку над противником даже не потрудились запереть городские ворота, демонстрируя тем самым полное пренебрежение ко всем попыткам византийцев овладеть городом.

Узнав о том, что византийская армия увязла под Нисибисом, Хосров не стал терять времени, и, используя ошибку Юстина, поставившего перед Маркианом заведомо невыполнимую задачу, организовал ответные меры. Согласно разработанному персами плану, их

армия, перейдя границу империи в районе Киркесия, разделилась: одна ее часть в количестве шести тысяч воинов во главе с полководцем Адорманом, уничтожая все на своем пути, двинулась в направлении Антиохии; вторая же во главе с самим царем подошла к Даре - основному опорному пункту империи в Месопотамии - и осадила ее.

Подойдя к столице Сирии, персы, не имея возможности столь незначительными в данной ситуации силами взять город, разграбили и сожгли антиохийские предместья. Двинувшись затем от Антиохии на юг, Адорман подошел к Апамее. Жители города, опасаясь за свою судьбу, попытались решить дело мирным путем, пообещав персам большой выкуп в обмен на неприкосновенность Апамеи. Выслушав представителей горожан и приняв от них дары, Адорман пообещал выполнить их просьбу и за хороший выкуп отвести от города свое войско. Однако через три дня, когда горожане были заняты сбором средств для Адормана, персы внезапно ворвались в Апамею и учинили в ней страшный погром. После разграбления города войско Адормана с большим количеством пленников и богатой добычей беспрепятственно двинулось на соединение с армией Хосрова.

Неизвестно, знал ли Маркиан о действиях противника, но он не оставил Нисибис и продолжал его безуспешную осаду. Трудно сказать, сколько еще времени византийская армия находилась бы под стенами Нисибиса, однако ход событий был ускорен внешними обстоятельствами. И без того деморализованное неудачной осадой войско ждал новый удар: Юстин, раздраженный неумелым, по его мнению, командованием Маркиана, направил к нему своего представителя с приказом немедленно оставить занимаемый пост и отбыть из-под Нисибиса. Маркиан безоговорочно выполнил предъявленные ему предписания и покинул расположение своей армии. Однако популярность Маркиана среди воинов была столь велика, что в ближайшие дни почти весь средний и высший офицерский состав осаждавшей Нисибис армии в знак протеста против решения Юстина и не желая служить под командованием какого-либо другого военачальника, оставили войско. В результате армия просто развалилась, так и не сумев добиться сколько-нибудь серьезного успеха в этой "смешной", как ее назвал Евагрий Схоластик (Eua. V. 9) осаде. Так в результате непродуманной и безответственной политики Юстина империя лишилась единственного боеспособного войска на своей восточной границе.

Пока происходили описанные выше события, армия Хосрова осаждала Дару. Осада шла полным ходом, когда под Дарой появился вернувшийся из Сирии Адорман. Прибытие его войска еще более воодушевило атакующих, боевой же дух осажденных оставлял желать лучшего: помощи ждать было неоткуда, а своих сил у защитников Дары было недостаточно. Объединившееся персидское войско полностью блокировало Дару: были возведены осадные сооружения (валы, рвы, стены), отведена вода из крепостного рва, на созданные персами искусственные возвышения установлены осадные машины для обстрела обороняющих стены воинов. И, несмотря на то, что Дара представляла собой мощную крепость, сопротивление ее защитников вскоре было сломлено (хотя поговаривали и об измене): город был взят штурмом, его жители частью перебиты, частью захвачены в плен. Поскольку стратегическое положение Дары было исключительно выгодным, Хосров решил не разрушать крепость. Отремонтировав пострадавшие при осаде укрепления, персы оставили в Даре крупный гарнизон.

Таким образом, итоги летней кампании 573 г. для Византии были весьма удручающими: она не только не одержала ни одной более или менее значительной победы, но и сама понесла серьезный урон, лишившись Дары - ключевого пункта византийской оборонительной системы в Месопотамии.

Падение Дары стало для Юстина страшным ударом. Император был настолько разбит горем, что добровольно назначил своим соправителем Тиберия, командира императорской гвардии, поскольку не чувствовал в себе сил для управления государством. Вскоре после этого Юстин тяжело заболел, а затем вообще впал в безумие, и последние годы его жизни реальная власть находилась в руках Тиберия.

Пока в Константинополе происходили эти события, Хосров, несмотря на свой уже весьма преклонный возраст, продолжал энергично руководить боевыми действиями. В 574 г. персидская армия, пройдя Армению, вторглась в Каппадокию и направилась к ее центру - Кесарии. Трудно сказать, чем могла закончиться осада города и вся кампания 574 г., если бы не активные действия византийского военачальника Юстиниана (племянника императора Юстиниана), преградившего своим войском путь рвущейся к Кесарии армии Хосрова. Это было

полной неожиданностью для персов, и в течение нескольких дней Хосров размышлял, что именно ему следует предпринять: вступить в бой с византийской армией или же, поскольку сражение перед осадой такого крупного города, как Кесария, не входило в его планы, отступить. Размышления царя были прерваны решительными шагами Юстиниана: по его приказу византийские воины ринулись в атаку и опрокинули левый фланг противника, захватив почти весь обоз с находившимися там царскими сокровищами и другими ценностями. Остальное войско персов, чтобы избежать удара с тыла, было вынуждено оставить свои позиции. Однако византийцы вместо преследования и окружения врага занялись грабежом брошенного им имущества, позволив тем самым персидским частям перегруппироваться и организованно отступить.

Дождавшись наступления сумерек, Хосров попытался переломить ситуацию, и с этой целью пошел на хитрость: персы зажгли в своем лагере яркие костры, создавая у византийцев иллюзию, что готовятся к ночлегу. Сами же они тем временем под покровом темноты незаметно подобралась к одному из двух византийских лагерей и внезапно его атаковали. Ошеломленные неожиданным нападением, не понимая, что происходит, не зная, откуда в следующий миг их настигнет смертельный выстрел из лука или удар меча, воины Юстиниана бросились искать спасения бегством. Разграбив лагерь, персы так же стремительно подошли к находившемуся неподалеку городу Мелитене и овладели им почти без боя. Захватив большое количество трофеев, войска Хосрова двинулись из Мелитены обратно, надеясь беспрепятственно переправиться через Евфрат и спокойно вернуться домой (как это уже было в примерно такой же ситуации при Шапуре II, во время ночного сражения под Сингарой в 348 г.). Царь полагал, что после жестокого поражения византийцы оправятся не скоро и не смогут помешать его намерениям. Но решительность и военный талант Юстиниана вновь спутали планы Хосрова: византийское войско перешло в контратаку и начало преследование отступающих к Евфрату персов. Вынужденные форсировать Евфрат под градом стрел при постоянных атаках византийской пехоты, персидские войска понесли большие потери. Хосров сумел переправиться на левый берег реки верхом на слоне, однако далеко не всем его воинам удалось последовать за своим царем: многие

из них остались лежать на берегу Евфрата или были поглощены его водами. Исполненный решимости продолжать наступление, Юстиниан вслед за персами пересек Евфрат и вступил на персидскую территорию. Опустошив приграничные районы Персии, византийцы закрепились в одном из захваченных городов и провели на вражеской территории всю зиму 574/575 г.

Результатом военных событий 574 - 575 гг. стало стремление обеих держав к заключению перемирия, поскольку каждая из сторон нуждалась в передышке для наведения порядка в системе пограничной обороны. В итоге в 575 г. между Византийской империей и Персией было заключено соглашение о перемирии сроком на один год. Все это время прошло в подготовке к возобновлению войны: Тиберий стягивал к персидской границе войска из восточных провинций империи, выплачивая воинам хорошее жалование и обещая платить еще больше в случае победы над противником, а Хосров наращивал численность своей армии и планировал свои шаги на ближайшую перспективу.

Возобновившиеся в 576 г. боевые действия развивались не очень успешно для Византии. Персы нарушили мир первыми и перешли византийскую границу в районе Дары, предполагая продвигаться вглубь владений империи. Командовавший восточной армией Юстиниан не смог ни препятствовать вступлению противника на защищаемую им территорию, ни разгромить вторгшееся войско. В то же время, как показал опыт первых же столкновений, и персы не обладали достаточным для разгрома армии Юстиниана количеством сил. Это подвигло обе стороны к новым переговорам. Их результатом стало заключение нового перемирия, но уже сроком на три года и имевшего к тому же весьма своеобразный характер: противоборствующие стороны отказывались от ведения боевых действий в Месопотамии, однако осуществление военных операций на территории Армении не возбранялось. Иначе говоря, "перемирие" 576 г. означало лишь перенесение театра военных действий из Междуречья в Закавказье. Многогосударственная армянская земля вновь стала местом выяснения отношений двух могущественных соседей, предпочитавших не подвергать опасностям военного времени свои собственные владения.

Война в Армении шла с переменным успехом, однако удача все

чаще и чаще оказывалась на стороне Персии. Несмотря на все усилия, византийцы не только не могли добиться решительной победы, но и, более того, сами терпел неоднократные поражения. В итоге Тиберий был вынужден в 578 г. сместить Юстиниана с должности стратига и поставить на его место полководца Маврикия. Однако время было упущено, и пока Тиберий решал кадровые и организационные вопросы, персы, нарушив перемирие, внезапно перебросили свои войска из Армении в Месопотамию. Оказать им сопротивление было некому, и персидская армия почти беспрепятственно разоряла византийские владения в районе городов Константины, Феодосиополя и Амиды.

Узнав о вторжении персов, новый стратиг ринулся было вслед за противником в надежде застать его в Месопотамии и предотвратить дальнейшие бесчинства на территории империи. Но было уже поздно: персидское войско, узнав о приближении Маврикия, заблаговременно покинуло опустошенную территорию и ушло за Евфрат. Единственное, что оставалось делать византийцам, - совершить ответный набег, поскольку вероломное вторжение армии Хосрова вызывало возмущение не только у командования, но и у рядовых византийских воинов, да и сам Маврикий не хотел начинать свою военную карьеру на Востоке с неудачи. Летом 578 г. его армия вторглась на территорию Арзанены. Было взято и разрушено несколько крепостей, захвачено более 10 тысяч пленных, переселенных впоследствии на Кипр. Из Арзанены Маврикий двинулся обратно, но по окружному пути, пройдя мимо Нисибиса и взяв Сингару. Утолив, таким образом, жажду мести, поздней осенью 578 г. имперское войско вернулось домой.

Конец 578 и начало 579 гг. для обеих держав (и особенно для Персии) стали временем серьезных перемен. Осенью 578 г., когда армия Маврикия еще совершала свой рейд по персидской территории, тяжело больной Юстин назначил Тиберия императором, и тот стал полновластным правителем империи (578 - 582). Спустя несколько месяцев, в феврале 579 г., в Ктесифоне скончался Хосров I Ануширван, полувековое правление которого стало целой эпохой в истории византийско-персидских отношений и обернулось для империи тяжкими испытаниями. Преемником умершего царя стал его сын Ормизд IV (579 - 590).

Контрольные вопросы и задания

1. Какие события свидетельствуют об усилении персидской экспансии в западном направлении в период правления Хосрова I?
2. С чем было связано настойчивое стремление Хосрова I к захвату Лазики?
3. Кто из персидских военачальников сыграл наиболее заметную роль в войнах Ирана против Византии в период правления Хосрова I? В чем именно заключалась эта роль?
4. Перечислите наиболее важные достижения и просчеты Византии в борьбе с персидской экспансией в 540 - 579 гг.
5. Удалось ли, по вашему мнению, Византии сдержать натиск персов в период правления Хосрова Ануширвана?

ГЛАВА 3

САСАНИДСКИЙ ИРАН И ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ VI - ПЕРВОЙ ТРЕТИ VII ВВ.

§ 1. Неустойчивое равновесие (579 - 591 гг.)

Появление на престоле Сасанидской державы нового правителя поначалу породило у ромеев надежды на возможность мирного завершения длящейся войны. В 579 г. Византия попыталась вступить с Ормиздом в переговоры, однако новый шаханшах показал себя непримиримым противником империи и отказался от подписания каких-либо соглашений. Стало очевидно, что боевые действия не только не прекратятся, но, возможно, будут даже активизированы.

Летом 579 г. византийское войско под командованием трех полководцев Маврикия (Романа, Теодориха и Мартина) перешло Тигр. Разорению подверглась территория Мидии: все лето ромеи провели "в избиениях персов, ... жестоко разорили посевы и насаждения мидийских областей" (Theophyl. III. 17. 4).

В 580 г. последовала новая экспедиция византийцев против Персии. Армия Маврикия сосредоточилась в районе Киркесия, а затем (для достижения эффекта внезапности) попыталась вторгнуться в Месопотамию через Аравийскую пустыню. Однако вождь арабского племени Гассанидов ал-Мундир, выступивший на стороне Маврикия, оказался ненадежным союзником: он предупредил персидское командование о готовящемся ударе и маршруте продвижения ромеев. В результате персами для предотвращения проникновения византийцев вглубь владений Сасанидов были уничтожены мосты через Тигр, а их войско тем временем осадило Каллиник. Византийская армия, совершив трудный переход через пустынные районы Северной Аравии, была вынуждена уничтожить находившиеся на Евфрате груженные продовольствием транспортные суда и спешно возвращаться обратно, чтобы не допустить взятия Каллиника персами.

Более удачной была кампания 581 г. Боевые действия были инициированы персами: военачальник Ормизда Тамхосров двинулся к Константине, расположенной в верховьях Аборы. Здесь произошла "более сильная, чем какая-либо другая известная битва между ро-

меями и парфянами" (Theophyl. III. 18. 1). В разыгравшемся сражении сам Тамхосров погиб от удара копья, нанесенного ему византийским военачальником Константином, а армия персов была разгромлена. После победы под Константиной осень - зиму 581/582 г. Маврикий провел на Востоке, занимаясь обустройством пограничных крепостей. По возвращении в Константинополь весной 582 г. его ждал пышный триумф, а вскоре в карьере Маврикия последовал очередной взлет: в августе 582 г. умер Тиберий, успевший незадолго до смерти передать свою власть командующему восточными силами империи. Маврикий (582 - 602) стал базилевсом.

Вместо Маврикия командиром восточной армии был назначен Иоанн Мистакон¹, до этого возглавлявший войско, находившееся в Армении. Буквально сразу после назначения Иоанн попытался активизировать боевые действия, стремясь, судя по всему, развить успех, достигнутый византийцами год назад в битве при Константине. Его армия двинулась к устью Нимфия, где он впадает в Тигр. Сюда же подошло и персидское войско.

Противники выстроились традиционным способом - центром и двумя крыльями. Основные силы византийцев под командованием самого Иоанна и их левый фланг во главе с Ариульфом действовали успешно и уже начали теснить неприятеля, однако командовавший правым флангом Курс не поддержал наступления остальной армии (скорее всего, из-за боязни усиления позиций Иоанна при дворе в случае победы). В итоге побежденные были персы, воспользовавшись несогласованностью в действиях противника, перешли в контрнаступление и отбросили ромеев, причинив им значительный ущерб и заставив отступить в подготовленный заранее укрепленный лагерь. Во время отступления особенно пострадала византийская конница, поскольку отход осуществлялся по гористой местности, неудобной для одновременного прохождения большой массы кавалерии. В возникшей сумятице многие всадники Иоанна погибли или были ранены. Таким образом, попытка нового командующего форсировать события закончилась неудачей.

Весной следующего (583) года персы подступили к византийс-

---

¹Мистакон (букв. "усатый") - прозвище, данное Иоанну из-за его длинных усов (от греч. μωζταξ - "усы").

кой крепости Афумон и начали ее осаду. Византийское командование посчитало более разумным не атаковать вражеское войско, а предпринять отвлекающий маневр с тем, чтобы вынудить персов уйти из-под Афумона. С этой целью отряд византийцев подошел к персидской крепости Акбас, стоявшей на берегу Нимфия юго-восточнее Афумона. Однако действия византийского войска были явнонепродуманны: Акбас был чрезвычайно мощной твердыней, расположенной на неприступной скале. Подойти к крепости можно было только с одной стороны, однако и здесь персами были возведены дополнительные укрепления, что крайне затрудняло не только саму осаду, но даже подготовку к ней, и отряд в несколько тысяч воинов, который подошел к Акбасу, был явно недостаточен для осады столь мощной крепости. В результате византийцам не удалось предпринять ничего, что могло бы представлять опасность для защитников Акбаса. Более того, пока ромеи безрезультатно пытались начать осаду, персы зажгли на стенах крепости сигнальные костры, сообщив тем самым стоявшей под Афумоном армии о подходе к Акбасу византийского войска. Уже на рассвете следующего дня персы были под Акбасом. Их появление застало византийцев врасплох. Они даже не успели выстроиться в боевые порядки для отражения неожиданной атаки. Спешившись, персы начали массированный обстрел противника из луков. Стрелы летели так плотно, что византийцы даже не попытались перейти в контратаку. Многие из них были убиты или взяты в плен. Остатки разбитого войска спаслись бегством, бросившись по почти отвесному спуску к берегу Нимфия. Переправившись через реку, они соединились со стоявшим здесь лагерем другим византийским отрядом.

Неудачные действия византийцев под Акбасом переполнили чашу терпения Маврикия. Если поражение в прошлогодней битве на Нимфии еще можно было списать на счет предательского поведения командовавшего правым флангом Курса, то бездарная и абсолютно неподготовленная попытка взять Акбас не могла быть объяснена иначе, как неспособностью Иоанна Мистакона к военному командованию. В результате в августе того же 583 г. Иоанн был смещен с поста командующего восточной армией империи, а на его место назначен муж сестры императора Филиппик.

Новый стратиг Востока действовал более решительно. Сразу после назначения Филиппик отправился на Восток. Остановившись в Монокарте (на территории Осроены), Филиппик начал с того, что увеличил численность своей армии и навел в ней порядок. Через некоторое время войско Филиппика выступило из Монокарта и быстро двинулось в направлении Нисибиса. Став на некоторое время лагерем неподалеку от города и проведя здесь необходимые приготовления, Филиппик всеми своими силами вторгся на территорию Персии, разоря находившиеся в приграничной зоне поселения. Персы не ожидали столь дерзкого шага со стороны противника, и действия византийцев не встречали никакого организованного сопротивления. Захваченная добыча была доставлена в византийский лагерь, после чего Филиппик совершил повторный набег на территорию Персии. Однако до персидского командования уже дошли сведения о том, что ромеи безнаказанно хозяйничают в месопотамских владениях Сасанидов, и на этот раз против Филиппика было направлено войско, состоявшее в основном из катафрактов.

Теперь настал черед византийцев удивляться стремительности персов. Армия Филиппика, разделившись на две части (поскольку времени на соединение рассредоточившегося по вражеской территории войска не было), стала отступать на запад, уходя от преследования. Отряды, возглавляемые главнокомандующим, успешно добрались до границы и вернулись домой. Второй же группировке, шедшей к Феодосиополю, повезло меньше: войско заблудилось в безводной пустыне, и для экономии воды византийцам даже пришлось предпринять на первый взгляд бесчеловечно жестокую, но в данных обстоятельствах вполне объяснимую акцию: все шедшие с армией пленники были убиты (за исключением детей, которые, правда, впоследствии все равно погибли от жажды). В конце концов, с большими трудностями и лишениями и эта часть армии дошла до пункта назначения.

Весной 584 г. Филиппик вторгся в Арзанену. Действия византийцев вновь были неожиданными для персов, а потому, как и во время предыдущей кампании, очень успешными: была разорена значительная территория, захвачена большая добыча.

Успехи Филиппика впечатляли. Два года подряд его войска первыми вторгались на вражескую территорию, причиняли противнику

серьезный ущерб и практически беспрепятственно возвращались обратно еще до подхода основных сил персов. Феофилакт Симокатта сообщает даже, что у Филиппика, судя по всему, зрел план организации крупномасштабной экспедиции вглубь персидской территории, задумывавшийся по примеру похода армии Публия Корнелия Сципиона в Северную Африку во время Второй Пунической войны (Theophyl. II. 14. 2 - 4).

Однако этим планам Филиппика, если даже они и существовали, не суждено было воплотиться в жизнь. Еще во время нападения на Арзанену стратиг был внезапно поражен тяжелой болезнью, вынудившей его покинуть театр боевых действий и отправиться в Мартирополь. Вместо себя для руководства войсками Филиппик оставил тагматарха Стефана, некогда являвшегося одним из телохранителей императора Тиберия, и ипостратига Апсиха, гунна по происхождению, поручив им завершение начатой кампании. Но преемники Филиппика не смогли достойно закончить начатое им дело. Их нерасторопность и отсутствие необходимого опыта позволили персам выровнять ситуацию: персидские войска подошли к Монокарту и осадили его. Стефану и Апсиху пришлось срочно сворачивать боевые действия в Арзанене и продвигаться в направлении Монокарта с тем, чтобы предотвратить захват города противником.

Тем временем персидские войска уже много дней осаждали Монокарт. Однако, даже будучи больным и не присутствуя лично на театре боевых действий, Филиппик, по сути дела, продолжал помогать своей армии. Дело в том, что еще за год до описываемых событий укрепления Монокарта были по приказу Филиппика отремонтированы и усилены. В результате все усилия персов, направленные на взятие Монокарта, оказались безуспешны: город выстоял, даже не смотря на то, что армия Стефана и Апсиха не успела прийти на помощь. Разорив на обратном пути предместья Мартирополя, персы оставили территорию Византии и ушли домой. Поскольку наступила осень, было распущено и византийское войско. Его командующий на зимние месяцы отправился в Константинополь.

С наступлением весны 585 г. Филиппик возвратился на Восток и расположился в Амиде, планируя новое вторжение в Персию. Наученные горьким опытом последних кампаний, персы, упреждая про-

тивника, направили к Филиппику посольство с одним из зороастрийских магов. Выступая на созванном по такому случаю Филиппиком военном совете, маг предложил византийцам заключить с персами мирный договор. Однако это на первый взгляд благоразумное предложение было высказано в крайне резкой форме и при вызывающе надменном поведении послов: глава персидской делегации объявил византийцев зачинщиками длящейся уже много лет войны и потребовал - в обмен на согласие Ормизда IV заключить с империей мирный договор - крупную денежную сумму.

На фоне явных успехов войск империи на Востоке в течение ряда последних лет и не менее явной неспособности персов организовать противнику достойный отпор подобные высказывания не могли быть восприняты византийцами иначе как с негодованием. Магу даже не дали закончить выступление: угрожая смертью, оскорбляя и освистывая, его выпроводили из зала.

Обо всем произошедшем Филиппик сообщил императору, направив ему письмо с подробным описанием так и не успевших начаться переговоров с посланцами Ормизда. Реакция Тиберия была примерно такой же, как и у всех присутствовавших при выступлении мага: базилевс приказал прекратить всякие контакты с персами по вопросам мирного урегулирования затянувшегося конфликта и возобновить военные действия против Ирана.

Армия Филиппика перешла границу Персии и стала лагерем в районе города Мардиса, ожидая здесь появления противника. По мнению стратига, занятая им позиция была выгодна: на пути персов лежала пустыня, и, в случае принятия ими решения о выступлении навстречу византийцам, персидское войско неизбежно было бы ослаблено длительным переходом по безжизненной местности.

Однако расчеты Филиппика на этот раз не оправдались: вместе с войском персов через пустыню двинулось огромное множество верблюдов, нагруженных мехами с водой. В итоге через несколько дней персидская армия, не испытав серьезных препятствий, оказалась неподалеку от византийского лагеря под Мардисом.

Сражение начали персы, но их атака вскоре захлебнулась, а затем византийцы перешли в контрнаступление, и персидское войско было наголову разгромлено.

Одержав крупную победу и щедро вознаградив своих воинов, Филиппик двинулся в Арзанену. Противопоставить византийцам персы ничего не смогли - их основная западная армия была разбита, а перебросить в Месопотамию отряды из других частей Персии они еще не успели. В итоге все лето 585 г. византийское войско хозяйничало в Арзанене. Местные жители, не имея возможности спасти имущество, пытались сохранить хотя бы свою свободу и укрывались в многочисленных подземных пещерах, однако и это им не часто удавалось: византийцы их выслеживали и захватывали в плен.

Разорив Арзанену, армия Филиппика сосредоточилась под Хломароном - одной из персидских крепостей на территории Арзанены, гарнизоном которой командовал знатный перс Заберта - и осадила его, параллельно продолжая грабить прилегающие к Хломарону земли.

Тем временем персы, оправившись от поражения, смогли собрать новое войско, состоявшее, как пишет Феофан, из "поселян с подъяремными животными", неискушенных в военном деле и представлявших собой скорее наспех вооруженную толпу крестьян, чем настоящую армию. В то же время, как покажут ближайшие события, даже это, неподготовленное, на первый взгляд, ополчение оказалось в состоянии причинить византийцам немало неприятностей.

Узнав о приближении персидского войска, Филиппик приказал рассредоточившимся по всей Арзанене византийским отрядам прибыть к Хломарону. Сосредоточив здесь свое войско, стратиг стал дожидаться подхода персов. Однако место, выбранное Филиппиком для расположения своей армии, оказалось крайне неудачным: вдоль занятой ромеями равнины, в тылу их войска, шел длинный и глубокий овраг. Возможно, Филиппик сделал это целенаправленно, опасаясь неожиданного удара с тыла и стремясь использовать овраг как естественную преграду на пути персов. Но и для самих византийцев при необходимости атаковать противника этот овраг мог стать не меньшим препятствием. Оценить же всю невыгодность занятой его войском позиции Филиппик смог лишь тогда, когда менять что-либо было уже поздно: Заберта в сопровождении нескольких воинов незаметно для византийцев покинул Хломарон, добрался до шедшей ему на помощь армии хардаригана и неизвестными византийцам (а потому оставленными ими без присмотра) путями вывел все персидское вой-

ско в тыл противника. Персы выстроились вдоль края оврага, превратившегося, таким образом, в естественное оборонительное укрепление. Старания византийцев преодолеть преграду и организовать атаку успеха не имели: персы легко пресекали все подобные попытки, сбрасывая ромеев вниз и заставляя отступить.

Впервые за все время, проведенное на Востоке в качестве стратега, Филиппик оказался в столь затруднительном положении и пребывал в нерешительности, не зная, что предпринять. Воспользовавшись возникшей у византийцев заминкой, войско персов ночью бесшумно обошло овраг и вновь оказалось позади вражеской армии, но на этот раз - между ней и Хломароном, имея за своей спиной, таким образом, прочный тыл и надежное убежище на случай поражения и вынужденного отступления. Это был тактический проигрыш Филиппика. Сложившаяся ситуация может показаться тем более странной, поскольку персидское войско явно уступало византийской армии по своей боеспособности. Однако если учесть, насколько традиционно плохо работала византийская разведка, все становится ясным и понятным: с самого начала противостояния под Хломароном Филиппик попросту ничего не знал о планах противника.

Маневр персов изменил ситуацию: теперь уже византийцы были заинтересованы в укреплении своих позиций и защите от возможного нападения персов. С этой целью солдатами Филиппика был вырыт ров, отделивший их от персидского войска. Оба войска продолжали стоять друг против друга, не рискуя начать сражение в столь необычной обстановке. Положение византийцев, несмотря на бездействие Филиппика и явное ухудшение их положения, было все же далеко не безнадежным. В такой ситуации многое (если не все) зависело от полководца, и Филиппик имел возможность завершить кампанию в свою пользу или хотя бы избежать поражения и с наименьшими потерями покинуть район Хломарона. Однако события неожиданно приняли драматический и почти сюрреалистический характер, похоронив все надежды византийцев на благополучный исход дела: в одну из ночей Филиппик, не сообщив ничего ни войску, ни своему ближайшему окружению, внезапно покинул свой лагерь и в сопровождении небольшой группы телохранителей двинулся в направлении византийской границы, явно намереваясь как можно быстрее вернуться домой.

Когда известие о бегстве военачальника распространилось среди его воинов, в войске началась паника: византийцы в полном беспорядке спешно покидали свой лагерь. Никто не понимал, что происходит, солдаты метались в темноте, срывались в вырытый ими же самими ров, давили друг друга.

Персы поначалу полагали, что стратиг приготовил для них какую-то хитрость, однако вскоре им стало ясно, что ромеи по какой-то причине очень быстро покидают свой лагерь и движутся вдоль рва, не собираясь, судя по всему вступать в сражение с противником. Воздерживались от боя и персы - настолько необычной была возникающая ситуация; они лишь двигались параллельным византийцам курсом по противоположной стороне рва, а затем - следом за отходящим от Хлома-рона византийским войском, ожидая дальнейшего развития событий.

С наступлением утра византийские отряды смогли, наконец, найти дорогу, ведущую в расположенную неподалеку византийскую крепость Афумон, и придать своему отступлению более или менее организованную форму. Однако к этому времени персы окончательно поняли суть происходящего: они начали осыпать византийцев стрелами, нанося им ощутимый урон. Стремясь оторваться от преследования, ромеи бросили весь свой обоз вместе с захваченной в Арзанене добычей, что было очень кстати для персов, у которых заканчивалась провизия, и уже начинался голод. В конце концов, потеряв весь арьергард, фактически так и не вступивший в сражение с противником, под непрерывным обстрелом персидских лучников армия Филиппика переправилась через Нимфий и, как пишет Феофилакт, "с полным позором" (Theophyl. II. 9. 16) покинула территорию Персии.

События 585 г. показали всю шаткость и непрочность византийских успехов на Востоке. Профессиональная византийская армия едва избежала разгрома со стороны персидского ополчения, состоявшего из необученных военному делу крестьян, и, казалось бы, окончательно перешедшая в руки империи инициатива была ей так внезапно и легко упущена. Необходимо было все начинать сначала.

586 г. стал периодом некоторого выравнивания соотношения сил на Востоке. Войска под командованием Ираклия, сохранившего присутствие духа несмотря на перенесенные невзгоды, совершили успешный поход в Персию: перейдя Тигр, византийская армия вторг-

лась на территорию Южной Мидии и подвергла опустошению ее приграничные районы. Показательна, однако, следующая деталь: говоря об этих событиях, Феофилакт добавляет, что "они закончились успешно, вопреки предположениям". Судя по всему, в Византии поход Ираклия воспринимался как в значительной мере авантюрное предприятие, обреченное, скорее всего, на неудачу.

С наступлением весны 587 г. Филиппик, пока еще сохранявший за собой пост стратига Востока, приказал Ираклию вновь вторгнуться в персидские владения, передав ему около двух третей своей армии. Оставшаяся треть войска под командованием Феодора и Андрея получили тот же приказ.

Вторгшись в Персию, Ираклий осадил одну из крепостей на территории Мидии, расположенную в труднодоступном месте на скалистой возвышенности. Для ее штурма воины Ираклия возвели гелеполы, другие осадные сооружения и начали обстрел города из осадных машин. Персы, однако, в противовес действиям ромеев предприняли ответные шаги: для смягчения ударов византийских снарядов на крепостные стены ими были вывешены, как пишет Феофилакт, "длинные хитоны", набитые соломой (Theophyl. II. 18. 3). Этот прием несколько снизил эффективность действий осаждающих, однако, несмотря на предпринимаемые защитниками крепости меры, их положение становилось все хуже: солдаты Ираклия вели непрерывный обстрел укреплений, сменяя друг друга у осадных машин и не делая передышки даже ночью. В результате измотанный непрерывной осадой гарнизон во время решающего приступа не смог оказать серьезного сопротивления, и крепость была взята. Восстановив поврежденные во время взятия города укрепления, Ираклий оставил здесь византийский гарнизон и возвратился домой.

Воины под командованием Феодора и Андрея действовали не менее успешно. Ими была захвачена крепость Матзарон, обветшавшие стены которой не стали для византийцев серьезной преградой. После этого войско подошло к крепости Беиудаес. Первоначальный замысел - взять укрепление внезапным ночным штурмом - не удался, т.к. не знавшее дороги византийское войско заблудилось и подошло к Беиудаесу лишь под утро. Началась осада.

Положение византийцев было осложнено тем, что Беиудаес рас-

полагался на неприступной скале, и подойти к крепости можно было только в одном месте через узкий горный проход. Однако и он был перекрыт выдвинутой вперед мощной башней, соединенной с главной крепостью системой переходов. Под прикрытием лучников, не дававших защитникам башни свободно отражать атаки штурмующих, византийские воины все же овладели этим передовым укреплением и приступили к осаде самого Беиудаеса.

Штурм был кратковременным, но ожесточенным. Византийцы вели ураганный обстрел крепостных стен из луков и осадных машин; персы же, как могли, отбивали их атаки. Перелом в сражении наступил благодаря героическому поступку одного из византийских воинов по имени Сапир. Он дважды пытался взобраться на стену, используя как опору вставляемые им же самим в пазы между камнями деревянные колья, но оба раза был сброшен вниз. Несмотря на полученные при падении ранения, Сапир в третий раз полез на стену, и ему, наконец, удалось достичь цели. Воин, дважды сбросивший Сапира со стены, был им убит, а отрубленная голова поверженного противника брошена Сапиром товарищам погибшего в знак устрашения. В рядах персов началось замешательство. Византийцы же, напротив, воспряли духом: сначала группа самых отчаянных воинов взошла на стены тем же способом, что и Сапир; затем они, спустившись по веревкам по ту сторону стен, изнутри отворили ворота, и все византийское войско ворвалось в Беиудаес. Уцелевшие персы сдались в плен, а в крепости был оставлен византийский гарнизон.

Восточная армия империи вновь перехватила инициативу и, казалось бы, ситуация на границе с Персией должна была стабилизироваться. Однако позиции Филиппика как главнокомандующего армией Востока сильно пошатнулись. Одной из причин, бесспорно, стала неудача под Хломароном. Однако, как показали последующие события, это не была катастрофа, и армия Филиппика сумела взять реванш за свое поражение. Значит, существовали какие-то другие факторы, игравшие не в пользу стратига. Скорее всего, они были связаны с близким окружением императора, нашедшим повод приструнить не в меру удачливого и чересчур ретивого полководца. Косвенно об этом говорит тот факт, что вместо руководства подготовкой армии к новым сражениям ранней весной 588 г. Филиппик отправился

не куда-нибудь, а в Константинополь. Стратигу явно стало известно о каких-то интригах при дворе, направленных против него, и поездка в столицу была предпринята с целью вернуть расположение императора. Но уже через несколько дней пути Филиппик получил сообщение, круто изменившее его судьбу: не дожидаясь прибытия военачальника в Константинополь (а возможно, и предупреждая это событие), Маврикий сместил его с поста главнокомандующего восточной армией и назначил на эту должность Приска.

Будучи опытным царедворцем и понимая, что на данный момент кардинально изменить ситуацию ему не удастся, Филиппик решает сделать все возможное, чтобы осложнить судьбу новому стратигу. С этой целью он отправил Ираклию письмо с указанием обнародовать изданный недавно императорский эдикт о сокращении на четверть жалования воинам и содержания войска. Сам Филиппик знал об указе раньше, но считал вредным для себя доводить его содержание до своих солдат. Отдав эти последние распоряжения, смещенный стратиг направился в Константинополь и стал выжидать.

Еще по пути к месту назначения Приск приказал ожидавшему его войску собраться в Монокарте. Вскоре туда прибыл и он сам. Вышедшая из города армия встречала нового командующего в трех милях от Монокарта, но первое знакомство воинов со своим новым командиром было омрачено возникшим по вине самого стратига инцидентом. Дело в том, что, согласно старинной традиции, новый командующий при первой встрече с вверенным ему войском должен был спешиться и, проходя вдоль выстроившихся солдатских шеренг, радушно приветствовать воинов. Приск же (то ли по незнанию, то ли из-за своего высокомерия) не сделал этого, чем вызвал сильную, но пока еще не проявлявшуюся открыто, неприязнь у подчиненных.

Однако через несколько дней недовольство из тайного стало явным. Среди воинов распространилась новость о сокращении довольствия, и в войске вспыхнул открытый мятеж. Солдаты с кольями и камнями в руках двинулись к палатке Приска и окружили ее. Со всех сторон в адрес стратига неслись крики и угрозы. Поняв, наконец, что происходит, Приск попытался успокоить разбушевавшихся воинов путем уговоров, но этим разъярил толпу еще больше. С огромным трудом и риском для жизни Приску удалось избежать

опасности. Выручило полководца то, что у одного из сопровождавших его императорских телохранителей под рукой оказался оседланный конь. Вскочив в седло и едва успевая уворачиваться от летящих в него камней, Приск бросился вон из лагеря. Прискакав в Константино, стратиг тут же подготовил письменное распоряжение о выдаче своим воинам довольствия в полном объеме без всяких сокращений.

Однако приказ командующего не возымел ровно никакого эффекта: бунт в войске продолжался. Вскоре известия о мятеже в восточной армии достигли столицы. Маврикий, узнав о событиях в Месопотамии, попытался исправить положение возвращением на должность стратига Филиппика (благодаря интриге которого в значительной мере и возникла сложившаяся ситуация), однако и это решение не было встречено воинами с энтузиазмом: они поклялись, что не примут Филиппика в качестве командующего. Оставалось последнее, многократно испытанное и самое надежное средство: задобрить взбунтовавшихся солдат щедрыми денежными раздачами. С этой целью на Восток с большой суммой денег императором был направлен Аристобул - "куратор царских домов".

Тем временем военная обстановка на границе резко обострилась. Используя создавшееся положение, персы практически безнаказанно совершали нападения на византийскую территорию, подвергая грабежу пограничные районы. Местное население в результате страдало и от вражеских, и от своих солдат: и те, и другие одинаково беззастенчиво разоряли хозяйство приграничных провинций. Однако даже среди всеобщего хаоса в византийском войске нашлись командиры, способные своим авторитетом оказать влияние на ход событий. Одним из них оказался Герман, дукс Дамаска, которого сами восставшие солдаты избрали своим стратигом. Сумев собрать под своим началом примерно тысячу боеспособных воинов, Герман быстрым маршем подошел к Константину, отбросил от города осаждавших его персов, а затем, пополнив свой отряд новыми силами и доведя его численность до четырех тысяч человек, сам вторгся во владения Сасанидов и подверг грабежу находившиеся вблизи границы селения персов. К этому времени в Монокарт прибыл и Аристобул. Успех Германа и захваченная им добыча в сочетании с денежными раздачами Аристобула смягчили настроение воинов. Умиротворенное войско вновь было готово к военным действиям.

Армия разделилась на две части: одна из них двинулась к Мартирополю с целью предотвращения его возможного захвата персами, другая же перешла границу и собиралась вторгнуться в персидские владения в Месопотамии. Однако персам стало известно о планах Германа, и оказавшаяся на вражеской территории византийская армия была встречена персидскими войсками под командованием Марузаса. Поняв, что внезапного вторжения не получилось и дальнейшего продолжение боевых действий чревато, как минимум, серьезными потерями, византийцы двинулись обратно, рассчитывая соединиться со стоявшей под Мартирополем армией для организации совместной обороны. Персы преследовали отступающих по пятам, стремясь не допустить объединения двух армий, однако это им не удалось, и под Мартирополем Марузас был вынужден вступить в сражение с объединенным византийским войском. Об ожесточенности битвы говорит тот факт, что в ней погиб сам командующий персидской армией. Персидская армия была разбита, более трех тысяч персов (включая командиров обоих флангов сражавшегося войска) оказались в плену. Спаслось лишь около тысячи воинов, которым с огромным трудом удалось прорваться к Нисибису.

Воодушевленное одержанной победой, а еще больше - размерами захваченной добычи, византийское войско решило окончательно прекратить бунт и вернуть расположение базилиевса. Маврикию была послана значительная часть добытых во время похода ценностей, попавшие в руки византийцев боевые знамена противника и, в качестве особо ценного трофея, голова Марузаса. Естественно, не был заинтересован в продолжении противостояния и сам император. Итогом стало окончательное примирение войска и Маврикия: весной 589 г. в городке Литабры при посредничестве архиепископа Антиохии Григория командиры стоявшей на Востоке армии признали Филиппика своим командующим.

В то время, когда византийцы решали проблемы, связанные с преодолением последствий возникшего в армии мятежа, персам удалось добиться крупного успеха: ими был взят Мартирополь. Это случилось благодаря измене одного из авторитетных жителей города по имени Ситтас. Он вступил в тайные переговоры с персами и предложил им следующий план: под видом перебежчиков направить в Мар-

тирополь 400 хорошо вооруженных воинов с тем, чтобы, оказавшись внутри города, они захватили его и отворили ворота остальному персидскому войску. При появлении под стенами Мартирополя мнимых перебежчиков Ситтас, в свою очередь, начал горячо убеждать горожан впустить персов. Предложение Ситтаса было, безусловно, заманчиво: гарнизон города получал хорошее подкрепление. Влияние Ситтаса и его доводы оказались сильнее соображений безопасности. В результате Мартирополь был внезапно и практически бескровно захвачен персами.

Узнав о захвате Мартирополя, Филиппик подступил к городу, намереваясь отбить его у персов. Сюда же подошло и персидское войско во главе с одним из представителей знатного рода Суренов, члены которого традиционно являлись военачальниками в Иране, начиная еще с парфянской эпохи (достаточно вспомнить, что парфянская армия во главе с одним из Суренов еще в 53 г. до н.э. уничтожила римское войско Марка Лициния Красса, а в последующие столетия парфянские, а затем и персидские войска под командованием Суренов неоднократно воевали с империей). Кроме того, к Мартирополю в срочном порядке была переброшена еще одна армия персов, возглавляемая Афраабом.

Разыгравшаяся под стенами Мартирополя битва носила ожесточенный характер. Ярким показателем драматизма сражения стала гибель командующего персидской армией. И хотя обе стороны понесли тяжелые потери, победа все же оказалась на стороне персов. Византийцы потерпели сокрушительное поражение.

Разгром под Мартирополем окончательно решил судьбу Филиппика. По приказу императора он был смещен с поста стратига и замещен Коментиолом. Новый командующий попытался было одним быстрым ударом расквитаться с персами за недавнее поражение, однако его поступок был явно опрометчив: в битве под Сисавраном (неподалеку от Нисибиса) войска Коментиола были обращены в бегство, продолжавшееся до самого Феодосиополя. К счастью для ромеев, здесь со своим войском находился Ираклий, успешно проявивший себя еще во время службы под началом Филиппика. Усилиями Ираклия бегство византийцев было остановлено, а затем, перейдя в контрнаступление, они нанесли жестокое поражение подошед-

шей к Феодосиополю персидской армии. В этой битве погиб и второй командир персов - Афрааб.

Победа под Феодосиополем имела большое значение с точки зрения развития оперативной обстановки. Благодаря успешным действиям Ираклия было предотвращено продвижение крупной армии персов вглубь византийской территории и не допущен захват ряда опорных пунктов Византии на границе с Персией. Понимали это и в Константинополе. По поводу одержанной Ираклием победы в столице империи были организованы конные состязания и другие праздничные мероприятия, что в последние годы случалось нечасто.

Ормизд IV должен был принимать срочные меры для исправления ситуации на своих западных рубежах. Ответный удар было решено нанести в Закавказье. В мае 589 г. персидская армия во главе с полководцем Бахрамом Чубином (уже прославленным к тому времени успешными действиями против тюрок) вступила в Сванию. Противостоять персам было некому: как отмечает Феофилакт Симокатта, "Свания была жестоко опустошена, и зло было невыносимым; не было никого, кто стал бы ее предводителем, так как вся Колхида была лишена военного командования, как сирота своего попечителя" (Theophyl. III. 6. 8). Сложилась ситуация, грозившая Византии утратой всех своих закавказских владений. Было необходимо спешно перебросить сюда войско для отражения нападения персов. На Кавказ была двинута армия, командующим которой указом Маврикия был назначен полководец Роман.

Прибыв в Албанию и ознакомившись с обстановкой, Роман предпочел действовать как можно более осторожно. Бахрам неоднократно пытался притворным отступлением заманить византийцев в ловушку и окружить, однако Роман, несмотря на давление со стороны войска, стремившегося к быстрой победе, не поддавался на уловки противника. В конце концов, оба войска все же встретились на берегах Аракса. Первоначально армии Романа и Бахрама располагались на разных берегах реки, однако после недолгих переговоров византийцы позволили персам переправиться через Аракс и занять позицию для сражения.

После пяти дней напряженного ожидания битва все-таки состоялась. Оба войска построились традиционным способом, разделив-

шись на два фланга и центр. Первыми в бой вступили византийцы: их центральный отряд ударил по противнику и начал его теснить. Опасаясь за судьбу сражения, Бахрам перебросил в центр часть войск со своего левого фланга, что стало роковой ошибкой персидского полководца: ослабленное левое крыло его армии было опрокинуто ромеями, а вскоре началось бегство всей армии персов.

Поражение Бахрама положило конец терпению самовластного шаханшаха Ормизда. Он давно испытывал неприязнь к Бахраму Чубину и не доверял ему, подозревая в утаивании львиной доли добычи, захваченной во время войны с тюрками, и, что еще хуже, в стремлении к захвату царской власти. В знак презрения Ормизд послал Бахраму женскую одежду и прялку, а также письмо с приказом оставить действующую армию и прибыть в Ктесифон.

Неизвестно, насколько обоснованными были опасения Ормизда по поводу царских амбиций своего полководца, однако резкий и оскорбительный для Бахрама - представителя одного из знатнейших в Иране рода Михран - поступок (не суливший ничего хорошего по прибытии в столицу) подтолкнул его к окончательному разрыву с шаханшахом. Бахрам направляет царю ответное послание с оскорблениями в адрес монарха (в письме Ормизд был назван не сыном, а дочерью Хосрова (Theophyl. III. 8. 3)). Фактически это было равносильно объявлению войны.

Армия Бахрама единодушно поддержала своего полководца. Популярность его среди воинов была и так велика; в дополнение же к этому Ормизд своим стремлением унижить Бахрама и отстранить его от командования безгранично преданным войском лишь усилил авторитет опального военачальника. Намереваясь использовать сложившуюся ситуацию в собственных интересах и разжигая с этой целью ненависть своих воинов по отношению к царю, Бахрам в публичных выступлениях обвинял Ормизда в пренебрежении собственным войском, желании наказать воинов за поражение в Албании и сократить им жалование.

События в Закавказье стали своего рода сигналом для всех в Персии, кто был недоволен правлением Ормизда. На сторону Бахрама перешел персидский гарнизон, стоявший под Нисибисом. Прибывшие сюда представители Бахрама без особых усилий склонили сол-

дат к мятежу. Направленное против Бахрама правительственное войско во главе с фероханом (т.е. командующим) Шахрбаразом также вышло из повиновения. Убив командующего, воины признали своим предводителем Бахрама Чубина. Кроме того, ряды мятежной армии пополнялись множеством случайных людей, недовольных царем.

Для Ормизда IV обстановка приобретала драматический, если не сказать катастрофический, характер. Стремясь оказаться подальше от опасности, царь покинул Мидию, где пребывал во время всех последних событий, и перебрался в Ктесифон, рассчитывая, находясь в столице, подготовить ответные меры в отношении Бахрама и его сторонников. Однако, как показало ближайшее будущее, прибытие в Ктесифон стало последней (хотя, видимо, и вынужденной) ошибкой царя: столичной знатью из тюрьмы был освобожден противник царя, дядя одного из его сыновей - Хосрова - по материнской линии и сын одного из спяхпатов Биндой. Под руководством Биндоя толпа вооруженных заговорщиков 6 февраля 590 г. ворвалась в царский дворец и сместила Ормизда с престола. Шаханшах попытался было уговорить Биндоя и его приверженцев одуматься и не совершать страшного преступления, но это лишь усилило накал страстей: в тронный зал были приведены жена и сын Ормизда, которых тут же, в присутствии царя, предали жестокой казни. Сам Ормизд был ослеплен, заключен в тюрьму и впоследствии убит. На трон заговорщики возвели уцелевшего (вероятно, из-за родственных связей с Биндоем) сына Ормизда - Хосрова, находившегося в это время в Азербайджане, который, как полагали Биндой и его сторонники, должен был стать послушной игрушкой в их руках.

Придя таким неожиданным для себя образом к власти, Хосров II, тем не менее, попытался восстановить контроль над ситуацией и решить главную на тот момент для себя и всей Персии проблему, а именно - урегулировать отношения с Бахрамом Чубином. После прибытия Хосрова в Ктесифон и вступления на престол (15 февраля 590 г.) Бахраму было направлено письмо с заверениями в дружбе и обещанием сделать его в случае добровольного перехода на сторону царя вторым лицом в государстве. Однако Бахрам был непреклонен: в ответном послании он, осыпав Хосрова оскорблениями, предложил царю самому перейти на сторону восставших и получить за это вы-

сокий пост. Окончательно стало ясно, что мирным путем конфликт между Бахрамом Чубином и династией Сасанидов не разрешится. Дело явно шло к большой гражданской войне.

Войска Бахрама и Хосрова встретились на берегах Большого Заба в верхнем его течении (как пишет Феофилакт, "на какой-то равнине, по которой протекала река, разделяя два войска" (Theophyl. IV. 9. 3)). Возобновившиеся здесь переговоры вновь ни к чему не привели: Бахрам, обуреваемый жаждой царской власти и уже считавший себя фактически полновластным правителем Ирана, и слушать не хотел о подчинении Хосрову. Обе стороны приготовились к сражению. Воины Бахрама были преисполнены решимости одержать победу, тем более что их противники - солдаты Хосрова - из-за длительного бездействия и нерешительности своего предводителя впали в уныние и явно были не в восторге от предстоящего боя. В связи с этим исход состоявшейся вскоре битвы был вполне предсказуем: во время внезапного ночного нападения армия Хосрова была наголову разбита. Часть воинов была уничтожена, большинство же из них перешло на сторону Бахрама Чубина. Царь бежал с поля битвы с немногочисленным (около 30 человек) отрядом телохранителей, со своими женами и детьми.

Проведя несколько дней в блужданиях по пустынным местностям Верхней Месопотамии и раздумьях о превратностях судьбы, Хосров оказался неподалеку от византийской крепости Киркесия. Феофилакт объясняет появление здесь царя тем, что он обратился к христианской вере, после чего лошадь сама привезла его (по воле христианского Бога, конечно) к городу ромеев (Theophyl. . IV. 10. 1 - 4). Однако более правдоподобной причиной прибытия Хосрова под Киркесий представляется отчаянное положение проигравшего решающую битву и едва избежавшего гибели Сасанида. Просить о помощи кого-либо еще из могущественных соседей, кроме византийцев, Хосров не мог (единственные подходившие на эту роль соседи - тюрки - не так давно были разгромлены Бахрамом, поэтому пойти по пути Кавада, вернувшего себе трон с помощью эфталитов, у царя не было возможности). Кроме того, и раньше в критических ситуациях, подобных сложившейся, императоры и шаханшахи неоднократно поддерживали друг друга (можно вспомнить в этой связи опекунство Ездегерда над сыном импе-

ратора Аркадия Феодосием). Таким образом, появление Хосрова на территории империи было не случайным.

Прибыв в Киркесий, Хосров первым делом установил контакты с Маврикием. После непродолжительной переписки в Константинополь было направлено посольство с целью заручиться поддержкой ромеев в борьбе за возвращение Хосрову узурпированной Бахрамом царской власти. В обмен на помощь персидские представители обещали вернуть империи взятый персами Мартирополь, безвозмездно уступить Дару, отказаться от Армении и других областей в Закавказье и заключить мир с империей на любых, предложенных Маврикием, условиях.

В свою очередь Бахрам Чубин, узнав об установлении между Хосровом и Маврикием тесных связей и возможности заключения между ними соглашения, попытался повлиять на ситуацию и через послов предложил императору отказаться от поддержки изгнанного царя в обмен на значительные территориальные уступки (Нисибис и всю территорию Верхней Месопотамии "вплоть до реки Тигра"). По сути дела, между Маврикием и двумя претендентами на персидский трон шел почти неприкрытый торг. Вопрос заключался в том, кто из двух "покупателей" предложит бóльшую цену за византийскую помощь.

Условия Хосрова были для императора явно более выгодны по целому ряду причин. Во-первых, Хосров находился в совершенно безвыходном положении, а потому был готов на любые жертвы в отличие от Бахрама, которому после захвата власти уже было что терять. Во-вторых, предложение Бахрама было в значительной мере блефом (или, по меньшей мере, лукавством): Нисибис в это время он не контролировал - в городе находился гарнизон, поддерживавший Хосрова. В-третьих, Хосров был готов пойти и на бóльшие уступки, помимо тех, что были обозначены его послами (обращаясь к Маврикию, они специально оговаривали, что император, если сочтет условия Хосрова недостаточно выгодными, может сам дополнить "в своей мудрости недостающее"), и это открывало для Маврикия дополнительные возможности в выстраивании будущих отношений с царем. Наконец, в-четвертых, к этому времени стала меняться ситуация в самой Персии. К Хосрову начали стекаться недовольные захватом власти Бахрамом Чубином, и число их постепенно увеличива-

лось, поскольку, оказавшись на троне, Бахрам вел себя крайне надменно и самовластно, вызывая тем самым ненависть со стороны не только иранской знати, но и других слоев персидского общества.

Таким образом, озвученные послами предложения Хосрова были слишком заманчивы, чтобы от них отказаться, и дело здесь было не только (и не столько) в том, что Бахраму не удалось "развратить чистую душу императора" (Theophyl. IV. 14. 9) - поддержка Хосрова означала для Маврикия новые и широкие внешнеполитические перспективы. Империя встала на сторону Хосрова, отвергнув все предложения узурпатора.

К концу 590 г. между Хосровом и Маврикием были окончательно улажены все вопросы и разногласия: царь выдал императору Ситтаса, который чуть больше года назад сдал персам Константину, и уступил ромеям Мартирополь, давно и безуспешно осаждавшийся персидской армией, начав, таким образом, выполнение своих обещаний. Бахраму не оставалось ничего иного, как готовиться к открытой борьбе с объединенными силами противников.

Совместный поход византийско-персидских сил против Бахрама Чубина начался весной 591 г. Население и гарнизоны приграничных персидских городов добровольно переходили на сторону Хосрова, признавая его своим законным правителем. Пребывая в победной эйфории, Хосров без всяких условий передал Маврикию ключи от Дары - одного из важнейших опорных пунктов на византийско-персидской границе, чему император, естественно, был несказанно рад.

В преддверии предстоящего вторжения вглубь персидской территории Хосров перевез свою семью в Сингару, поручив охрану города двухтысячному войску. Кроме защиты Сингары, этот отряд получил также указание совершить рейд в направлении Ктесифона и попытаться взять столицу под свой контроль.

С наступлением лета союзное войско выступило из Дары, форсировало Тигр и, беспрепятственно преодолев Большой Заб, стало продвигаться в южном направлении вдоль восточного берега Тигра.

Тем временем базировавшиеся в Сингаре персы, исполняя указания Хосрова, внезапно появились под стенами Селевкии - крупнейшего пригорода Ктесифона. Напуганное руководство города, назначенное Бахрамом, добровольно сдало Селевкию, сочтя для себя за

благо укрыться в самом Ктесифоне, находившемся на противоположном (левом) берегу Тигра. Однако по столице тут же поползли слухи, что Селевкию заняло войско ромеев, и в ближайшее время оно овладеет самим Ктесифоном. На собрании горожан было принято решение сдаться на милость победителей. Последним оплотом власти Бахрама, таким образом, теперь оставалась лишь Антиохия Хосрова, однако лояльность ее населения по отношению к узурпатору в сложившейся ситуации не могла быть сколько-нибудь значительной: жители города были почти поголовно христианами, и появление византийских войск вблизи Антиохии не могло быть воспринято ими иначе, как с воодушевлением и надеждой на скорое освобождение от власти персов. В связи с этим антиохийцы постановили сдать город приближающейся византийской (как они полагали) армии и выдать всех тех, кто каким-либо образом зарекомендовал себя как сторонник Бахрама Чубина. Таким образом, за короткий промежуток времени столичный комплекс оказался под контролем сил Хосрова.

Одновременно с успешными действиями персов под Ктесифоном войско Нарсеса, командовавшего византийскими частями, и Хосрова продолжало свое движение вдоль Тигра, ожидая соединения с шедшими из Армении частями Иоанна Мистакона. Бахрам, осознавая грозящую ему опасность, делал все возможное для недопущения реализации планов византийско-персидского командования. По приказу Бахрама верные ему войска попытались взять под свой контроль переправы через Малый Заб, последнюю крупную естественную преграду на пути к столице, однако эти действия не увенчались успехом - византийцы овладели переправами раньше персов, и теперь путь на Ктесифон был открыт. В это же время стало известно и о приближении войска Иоанна. Бахраму не удалось помешать соединению византийских армий, что стало его роковой ошибкой. Теперь сорокатысячному войску Бахрама Чубина противостояла византийско-персидская армия численностью до 60 тысяч воинов, боевой дух которой и уверенность в победе еще более возросли после получения известий о том, что столица и ее пригороды перешли на сторону Хосрова.

После ряда маневров, предпринятых Бахрамом с целью избежать крупномасштабной битвы, обе армии все же встретились в решающем сражении. Левым флангом союзного войска командовал

Иоанн Мистакон, правым (где расположились персидские отряды) - полководец Хосрова Сарам, центром - предводители армии Нарсес и Хосров. Точно так же (два крыла и центр) выстроились воины Бахрама. Ожесточенная битва длилась целый день, и лишь к заходу солнца ее итог окончательно определился: войско Бахрама Чубина было наголову разбито. Около шести тысяч пленных персов было казнено: как говорит Феофилакт Симокатта, "некоторых из них персидский царь отдал на суд мечей, других же дал растоптать слонам" (Theophyl. V. 10. 13). Для узурпатора все было кончено². Вскоре Хосров II Парвез ("Победитель") (590 - 628) торжественно вступил в Ктесифон. С помощью византийской армии персидский престол был возвращен Сасанидам. С предельной ясностью суть произошедших событий выразил командующий византийским войском; покидая Ктесифон, Нарсес произнес, обращаясь к шаханшаху:

- Помни, Хосров, этот день. Римляне дарят тебе царство.

Осенью 591 г. между Персией и Византией был заключен договор, зафиксировавший новое соотношение сил между двумя державами. За империей закреплялись города Дара и Мартирополь, а также значительная часть Персоармении. Кроме того, Персия отказывалась от взимания с Византии денежных выплат за охрану кавказских горных проходов (что в предшествующие десятилетия не раз становилось поводом для взаимных претензий и конфликтов). Своеобразным дополнением к договору стало щедрое денежное вознаграждение, предоставленное Хосровом императору за помощь, оказанную в борьбе с Бахрамом Чубином.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие выводы о ситуации в византийской армии и государстве в целом можно сделать на основе изучения военного мятежа 588 г.?
2. Какие выводы о ситуации в Персии можно сделать на основе изучения восстания под руководством Бахрама Чубина?

---

²После поражения Бахрам бежал к тюркам, у которых сумел завоевать авторитет и приобрести большое влияние. Однако в последствии в результате интриг Хосрова II Бахрам погиб (подосланные Хосровом люди подкупили жену тюркского правителя, и по ее приказу Бахрам был убит).

3. В чем заключались причины поддержки Византией Хосрова II в его борьбе с Бахрамом Чубином?

4. Почему Византия не воспользовалась гражданской войной в Иране для разгрома державы Сасанидов?

5. В чем заключалось значение событий 589 - 591 гг. для византийско-персидских отношений и геополитической ситуации в Передней Азии в целом?

§ 2. "До Ионии и Кари" и обратно (591 - 628 гг.)

С 591 г. более чем на десятилетие на границе Византии и Ирана воцарился мир, лишь изредка нарушаемый мелкими приграничными инцидентами. Пока византийский престол находился в руках Маврикия, которому Хосров был обязан своим воцарением и с которым его связывали узы дружбы, персы не имели оснований предпринимать против империи какие-либо решительные действия (хотя, по всей видимости, поводы для недовольства у них имелись, поскольку договор 591 года закреплял византийское преобладание в Передней Азии). В то же время и Византия не была заинтересована в возобновлении военных действий - она получила лакомый кусок в виде верхнемесопотамских и армянских владений Сасанидов, а потому пересмотр сложившегося положения был бы ей невыгоден. Кроме того, империя была занята обороной своей дунайской границы от вторжений авар и их союзников - славян и болгар, в связи с чем значительная часть византийских войск была переброшена с Востока в Европу.

Ситуация резко изменилась в 602 г. В результате военного мятежа и последовавшего за ним дворцового переворота Маврикий был смещен с престола, а затем казнен узурпатором Фокой - представителем дунайской армии, служившим до того в чине сотника. Вступление на престол Фоки (602 - 610) стало поворотным пунктом в византийско-персидских отношениях. Хосров, отвергнув верительные грамоты и подарки Фоки и "выставив в качестве предлога для войны этот насильственный захват власти, велел трубить в трубу войны, губящую мир" (Theophyl. VIII. 15. 7). Захватив власть, Фока дал Хосрову Парвезу более чем удобный повод для разрыва с Византией мирных отношений. Так началась новая - и последняя - большая война между Персией и Византией (602 - 628).

Империя оказалась не готова к таким испытаниям. Успехи персов были стремительны - вот лишь краткая хронология основных событий:

604 г. - взятие Дары;

606 г. - взятие Эдессы и крепости Хесна-де-Кефа;

607 г. - взятие Марде и Амиды; захват всей Месопотамии;

608 - 609 гг. - захват Феодосополя, Константины, Мартирополя;

610 г. - захват Армении и большей части Малой Азии.

Все попытки Фоки организовать сопротивление натиску персов были тщетны. Талантливые полководцы Хосрова - Росмиозан, получивший от самого царя имя "Шахрбарз" ("Веprь государства"), и Шахин, паткоспан Запада, - совершали стремительные рейды вглубь византийских владений, не оставляя своим противникам шансов на успех.

Очередной дворцовый переворот в Константинополе и приход к власти императора Ираклия (610 - 641) мало что изменил: в ответ на мирные предложения нового басилевса Хосров "не только не заключил перемирия с ромеями, но отобрал от них другие области"³. В 611 г. пала столица византийского Востока - Антиохия Сирийская, а вместе с ней и другие города Сирии; в 612 г. судьба Антиохии постигла Дамаск; еще через два года Шахрбаразом был взят Иерусалим. В 616 (или 618) г. персидские войска оккупировали Египет, хитростью овладев его столицей - Александрией (персидские воины проникли в александрийскую гавань на лодках под видом рыбаков). В Малой Азии к концу 610-х гг. персидские войска вышли на побережье Эгейского моря и черноморских проливов; ими был захвачен ряд островов Эгеиды, остров Родос и город Халкедон - главный опорный пункт Византии на Босфоре. Более того, имели место попытки персов высадиться на Балканах, потерпевшие, однако, неудачу благодаря успешным действиям византийского флота.

Таким образом, к началу 620-х гг. внешнеполитическая доктрина Сасанидов, провозглашенная еще Арташиром I, была практически реализована - персы дошли "до Ионии и Кари". Византия, атакуемая со всех сторон варварами (вестготами, лангобардами, аvaraми, славянами и т.д.), лишенная своих самых богатых - азиатских и еги-

---

³Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI - VII веков. М. - Л., 1946. С. 198.

петских - владений, казалось, вот-вот рухнет, повторив судьбу Западной Римской империи...

Перелом наступил в 620 г. Ираклий смог, наконец, заключить мир с аварами, пойдя на огромные жертвы и уступки (помимо значительных денежных выплат кагану были отправлены заложники из числа родственников императора). Это был первый - пока еще дипломатический - серьезный успех Византии, развязавший ей руки в Европе и позволивший сосредоточиться на организации отпора хозяйничавшим на Востоке персам. С 622 г. византийские войска постепенно начинают переходить в наступление, вытесняя противника с захваченных территорий. После ряда успешных операций в Малой Азии и Закавказье Ираклий двинулся в Месопотамию, направляя свой главный удар на Ктесифон. Весной 628 г. византийское войско, преодолев сопротивление персов, находилось уже на подступах к сасанидской столице, однако продвинуться дальше Ираклий был не в состоянии: дальнейший путь его измотанному непрерывными боями войску был прегражден отборными отрядами личной гвардии Хосрова II. Византийская армия двинулась обратно в Закавказье, где чуть позже Ираклий узнал о совершившемся в Персии перевороте: Хосров Парвез был убит, а на престол придворной знатью был возведен его сын Кавад II (628), впрочем, переживший отца всего на полгода и также павший жертвой заговора.

Обе державы были обескровлены. Хозяйство переднеазиатских областей и Византии, и Персии было разорено. Сил для продолжения войны не было ни у одной из сторон. В итоге между Византийской империей и сасанидским Ираном в апреле 628 г. был подписан мирный договор, согласно которому восстанавливалось довоенное положение границ. Таким образом, завоевания персов на Западе оказались непрочными, и Персидская держава (уже в который раз) не смогла реализовать свои претензии на гегемонию в Передней Азии. Византия же вновь продемонстрировала свою жизнестойкость и способность с успехом выходить из самых, казалось бы, критических ситуаций.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем заключались объективные причины возобновления военно-политического противостояния Византии и Ирана в начале VII в.? Что стало поводом к этому?
2. Чем можно объяснить успехи персидских войск на первом этапе войны 602 - 628 гг.?
3. Каковы были причины утраты Персией инициативы на втором этапе (620-е гг.) боевых действий в войне 602 - 628 гг.?
4. Сформулируйте итоги ирано-византийской войны 602 - 628 гг. для обеих сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В то время как обе империи пытались уничтожить друг друга, а их армии состязались во взаимном истреблении, южнее, на Аравийском полуострове, уже зрела новая сила, появление которой осталось незамеченным противоборствующими сторонами. Арабы, объединившиеся в начале VII века под знаменем ислама, еще в ходе войны 602 - 628 гг. предприняли первые походы против своего ближайшего соседа - сасанидского Ирана. Первое сражение между арабами-мусульманами и персами произошло еще в 611 г. при Зу-Каре, однако какое дело было Сасанидам, чьи войска захватывали города византийского Востока один за другим, и которым казалось, что еще немного, и их вековая мечта - восстановление границ империи Ахеменидов "до Пропонтиды и Фракии" - будет воплощена в жизнь, - какое им дело было до каких-то бедуинов, пусть и одержавших незначительную победу над одним из персидских отрядов. Логика войны заставляла иранских владык сосредоточить все свое внимание на западном направлении; остальное в тогдашней обстановке казалось несущественным.

Иначе расценили ситуацию приверженцы Мухаммеда. Для них столкновение при Зу-Каре стало лишь успешной "пробой пера". Выждав, пока Византия и Иран истощат друг друга в самой кровопролитной и разрушительной войне за всю историю их военно-политического противостояния, арабы в начале 630-х гг. вторглись на территорию обоих недавних противников. В течение менее чем двух десятилетий (с 633 по 651 гг.) держава Сасанидов была полностью завоевана. В том же году, когда исламское воинство окончательно покорило Иран, погиб от руки алчного крестьянина-мельника и покинутый всеми последний царь из династии Сасанидов - Ездегерд III (632 - 651).

Более успешно шли дела у Византии. Ценой утраты всех своих африканских и большей части азиатских владений империя сумела таки остановить арабские войска на границе Малой Азии. Однако об установлении контроля над всем переднеазиатским регионом византийским басилевсам теперь можно было забыть.

Гибель Сасанидской державы стала закономерным итогом непрерывных войн, сопровождавших всю историю этого государства с

момента его возникновения в первой половине III в. н.э. Материальные и людские ресурсы Персии были не беспредельны. Сотни тысяч человеческих жизней стали платой за имперские амбиции шаханшахов. Население Ирана страдало от налогов и прямого хозяйственного ущерба, причинявшегося внешними врагами как на западе, так и на востоке страны. Не выдержала проверку временем и социально-политическая система Сасанидского государства. Ставка Сасанидов на духовную и светскую знать в сочетании с предоставлением ей различных льгот и привилегий способствовала усилению зороастрийского духовенства и аристократических родов в ущерб центральной власти и, как следствие, ослаблению военно-административной мощи Персии. Нельзя забывать и о том, что, постоянно привлекая арабские контингенты на военную службу, персы объективно способствовали совершенствованию военного дела жителей Аравии, знакомили их с тактикой и стратегией сасанидской армии, ее как сильными, так и слабыми сторонами.

Сочетание этих и ряда других факторов завершилось для сасанидской державы катастрофой. Арабы огнем и мечом прошли по всему Ирану, уничтожив как многочисленные достижения среднеперсидской цивилизации, так и ее носителей - светскую и духовную аристократию. После этого дни сасанидской культуры были сочтены: обезглавленное общество, забывая свои традиции, было обречено на обращение в ислам, в основном завершившееся к концу VIII в. Почти тысячу лет (с походов Александра Македонского) Иран не подвергался таким испытаниям.

На этом история римско-персидских войн закончилась. Начинаясь новая эпоха в истории противостояния Запада и Востока - эпоха борьбы Креста и Полумесяца...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Agath. - *Agathiae Mirinaei Historiarum libri quinque cum versione latina. Accedunt Agathiae epigrammata* / Rec. B.G. Nieburus. Bonnae, 1828. - Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. с древнегр. М.В. Левченко. М. - Л., 1953.

Amm. Marc. - *Ammianus Marcellinus. Romische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Bd. 1 - 4. B.*, 1968 - 1971. - Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. Вып. 1 - 3. Киев, 1906 - 1908; СПб., 1996.

Eutrop. - *Eutropii Breviarium historiae Romanae* / Ed. F. Rühl. Lipsiae, 1887. - Евтропий. Краткая история от основания Города / Пер. с лат. А.И. Донченко // Римские историки IV века. М., 1997. С. 5 - 76.

Fest. - *Festi Breviarium rerum gestarum populi romani* / Ed. G. Freytag. Leipzig, 1886.

Herodian. - *Herodiani Ab excessu divi Marci libri VIII* / Ed. K. Stavenhagen. Lipsiae - Berolini, 1922. - Геродиан. История императорской власти после Марка / Пер. с древнегр. А.И. Доватура и др. СПб., 1995.

Liban. - *Libanii Opera. Vol. 1 - 12* / Rec. K. Foerster. Lipsiae, 1903 - 1923. - Либаний. Речи. Т. 1 - 2 / Пер. с древнегр. С. Шестакова. Казань, 1915.

Men. - Византийские историки Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. с древнегр. С. Дестуниса. СПб., 1860.

Prisc. - *Priscus* // Blockley R. C. *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II.* Liverpool, 1983. - Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского // Ученые записки 2-го Отделения императорской Академии наук. Кн. VII/1. СПб., 1861.

Proc. *Bell. Goth.* - *Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. 1 - 5* / Rec. J. Hauri, C. Wirth. Lipsiae, 1962 - 1964. - Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950.

Proc. *Bell. Pers.* - Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. 1 - 5 / Rec. J. Hauri, C. Wirth. Lipsiae, 1962 - 1964. - Прокопий Кесарийский. Война с персами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с древнегр. А.А. Чекаловой. М., 1993. С. 7 - 175.

Proc. *Hist. Arc.* - Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. 1 - 5 / Rec. J. Hauri, C. Wirth. Lipsiae, 1962 - 1964. - Прокопий Кесарийский. Тайная история // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с древнегр. А.А. Чекаловой. М., 1993. С. 316 - 418.

SHA. - Scriptores Historiae Augustae. Vol. 1 - 2 / Ed. E. Hohl, Ch. Samberger, W. Seyfarth. Lipsiae, 1965. - Авторы жизнеописаний Августов / Пер. с лат. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1957. № 1. С. 257 - 269; № 2. С. 241 - 262; № 3. С. 223 - 241; № 4. С. 203 - 214; 1958. № 1. С. 251 - 270; № 2. С. 263 - 293; № 3. С. 239 - 261; № 4. С. 174 - 185; 1959. № 1. С. 223 - 245; № 2. С. 233 - 245; № 3. С. 227 - 244; № 4. С. 217 - 240; 1960. № 1. С. 211 - 239.

Socr. Schol. - Socratis Scholastici Ecclesiastica historia / Ed. R. Hussey. T. I-II. Oxonii, 1853. - Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.

Tac. *Hist.* - P. Cornelii Taciti Libri qui supersunt. Vol. 1 - 2 / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1962. - Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А.С. Бобовича и др. М., 2001.

Theophan. - Theophanis Chronographia / Rec. C. De Boor. Vol. I: Textum Graecum continens. Lipsiae, 1883. - Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта в переводе с греческого В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского с предисловием О.М. Бодянского. М., 1884.

Theophyl. - Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1887. - Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.

Veget. *ERM.* - Flavii Vegetii Renati Epitoma rei militaris / Rec. C. Lang. Lipsiae, 1869. - Вегетий. Краткое изложение военного дела / Пер. с лат. С.П. Кондратьева // Греческие полиоркетики. Вегетий. СПб., 1996. С. 151 - 306.

Zos. - Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887. - Zosimus. New History. London, 1814.

Tabari. - Tabari. The history of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa'l-muluk). Vol. 5. The Sasanides, the Byzantines, the Lakhmides and Yemen / Translated and annotated by C.E. Bosworth. N.-Y., 1999.

Егише. - Егише. О Вардане и войне армянской / Пер. с древне-арм. И.А. Орбели. Ер., 1971.

МХ. - Моисей Хоренский. История Армении / Пер. с древне-арм. Н.О. Эмина. М., 1893.

Себеос. - История епископа Себеоса / Пер. с четвертого испр. арм. изд. Ст. Малхасянц. Ереван, 1939.

ФБ. - Фавст Бузанд. История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с арм. М.А. Геворгяна. Ер., 1953.

Литература

Адонц Н.Г. Фауст Византийский как историк // ХВ. 1922. Т. 6. Вып. 3.

Аракелян Б.Н. Археологические открытия в Армении // ВДИ. 1951. № 1.

Арзуманян Н.А. Пехота сасанидской армии при полиоркетике (Осада) // ВОН АН Армянской ССР. 1971. № 9.

Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор // Бартольд В.В. Сочинения в 9 томах. Т. 7. М., 1971.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Вдовин В.Ю., Никоноров В.П. Фрагменты панцирного доспеха позднесасанидского времени из Тоголок-депе // ИАН Туркменской ССР. СГН. 1991. № 4.

Всемирная история. Т. 2 / Под ред. Е.М. Жукова и др. М., 1956.

Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.

Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. 1959. № 1.

Даниэлян Э.Л. Год раздела Армении. 387 или 385? // Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1980. № 1.

Дмитриев В.А. Состав персидской армии IV в. н.э. в известиях римского историка Аммиана Марцеллина // Метаморфозы истории. Альманах. Вып. 3. Псков, 2003.

Дьяконов М.М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.

Еремян С.Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450 - 451 гг. // ВДИ. 1951. № 4.

Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья // История древнего мира. Кн. 3. Упадок древних обществ / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, С.И. Свенцицкой. М., 1982.

Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. СПб., 1909.

История Востока. Т. 2. Восток в средние века. М., 2000.

Каминский В.Н. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // КСИА. Вып. 170. 1982.

Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами (Иран при "праведных" халифах). М., 1982.

Колесников А.И. Иран в начале VII века (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Л., 1970.

Крымский А.Е. История Сасанидов и завоевание Ирана арабами. С указанием главных моментов литературной истории христиансирий и политической истории вассальных Ирану арабов и с приложением отдела о Парфянском царстве и Аршакидах. М., 1905.

Литвинский Б.А., Пьянков И.В. Военное дело у народов Средней Азии в VI - IV вв. до н.э. // ВДИ. 1966. № 3.

Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М., 1987.

Луконин В.Г. Иран в III в. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.

Луконин В.Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961.

Луконин В.Г. Сасанидская держава в III - V вв. // История древнего мира. Кн. 3. Упадок древних обществ / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, С.И. Свенцицкой. М., 1982.

Никоноров В.П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО. НС. Т. 1 (26). СПб., 2002.

Никоноров В.П. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИА. 1985. Вып. 184.

Никоноров В.П., Худяков Ю.С. "Свистящие стрелы" Маодуня и

"Марсов меч" Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.; М., 2004.

Патканов К.П. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. СПб., 1863.

Перевалов С.М. Сарматский контос и сарматская посадка // РА. 1999. № 4.

Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.

Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV - VI вв. М. - Л., 1964.

Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI - VII вв. М. - Л., 1946.

Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV - VI вв. М., 1951.

Пигулевская Н.В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

Пигулевская Н.В. Оборона городов Месопотамии в VI в. // УЗ ЛГУ (серия исторических наук). 1941. № 86. Вып. 12.

Пилипко В.Н. Терракетное изображение сасанидского вельможи с побережья Средней Амударьи // ПТ. 1977. № 2.

Пугаченкова Г.А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. 1966. № 2.

Разин Е.А. История военного искусства. Т. 1. Военное искусство рабовладельческого периода войны. М., 1955.

Симоненко А.В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1.

Стависский Б.Я., Вайнберг Б.И. Сасаниды в Правобережной Бактрии (Тохаристане) в IV - V вв. // ВДИ. 1972. № 3.

Тер-Мкртичян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии V - VII вв. М., 1979.

Тиранян Г.А. Уточнение некоторых деталей сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. н. э. Фавста Бузанда / Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Тревер К.В. Кушаны, хиониты, эфталиты по армянским источникам IV - VII вв. // СА. 1954. Т. 21.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. - VII в. н.э.). М. - Л., 1959.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III - VIII веков. М., 1987.

Фрай Р.Н. Наследие Ирана. М., 1972.

Фрай Р.Н. Наследие Центральной Азии. От древности до тюркского нашествия. Душанбе, 2000.

Холмогоров В.И. Римская стратегия IV в. н.э. у Аммиана Марцеллина // ВДИ. 1939. № 3.

Хуршудян Э.Ш. Армения и сасанидский Иран (Историко-культурологическое исследование). Алматы, 2003.

Черненко Е.В. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

Austin N.J.E. Ammianus on warfare. An investigation into Ammianus' military knowledge // CL. 1979. Vol. 165.

Bivar A.D.H. Cavalry equipment and tactics on the Euphrates frontier // DOP. 1972. № 26.

Blockly R.C. Ammianus Marcellinus on the Persian invasion of A. D. 359 // Phoenix. 1988. Vol. 52.

Brok M.F.A. De persische Expeditie van Keiser Julianus volgens Ammianus Marcellinus. Groningen, 1959.

Bury J.B. The date of the battle of Singara // BZ. 1896. Bd. 5. Hft. 2.

Cameron A. Agathias on the Sassanians // DOP. 1969 - 1970. № 23/24.

Chalmers W.R. Eunapius, Ammianus Marcellinus and Zosimus on Julian's Persian expedition // CQ. 1960. Vol. 10 (54).

Chapot V. La frontiere de l'Euphrate du Pompe a la conquete arabe. P., 1907.

Chaumont M.L. Armenia and Iran. II. The pre-Islamic period // EIr. Vol. 2. 1987.

Chaumont M.L. Aspbed // EIr. Vol. II. 1987.

Chaumont M.L. Azad. I. In Ancient Iran // EIr. Vol. III. 1989.

CHI. Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian periods / Ed.

By E. Yarshater. Cambridge - L. - N.-Y. - New Rochelle - Melbourne - Sydney, 1983.

Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944.

Felix W. Chionites // *EIr*. Vol. 5. 1991.

Felix W. Deylamites. I. The pre-Islamic period // *EIr*. Vol. VII. 1996.

Frye R.N. The History of Ancient Iran. Munchen, 1984.

Gall H., von. Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. Berlin, 1990.

Ghirshman R. Iran: From the Earliest Times to the Islamic Conquest. Harmondsworth, 1954.

Gibb H.A.R. The relations between Byzantium and the Arabs // *DOP*. 1964. № 18.

Greatrex G. Rome and Persia at war, 502 - 532. Leeds, 1998.

Gyselen R. The four generals of the Sasanian Empire: Some sigillographic evidence. Roma, 2001.

Justi F. Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sasaniden // *Grundriss der iranischen Philologie*. Bd. 2. Strassburg, 1896.

Kettenhofen E. Deportations. II. In the Parthian and Sasanian periods // *EIr*. Vol. 7. 1994.

Lee A.D. Embassies as evidence for the movement of military intelligence between the Roman and Sassanian Empires // *The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986* / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford BAR, 1986.

Lenssen J. The Persian invasion of 359. Presentation by suppression in Ammianus Marcellinus' *Res Gestae* 18.4.1 - 18. 6.7 // *The late Roman world and its historian. Interpreting Ammianus Marcellinus*. L. - N.-Y., 1999.

Lieu S.N.C. Captives, refugees and exiles a study of cross-frontier civilian movements and contacts between Rome and Persia from Valerian to Jovian // *The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986* / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford BAR, 1986.

Matthews J.F. Ammianus and the eastern frontier in the fourth century: a participant's view // *The defense of the Roman and Byzantine East*.

Proceedings of a colloquium held at the University of Sheffield in april 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford BAR, 1986.

Mielczarek M. Cataphracti and clibanarii. Studies on the heavy armoured cavalry of the ancient world. Lodz, 1993.

Nicolle D. Sassanian armies: The Iranian Empire, early 3rd to mid-7th centuries A.D. Stockport, 1996.

Nikonorov V.P. Cataphracti, catafractarii and clibanarii: Another look at the old problem of their identifications // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции (2 - 5 сентября 1998 г.). СПб., 1998.

Paterson W.F. The Sassanids // JSAA. 1969. Vol. 12.

Rance Ph. Elephants in warfare in Late Antiquity // AAASH. 2003. T. 43/3 - 4.

Rawlinson G. The seventh great Oriental monarchy or the geography, history and antiquities of the Sassanian or New Persian empire. L., 1876.

Ridley R.T. Notes on Julian's Persian expedition (363) // Historia. 1973. Bd. 22.

Rubin Z. The Reforms of Khusro Anushirwan // The Byzantine and Early Islamic Near East. III: States, resources and armies. Princeton, 1995.

Seeck O. Hormisdas // RE. Hbd. 15. 1913.

Seeck O. Sapor (II) // RE. Reihe 2. Hbd 2. 1920.

Sellwood D. Amida // EIr. Vol. 1. 1986.

Shahbazi A.Sh. Army. I. The pre-Islamic Iran // EIr. Vol. 2. 1987.

Shahbazi A. Sh. Byzantine-Iranian relations. I. Before the Islamic conquest // EIr. Vol. 4. 1990.

Skjaervo P.O. Aswar // EIr. Vol. 2. 1987.

Smith R. Telling tales. Ammianus' narrative of the Persian expedition of Julian // The late Roman world and its historian. Interpreting Ammianus Marcellinus. L. - N.-Y., 1999.

Stark F. Rome on the Euphrates. The story of a frontier. L., 1966.

Sundermann W. Bidaxs // EIr. Vol. 4. 1989.

Sykes P. A history of Persia. Vol. 1. L., 1921.

Tafazzoli A. Sasanian society: Warriors, scribes, dehqans. New York, 2000.

Tomaschek W. Chionitae // RE. Hbd. 6. 1899.

Toumanoff C. Aspet // EIr. Vol. II. 1987.

Whitby M. The Persian King at war // The Roman and Byzantine army in the East. Proceedings of a colloquium held at the Jagiellonian University, Krakow in September 1992. Krakow, 1994.

Wieshofer J. Ardasir I. I. History // EIr. Vol. 2. 1986.

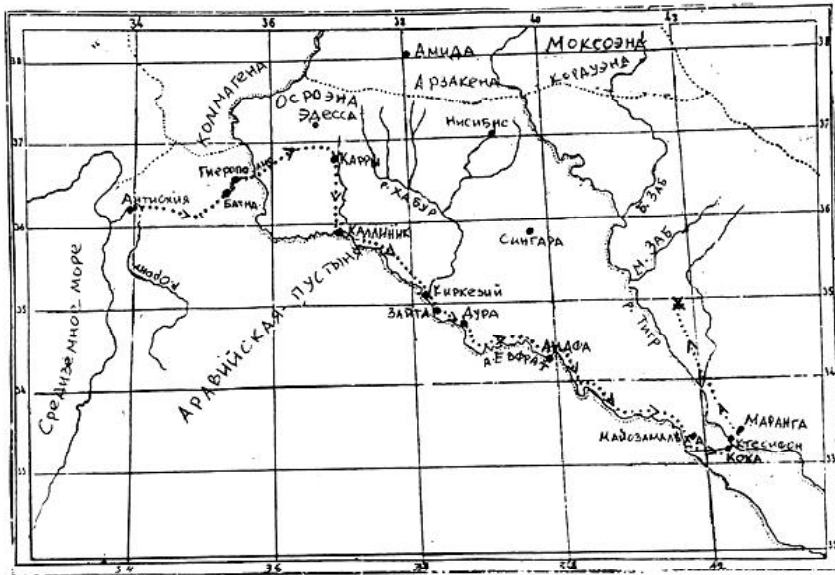
Wilcox P. Rome's enemies (3): Parthians and Sassanid Persians. Oxford, 2003.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений

- АН - Академия наук.
ВДИ - Вестник древней истории.
ВОН - Вестник общественных наук.
ЗВОРАО - Записки Восточного Отделения Российского археологического общества.
ИАН - Известия Академии наук.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
НС - Новая серия.
ПТ - Памятники Туркменистана.
РА - Российская археология.
СА - Советская археология.
СГН - Серия гуманитарных наук.
УЗ - Ученые записки.
AAASH - Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.
BAR - British Archeological Reports.
BZ - Byzantinische Zeitschrift.
CAH - Cambridge Ancient History.
CHI - Cambridge History of Iran.
CL - Collection Latomus.
CMH - Cambridge Medieval History.
CQ - Classical Quarterly.
DOP - Dumbarton Oaks Papers.
EHR - English Historical Review.
Elr - Encyclopaedia Iranica.
FO - Folia Orientalia.
JSAA - The Journal of the Society of Archer-Antiquaries.
LA - Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike.
RE - Pauly's Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa.

Карты

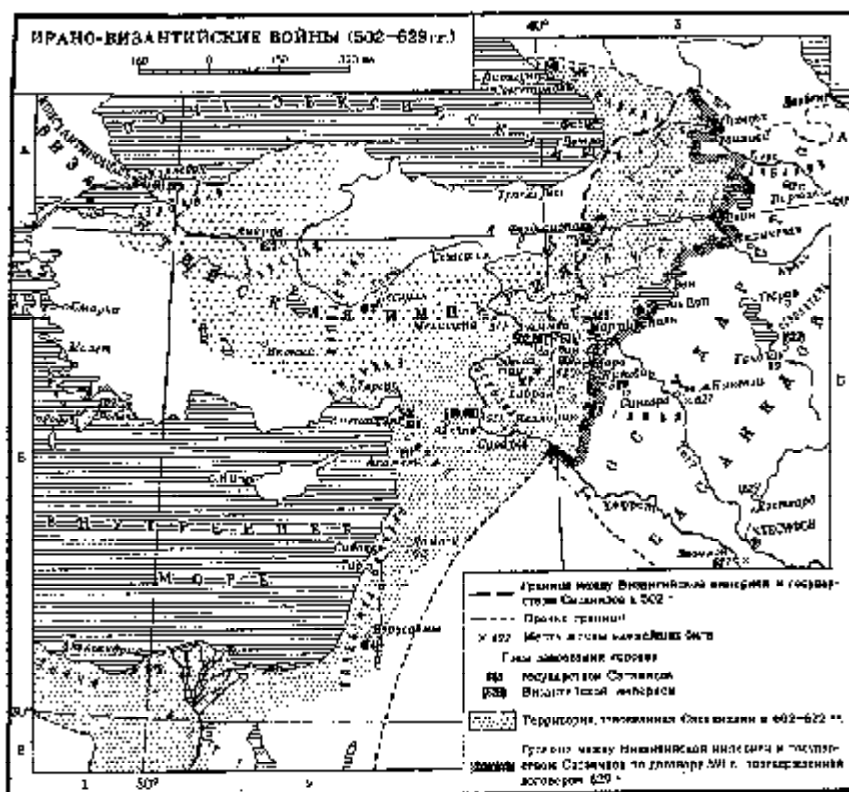

Условные обозначения

•••➔ Путь римской армии

✕ Место гибели Юлиана

Поход армии Юлиана Отступника в Персию (363 г.)

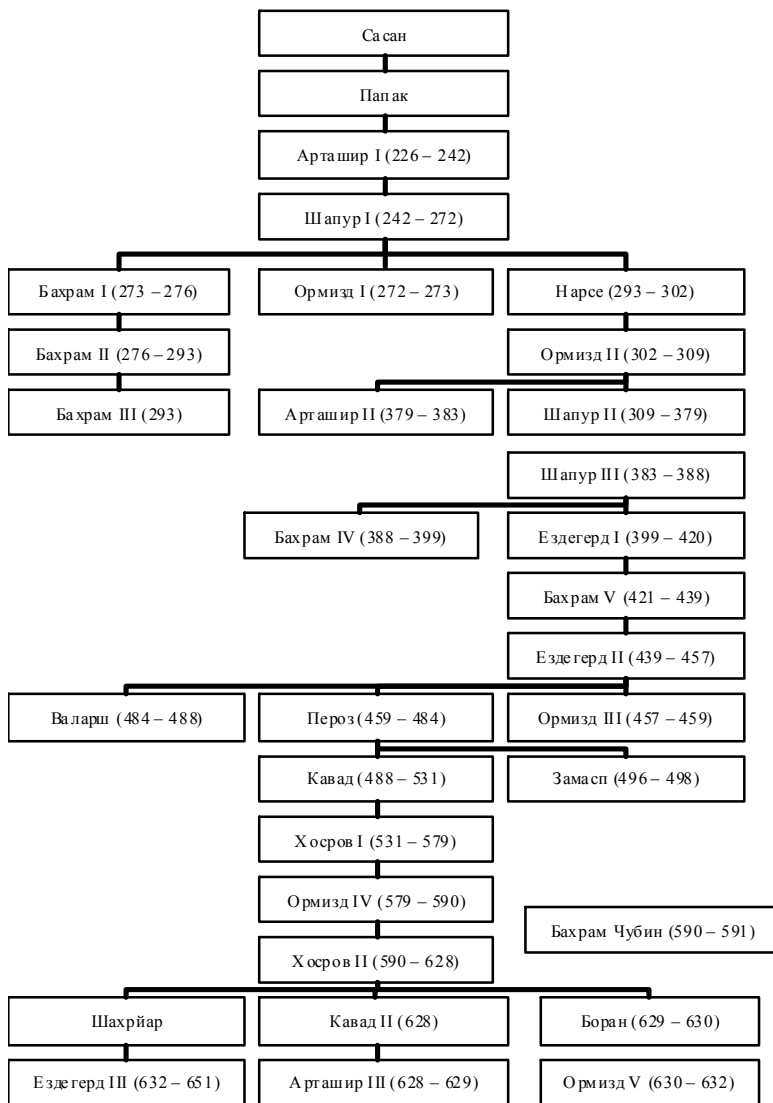
Ирано-византийские войны (502 - 629 гг.)

Изменения границ Византии и Ирана по договору 591 г.

Династия Сасанидов

Римские и византийские императоры (III - первая половина VII вв.)

Римские императоры

222 - 235 Александр Север
235 - 238 Максимин Фракиец
238 Гордиан I, Гордиан II, Бальбин, Максим I
238 - 244 Гордиан III
244 - 249 Филипп Араб
249 - 251 Деций
251 - 253 Требониан Галл
253 Эмилиан
253 - 260 Валериан
253 - 268 Галлиен
268 - 270 Клавдий II Готский
270 - 275 Аврелиан
275 - 276 Тацит
276 Флориан
276 - 282 Проб
282 - 283 Кар
282 - 285 Карин
282 - 284 Нумериан
284 - 305 Диоклетиан
285 - 305 Максимиан
293 - 306 Констанций I
293 - 311 Галерий
305 - 307 Флавий Север
305 - 313 Максимин Даза
306 - 312 Максенций
307 - 308 Максимиан
308 - 324 Лициний
306 - 337 Константин I
337 - 340 Константин II
337 - 350 Констант I
337 - 361 Констанций II

361 - 363 Юлиан Отступник
363 - 364 Иовиан
364 - 375 Валентиниан I
364 - 378 Валент
375 - 383 Грациан
379 - 395 Феодосий I

Императоры Восточной Римской (Византийской) империи

395 - 408 Аркадий
408 - 450 Феодосий II
450 - 457 Маркиан
457 - 474 Лев I
474 Лев II
474 - 491 Зинон
491 - 518 Анастасий I
518 - 527 Юстин I
527 - 565 Юстиниан I
565 - 578 Юстин II
578 - 582 Тиберий II
582 - 602 Маврикий
602 - 610 Фока
610 - 641 Ираклий I
641 Константин III, Ираклий II
641 - 668 Констант II

Древние меры длины, массы и денежные единицы, упомянутые в пособии

Меры длины

Стадия = 176,6 м

Парсанг = 5250 м

Меры массы

Либра (фунт) = 327,45 г

Денежные единицы

Кентинарий = 100 либр золота

Для заметок

Для заметок

Владимир Алексеевич Дмитриев

**БОРЬБА РИМСКОЙ (ВИЗАНТИЙСКОЙ) ИМПЕРИИ
И САСАНИДСКОГО ИРАНА ЗА ПРЕОБЛАДАНИЕ
В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (III - VII вв.)**

Учебное пособие

Издательская лицензия **ИД №06024** от 09.10.2001 года.
Подписано в печать 31.01.2008 г. Формат 60х90/16.
Объем издания в усл.печ.л. 9,25. Тираж 100 экз. Заказ № 19

Псковский государственный педагогический университет им. С.М.Кирова,
180760, г. Псков, пл. Ленина, 2.

Редакционно-издательский отдел ПГПУ им. С.М.Кирова,
180760, г. Псков, ул. Советская, 21, телефон 2-86-18.